

Колдовские Миры

Империя Тигвердов

ТАНГО В ПУСТОТЕ

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, что ждет тебя накануне свадьбы – жаркие объятия любимого или смертельное заклятие магической метели. Никогда не знаешь, чему больше обрадуются родители: твоему возвращению на работу в Академию МВД или визиту императора, главы державы из другого мира. А Ричард... Я не знаю, увижу ли его снова. Прощу или нет – тоже не знаю. Мое имя – Вероника Журавлева. И другого не будет. Платья в стиле ампир и романтические кудри мне не подходят. Империя не отпускает своих подданных? Бывают исключения, когда однажды ты решаешь все забыть и начать жизнь с чистого листа. Только любовь не отпускает тех, кто раз впустил ее в свое сердце.

- [Тереза Тур](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Тереза Тур

Империя Тигвердов. Танго в пустоте

© Тур Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

– А все-таки посмотрите, как интересно выходит, Фредерик... – Машина стояла в пробке на выезд из Санкт-Петербурга. И тут уж даже самый сильный маг империи Тигвердов, император, повелитель и прочая, прочая, прочая... ничего поделаться не мог. Добро пожаловать в мой мир!

– Что же вам показалось интересным? – отвлекся от бумаг император и посмотрел на меня.

– Если отбросить такую лирику, как мое разбитое сердце, то получается классическая картина попытки государственного переворота.

– Мама! – закатил глаза Пашка, тоже присутствующий при этом разговоре. – Ты невозможна!

– А я в восхищении, – улыбнулся Фредерик. – Но с чего вы пришли к подобным выводам, Вероника?

– Уголовная полиция – на этапе реорганизации. Их начальник после нападения на меня – на каторге. Следовательно, с объемом работы они не справляются. Получается, что уголовные элементы почувствуют слабость. Так?

– Так... – император отложил бумаги и с интересом посмотрел на меня.

– Генеральный прокурор – плохой ли, хороший ли – под домашним арестом в своем поместье. Идет следствие. Преемника, который бы устроил всех, нет. И за этот пост идет беспощадная грызня.

– Вам сложно представить, насколько вы правы, – поморщился повелитель.

– Почему же. Я присутствовала, когда застрелили барона Кромера. А он, кстати, не желал никого выдавать...

– Исчезновение сына для него стало ударом. Барона можно было продать. Особенно если бы этим занялся я.

Я кивнула, соглашаясь. И продолжила рассуждать:

– Теперь, – голос все-таки дрогнул, – принц Тигверд.

– Мама, – сказал сын с тревогой.

– Все в порядке, Паша. Итак, принц Тигверд. – Я говорила и говорила, делая себе с каждой фразой все больнее. Слова рвались наружу с какой-то непонятной извращенной радостью. – Ненаследный принц. Бастард императора. Самый преданный подданный. Сын, для которого служить империи и императору – как дышать. И мой...

У меня все же перехватило дыхание, и фразу «мой жених» – я проговорить не смогла. Вместо этого сказала:

– Главнокомандующий в отставке. Может быть, как бы в отставке?

Император согласно опустил голову:

– Официально – да. Его отставка была выгодна. Во-первых, его следовало наказать за срыв. Натворил он действительно много чего. В гневе он неконтролируем. Во-вторых... Ему надо было отдохнуть. Переключиться. Сменить на какое-то время сферу деятельности.

– А теперь посмотрите, что получается. Ваш сын – в неадекватном состоянии. Он убежден, что мы с вами... его предали...

– Мама? – изумление в голосе Паши. – Ваше величество?

– Это была интрига, – проскрежетал император. – К стыду своему, должен отметить, что интрига успешная.

– Мам, вас подставили?

– Получается, что – да.

– И милорд Верд... Он поверил?

– Да. – Я вздрогнула, вспомнив наш последний разговор. Странно, но хотя и император, и его старший сын убеждали меня, что я была в смертельной опасности, мне не верилось. Я не могла поверить, что Ричард – пусть в гневе, пусть в остром припадке ревности – может причинить мне какой-то вред. Меня не покидала уверенность – возможно, глупая, даже иррациональная, – что рядом с ним я в полной безопасности.

– Ричард поверил, – печально кивнул император и тяжело вздохнул.

– А теперь посмотрите на это с точки зрения солдат и офицеров, с которыми он прошел все кампании, – продолжила говорить я, взяв себя в руки. – В армии любят милорда Верда. И что же они узнают? Вы отняли у него невесту, сделав своей любовницей. Их главнокомандующий исчез. И вы, император, не знаете, где он. Помимо того что у вас нет преданного вам главнокомандующего да и вообще армия никому не подчинена, у вас проблемы с недовольством среди личного состава.

Я вспомнила строй солдат и офицеров перед поместьем в свете факелов, когда мы возвращались с представления во дворце: искренние радостные лица, громогласное и оглушающее, грозное и ликующее: «Бра-бра-бра!!!» Абсолютно счастливого Ричарда. Нашу ночь после этого. Рассвет, который мы встретили вместе, уже поверив, что ничто и никто не сможет нас разлучить.

Сердце на мгновение сжалось. Ничего этого теперь не будет...

– Ко мне уже приходило несколько делегаций, – поморщился император. – Я наблюдал занятнейшую картину – смесь исключительной

дерзости и исключительной почтительности. И, как мы понимаем, именно военные – люди, на которых во многом держится трон.

– Многие из них после отставки завязаны на торговле. – Я вспомнила, как бывшие сослуживцы милорда Верда решили вопрос с платьем для свадьбы. – В том числе они занимаются и драгоценными камнями. Система дорог в стране отдана им же. А как я успела заметить, чувство боевого братства для солдат и офицеров очень и очень значимо.

– Согласен. В случае недовольства военных в стране трудно будет избежать кризиса.

– Получается, что в силовых ведомствах смута. Командующего нет. Прокурора нет, розыска преступников нет. Остается Милфорд и его контрразведка. Но ему можно подкинуть головной боли, активизировав друзей из сопредельных государств. К тому же он – близкий друг милорда Верда. И в лучшем случае он в недоумении, почему все так получилось с вами и со мной...

– Еще есть граф Крайом – начальник моей охраны. Кстати, он занимается и внутренними врагами. – У его величества были закрыты глаза, он о чем-то напряженно размышлял.

– Если каким-то образом вывести и его из игры... Организовать покушение или подставить. Тогда вокруг вас преданных людей из силовых ведомств не остается, ваше величество, – подвела я итог своим размышлениям.

– Кто-то решил устроить смену династии? – с интересом спросил император. – Ну-ну. Посмотрим.

– Я бы еще поменяла министра финансов. Либо на своего человека, либо на кого-нибудь крайне бестолкового, – добавила я.

– Уже. В начале лета моего старого опытного министра хватил удар. Он ушел по состоянию здоровья, – нахмурился Фредерик. – На данный момент разводит розы в поместье.

– Допускать, что все эти события – простые совпадения, думаю, не стоит, – кривовато улыбнулась я.

– А тут Ричард со своей неземной любовью, – с горечью выдохнул император. – И со своей неумной ревностью!

– Ну, мама! – послышался восхищенный возглас моего сына. – Ты – мозг!

– Действительно, – согласился с ним император Фредерик. – Мои комплименты, миледи...

– Это просто знание истории. Законы, в принципе, везде одни и те же...

Мы замолчали. Дворники жалобно скребли лобовое стекло. Машина, в которой мы ехали, была огромной. Шофер и охранник – впереди. Император – на одном из сидений, я – на другом. Пашка уставился в окно, где «хороводили снег с дождем». Надо же... В Питере – конец января. Люди уже отпраздновали Новый год – а я даже не вспомнила про любимый когда-то праздник. Забыла обо всем, околдованная нежданной, нечаянной любовью и упоительными отношениями с Ричардом. Взгляд упал на указательный палец, где все еще был помолвочный перстень с сапфиром. Фредерик взял с меня слово, что я его не сниму. Несмотря ни на что.

И все же – сказка закончилась. Надо жить дальше. И я решила вернуться назад, в свой мир, к своей обычной жизни. Где не было уютного поместья, красивых, но неудобных платьев в стиле ампир. Где отражение в зеркале не сообщало, что я прекрасная принцесса. Где еще можно было вздрагивать, услышав шаги, надеяться на то, что это шаги Ричарда... Он войдет, улыбнется и скажет, что все произошедшее было... недоразумением. И попросит прощения. А я улыбнусь ему в ответ – и найду в себе силы простить...

Все это было. Но все это было слишком сказочно... даже для сказки... Двенадцать часов пробили, только как-то не вовремя. Настало время превращаться в тыкву...

Тоже мне Золушка... Так, не ругаться, даже в мыслях, – сына ругаю, а сама... У той хоть туфелька была. Хоть какая-то, но надежда. А у меня?

Что-то холодное и мокрое поползло по щеке. Быстро прижалась к ней тыльной стороной ладони. Не хватало еще, чтоб заметил сын или император. На темно-синем камне перстня, предательски сверкнув, уютно устроилась слезинка. Я смахнула ее большим пальцем, ощутила гладкую, прохладную поверхность, утонула взглядом в глубокой синеве...

У меня есть перстень! Ну что, друг... Не подведешь? И тут камень подмигнул, полыхнул ярко-синим облачком, и стало так тепло, так радостно! Йо-ху, а у меня есть волшебный перстень, он синий-синий, он круче какой-то там стеклянной тапки тридцать четвертого размера!

Гордая Золушка отклонила предложение императора Тигверда о предоставлении поместья, дающего право на титул, и от немаленького, даже по меркам империи, дохода.

Остаться в мире, где была уничтожена любовь... Слишком больно.

Мы с Фредериком спорили несколько дней. В результате теперь зовем друг друга по именам. Как-то получилось само собой. И я вытребовала себе разрешение вернуться.

Окончательно же решила настоять на своем после того, как однажды

услышала от его величества: «Вы невозможно упрямая женщина!» Это было сказано с абсолютно теми же интонациями, что и у сына. И тем же голосом. Когда в пылу спора он первый раз мне это заявил, я почувствовала, как в сердце словно что-то вонзилось. Закрыла глаза руками. Ушла в спальню. И сутки ни с кем не говорила.

Потом вышла – спокойная как удав – и сообщила, что ухожу. Фредерик посмотрел мне в глаза, прошипел какое-то ругательство на незнакомом языке. Затем величественно изрек, что отправляется в Петербург со мной. Проследить, как устроюсь, обеспечить безопасность и вернуть мне мою жизнь.

Паша согласился покинуть империю. Решение было трудным. Он привык к Академии, привык к магии. Но сын пошел мне навстречу. Как будто понимал, что не могу я его оставить. И остаться – тоже не могу. Рэм же... Если бы Ричард не исчез, юный герцог вызвал бы ректора своей собственной Академии на дуэль.

Я советовалась с ним, четырнадцатилетним мальчишкой. Спрашивала, что мне делать? Что делать с Пашей? Как быть с ним – наследником герцогства? Где ему безопаснее? Сошлись на том, что Паша пока отправляется со мной. А Рэм остается там, где безопаснее, в Академии.

Первым этапом в наш мир были отправлены люди графа Крайома, начальника службы безопасности императора. Разобраться с теми, кто мог вести на меня и на мальчиков охоту. И попутно объяснить заинтересованным лицам, что этого делать не стоит.

Вторым – я, Паша и император. Все вместе отправились к родителям, чтобы организовать счастливое воссоединение семьи. Я нервничала. Все время думала о том, что мама и папа считают меня погибшей. И что за покалеченный мальчик у них появился? Они думают, что я умерла, а этот мальчик – Паша? От этой мысли все холодело внутри...

У родителей был дом по Киевскому шоссе, немного не доезжая Гатчины. И вот мы упорно стояли в пробке. Кто-то кому-то не уступил – впереди было несколько аварий. И теперь все ползли медленно-медленно, обучаясь терпению.

Через окно автомобиля я смотрела на низкое, белесое небо. Хмурое и родное. Я по нему скучала... Оно, в отличие от жизни в империи Тигвердов и внезапно приключившейся безумной любви, было реальным.

– Мама, а как мы все будем объяснять бабушке и дедушке? – пробился через мои мысли голос Паши.

– Не знаю, сынок.

– Доверьтесь мне, – отозвался император. – Я в ваш мир прибыл в том

числе и для этого.

Это свершилось. Мы доползли!

Кортежем из трех огромных бронированных машин перегородили узкую улочку с высокими заборами.

Калитка была заперта. Я нажала на звонок. За забором раздался злобный рык отцовской овчарки.

– Грей, – хрипло прошептала я, в горле пересохло, глаза щипало. – Грей, ты что?

– Мам, он нас реально не узнает? – растерялся сын.

– Работал кто-то очень сильный, – с удовольствием потянулся император. И неожиданно чихнул.

Это было так... невозможно, что мы с Пашей одновременно хихикнули.

– Что ж я – не человек, что ли, – обиделся повелитель империи Тигвердов. – У вас тут воздух невозможный. Тяжелый. Чем пахнет?

– Бензином и гарью, наверное, – пожалала я плечами. – Трасса рядом.

– Дома лучше, – укоризненно посмотрел он на меня, намекая, от чего я отказалась.

– Фредерик, – нахмурилась я, резким злым жестом стирая слезу со щеки.

– Простите. – Он взял мою руку в перчатке и легонько приложился к ней губами.

– Грей, – раздался голос, настолько похожий на мой, что Фредерик посмотрел на меня и заулыбался. – Ты чего разошелся?

– Мама, – еле слышно сказала я и позвала, уже во весь голос: – Мамочка!

– Ника! – Мама, тяжело дыша, распахнула калитку. – Ника! Живая!

Я бросилась к ней, вытирая слезы.

– Простите, – отшатнулась она. – Вы кто?

Грей безумствовал. Он припал к земле и злобно рычал. Как я поняла, пес не кидался только потому, что кто-то из свиты императора ему этого не позволял. Собаку придержали на магическом поводке.

– Позвольте я. – Фредерик мягко, но настойчиво отодвинул меня и шагнул вперед, стряхнув перчатки на снег.

– Что вы делаете? – возмутилась мама, но император уже касался пальцами ее висков.

Прошло несколько томительных минут, на протяжении которых маг напевал на каком-то незнакомом языке.

После этого он отошел в сторону, сделав знак стоящему рядом

мужчине, что работа окончена. Тот тут же достал из внутреннего кармана что-то вроде фляжки и стал поить маму содержимым. Я решила, что это лекарство, подобное тому, что рекомендовал мне Ирвин, но на всякий случай спросила – все-таки это моя мама...

Мама... Мама! Мамочка... Я вдруг осознала, как соскучилась. Как все это время не позволяла себе даже думать о родителях. Только надеялась, что когда все это наконец закончится, они меня поймут...

– Какая изумительная работа! – восхищенно сказал Фредерик, делая шаг назад. – Изумительная... Тонкая, виртуозная, филигранная... Чкори...

Император замолчал. Он задумался и молчал так долго, что я не выдержала и прервала его задумчивость:

– Фредерик... А при чем тут...

– Чкори – народность, обладающая магией, о которой практически ничего не известно. О магической силе их артефактов ходят легенды. И если расшалившихся детей в нашем мире пугают дассарами, то о любой неразрешимой ситуации говорят, что с этим только чкори справятся.

– Дассары? Чкори? Ничего не понимаю...

– Вероника... Вы слишком много времени проводили в библиотеке поместья, читая о географии и военной истории империи. Но о легендах нашего мира вам мало что известно.

– Я не наткнулась на подобную литературу... Иначе бы непременно заинтересовалась.

– Это и неудивительно. Подобных книг у Ричарда просто нет. Эта литература строго охраняется, но те экземпляры, что находятся в моей личной библиотеке, разумеется, в полном вашем распоряжении. В любое время... – Император посмотрел на меня долгим внимательным взглядом. Как будто хотел что-то сказать, но не мог. Мне вдруг нестерпимо захотелось попасть в библиотеку дворца и перерыть там все до последнего листика, но тут я услышала крик и резко обернулась.

– Ника! Пашенька! – Мама плакала. В ее взгляде было узнавание. И облегчение. И такая абсолютная радость, что я тоже расплакалась.

– Да придержите вы этого пса! – Фредерик рыкнул на имперском так, что даже Грей на какое-то время замер.

Надо отметить, что с собакой император возился дольше, чем с моей мамой. Наконец он тяжело поднялся с колена, отряхнул мокрый, грязный снег. Кто-то из охранников протянул ему фляжку. Фредерик сделал несколько жадных глотков.

– Где ваш супруг, миледи Журавлева? – обратился он к маме. – И мальчик, которого вы называете Пашей? Надо снять заклятие и с них.

– Ника, – всплеснула мама руками. – Как же так... Мы же были уверены, что ты... Кому же в голову пришло!

– Я думаю, – устало сказал император, – что знаю, кто это сделал. Но я не думаю, что она хотела причинить вред. Герцогиня Рэймская просто прикрывала безопасный отход своего сына.

Глава 2

– Так вы утверждаете, что являетесь императором? – В голосе моего отца не было скептицизма, издевки или недоверия. Звучал лишь профессиональный интерес.

– Да, – как-то растерянно отозвался Фредерик. Чувствовалось, что он не привык оправдываться или доказывать, что является августейшей особой.

Папа так и не смог увести императора в свой кабинет – мама не позволила, поэтому мы все находились в огромной гостиной нашего деревянного дома. Мама в свое время настояла, и эта самая гостиная в две трети первого этажа была у нас заодно и столовой, и каминной, и кухней. А теперь еще и местом ведения переговоров. Или допросов. Это уж как получится.

Мы с мамой лепили пирожки. В благодарность за возвращение меня и Паши мама была готова на многое, в том числе и на кулинарные подвиги.

Сын унесся к ноутбуку, по которому успел стосковаться. Мальчик в инвалидном кресле, который появился в доме родителей неизвестно откуда, старался сделать вид, что его тут нет. Он, кстати говоря, так и не вспомнил, как его зовут на самом деле...

А папа... он с подозрением осмотрел императора Фредерика. Заявил, что им необходимо пообщаться. И мы с мамой слышали, как они... «общались».

– Как называется ваша страна? – Папа привычным жестом поправил очки.

– Империя Тигвердов, – отчитался Фредерик. – Мы могущественны и сильны.

– Какие отношения связывают вас и мою дочь?

– Я – отец ее жениха, – в голосе императора появилось раздражение. – Бывшего.

– Сколько лет этому жениху?

– Сорок два.

– Как-то вы слишком молодо выглядите для человека, у которого сорокалетний сын.

– Ну уж извините, – фыркнул Фредерик.

– Почему не состоялась свадьба?

– Это вам надо спросить у Ричарда. И у Вероники.

- Мою дочь оскорбили? – жестко спросил отец.
- Мам, уйми отца, – попросила я.
- Ага... – скривилась мама. – Папа в раж вошел. Сама его и уйми.

Я отряхнула руки и подошла к мужчинам.

– Пап, перестань, пожалуйста. Его величество оказывает мне любезность, решая, в общем-то, не свои проблемы. Кроме того, он прибыл сюда, чтобы удостовериться в моей безопасности. И я признательна ему за заботу.

– Что произошло? – с подозрением посмотрел на императора отец.

– Мой сын поверил в обман и разорвал помолвку. И вместо того чтобы праздновать свадьбу двух людей, которых я люблю... Я отвечаю здесь на ваши малотактичные вопросы.

– Я беспокоюсь за дочь, – отрезал отец.

– Мне понятны ваши чувства, поэтому мы с вами и беседуем, – кивнул Фредерик. – Только я бы попросил вас немного успокоиться. И постараться понять: я сделаю все, чтобы ваша дочь была в безопасности. В конце концов, мы познакомились с ней в тот момент, когда она спасла жизнь моему сыну.

Отец успокоился. Беседа пошла по более мирному руслу. Фредерик рассказывал мою историю пребывания в мире империи. Крайне усеченную историю, надо признать. И я была ему за это очень благодарна.

– Если помолвка разорвана, – обратилась ко мне тихонько мама, – то почему на тебе кольцо? Это же твой жених дарил?

– Прошу прощения, – услышал нас все-таки император, – это моя просьба. Перстень – сильный охранный амулет. Он ни к чему не обязывает Веронику. Но пока напряженная обстановка вокруг меня и членов моей семьи, на ней должна быть защита.

– С ума сойти... Империя. Магия... – прошептала мама. – У меня, конечно, нет причин не верить тебе или... этому... Его величеству Фредерику. Но...

– Трудно, – согласилась я.

– Так, значит, герцогиня, которая заколдовала нас, спасла тогда, двенадцать лет назад, тебя и Пашу? Когда твой муж в хлам разбил машину, а врачи не могли поверить, что вы особо не пострадали? Они еще тогда все приговаривали, что это чудо какое-то...

– Да. И это чудо совершила герцогиня Рэймская, мама Рэма.

– И ты потом спасла ее сына?

– Ей больше не к кому было обратиться.

– И теперь у нас еще один сын – приемный. И где он?

– В империи, в Академии, – для него там сейчас безопаснее. Рэм с Пашей подружились. И тебе он понравится.

– В этом я не сомневаюсь. И вообще, по мне, чем больше внуков – тем лучше, вот только... Что же нам теперь делать... – прошептала мама – и бросила взгляд на мальчика в инвалидном кресле, который старательно сливался с обстановкой, внимательно подслушивая.

Мама вытерла руки полотенцем и подмигнула мне. У нее стало больше морщинок, и мне бросилось в глаза, что она похудела и как будто стала ниже ростом... У меня защипало в носу, запершило в горле, но расплакаться я просто не успела, потому что услышала:

– В следующий раз, когда будешь путешествовать, – обрати свое внимание и на девочек... – И мама лебедем поплыла в кладовку за вареньем к чаю...

– Фредерик, – я подошла к мужчинам, дождавшись паузы в разговоре. – Вы можете выполнить мою просьбу?

Император поднялся и кивнул:

– Конечно. Хотя мне бы хотелось, чтобы вы попросили что-нибудь для себя.

– Вы все-таки умеете читать мои мысли, – рассмеялась я.

– Нет. Но от вас сейчас веет материнской заботой. Рэм в безопасности, Паша – наверно. Значит, остается этот мальчик.

– Вы догадливы...

Фредерик отошел от нас и занялся мальчиком в коляске.

Я обняла отца:

– Папа. Как я скучала!

– Конечно, – проворчал он. – С такими кавалерами-то.

– Перестань.

– Хотелось бы мне увидеть мужчину, за которого ты согласилась выйти замуж. – Папа внимательно посмотрел на меня.

– Эта была очередная глупость, – прошептала я. – Просто безумие.

– Он сильно похож на Виктора? – спросил отец, привычно поморщившись, вспоминая моего первого мужа.

– Нет. – Я даже рассмеялась от нелепости этого сопоставления. – Что ты!

– Тогда... Поживем – увидим, что будет дальше.

– Дальше... – усмехнулась я. – Буду просить тебя помочь выйти на работу. Обратно в Академию. Я остаюсь здесь, дома.

– Да... – протянул отец. – Легализовать тебя будет непросто. Похороны были.

Он содрогнулся всем телом и прижал меня к себе.

– Спасибо небесам, что вернули тебя, – прошептал он.

– Папа, я не могла ей отказать. Понимаешь... Мама Рэма была в безвыходном положении. Но, честное слово, задумывая укрыться в империи, мы и не думали, что она инсценирует нашу гибель.

– Значит, опасность была рядом, – прошептал отец.

– Я тоже не думаю, что герцогиня пошла на этот шаг без серьезных причин, хотя вам с мамой от этого не легче.

– Почему у меня все время было ощущение, что Денис знает больше, чем говорит?

Я улыбнулась, вспомнив командира СОБРа, своего бывшего студента-заочника.

– Пап, он мне жизнь спас. Он случайно узнал, что меня заказали, посоветовал бежать. Дал свою машину, обещал спрятать мою. С ним все в порядке?

– Да, – пожал плечами отец, – что ему сделается. Мог бы и предупредить.

Мы замолчали. Мама тем временем вытащила из духовки первый противень с пирожками.

– Вот в кого Вероника такая волшебница! – улыбнулся император Фредерик. – Она нас и дома пирожками баловала.

Я подошла к нему и спросила:

– Что с мальчиком?

Я понимала, что называть ребенка просто «мальчиком», без имени, – не сильно хорошо. К тому же он явно слышит. Но и давать ему имя сына... Тоже было как-то неправильно.

– Позвоночник перебит. Отнялось все ниже крестца. – Фредерик знакомым движением взъерошил волосы, точно так, как это делал Ричард. – Тяжело мне это делать. Не целитель... Травма у юноши застарелая, надо тщательно над ней работать. Конечно, я пришлю Ирвина. Все, что возможно, будет сделано.

– Спасибо.

– Вероника, я все-таки настаиваю, как только успокоятся ваши родители... и вы сами – вернитесь.

– Ваше величество! – Мой ответ прозвучал достаточно резко. – Смею напомнить, что мне незачем возвращаться в империю.

– Мне страшно предположить, что будет с Ричардом, когда...

– Простите, ваше величество, – я перебила и присела в положенном реверансе, – но я не желаю говорить об этом.

Фредерика передернуло.

– Пожалуй, я у вас загостился, – обратился он к моему отцу. – Насчет того, как вернуть обратно обычную жизнь вашей дочери... Можете не беспокоиться. Я отправлю людей, они озаботятся, чтобы все были уверены – ваша дочь была эти месяцы... Как вы думаете, где лучше?

– В командировке за границей? – предположил отец.

– Отлично. Так и сделаем. Всего вам доброго. Миледи! – Он ожег меня взглядом черных глаз. И ушел.

Я заметалась по дому, не зная, что делать. Догнать и сказать, что не хотела его обидеть? Поймала изумленные взгляды родителей.

– Не спрашивайте, пожалуйста. Я не готова об этом разговаривать. Одно понимаю совершенно четко – как хорошо мне было все двенадцать лет одной...

– А я рада, что в твоей жизни кто-то появился. Пусть даже и не срослось, – отрезала мама. – А императора ты зря обидела. И пирожков не поел, бедный...

– Бедный, – фыркнула я.

– А что будет со мной? – раздался тихий голос мальчика.

– Тебе нравится с нами? – опустила я на колени перед коляской.

Мальчик фыркнул:

– Все лучше, чем в детдоме.

– Тогда давай попробуем стать семьей, – предложила я.

– Очень я вам нужен. Еще и безногий.

– У меня есть Паша. Он – фехтовальщик. У меня есть Рэм – приемный сын. Он – герцог. Теперь появился и ты. Добро пожаловать в семью.

– Как-то мне не верится...

– Ничего. У тебя будет время. Только один вопрос – как тебя зовут?

– А если я не помню? Или не хочу помнить?

– Выбери любое имя... Я думаю, что с документами проблем не будет.

– После того как вы обошлись с этим... Фредериком, – он поморщился, – я бы на это не надеялся.

– Если что – попросим кого-нибудь другого.

– Так вы не сдадите меня обратно?

– Вот уж за что бы я не переживал, – раздался насмешливый голос Паши. Он спускался со второго этажа. – Ты еще не знаешь матушкин любимый стишок: «Я нашла в лесу ворону – грязную, вонючую. Все равно ее не брошу. Все равно замучаю!»

– Павел, – еле сдерживая смех, скривилась я.

– Чего ты напрягся? – не обратил внимания на мое недовольство Паша

и обратился к приемышу. – Если ты о «грязной вороне» – так это я. Меня так мама называла. Теперь и тебя будет. Она у нас... своеобразная.

– Разозлишь – пострадаешь, – рыкнула я.

– Так что не печалься, брат. Она теперь и из тебя человека будет делать.

– Меня зовут Феликс, – отозвался мальчик.

– Добро пожаловать, Феликс, – протянул ему руку Паша.

И Феликс осторожно пожал.

– А куда вы императора дели? – продолжил соло мой сын. – Они же фанаты выпечки с Ричардом.

– Ричард, – выдохнула я.

– Мам, прости, – с сожалением осекся Павел.

– Ничего. Я пойду прилягу.

– А кушать? – огорчилась мама.

– Чуть позже. Пожалуйста.

Я поднималась по лестнице в свою комнату, когда услышала, как Паша говорил родителям:

– А соберите мне пирожков побольше. Я отнесу Фредерику. У меня кулон есть – с ним можно в определенные места империи перемещаться. В том числе и во дворец. Он же о маме заботился, когда она болела...

– Мама болела?!

– Павел, – рыкнула я...

Ну вот зачем лишнюю информацию родителям сливать! Они и так слишком много пережили...

Добравшись наконец до кровати, я провалилась в сон, как только закрыла глаза.

Темные коридоры дворца Тигвердов. Осторожно ступая по мягкому ковру, иду туда, куда манят звуки изумительной, печальной мелодии. «Туда, туда», – будто от чьего-то тяжелого дыхания едва колышутся гардины. «Иди, иди», – шепчут портреты, бесшумно открываются позолоченные двери, кланяются тени камердинеров, замороженные чарующими звуками. Удивительная музыка, светлая и печальная. Дворец, затаив дыхание, ищет таинственного музыканта в одной из своих многочисленных комнат. И вот, наконец, передо мной огромный парадный зал.

Император играет на рояле. Рядом с ним стоит женщина, она улыбается и, уловив едва заметный кивок, переворачивает ноты изящной рукой. Длинные, смуглые, легкие пальцы, наполовину прикрытые рукавом. Тонкая талия, перехваченная несколько раз широким поясом. Карие глаза, каштановые, с медным отливом, распущенные волосы. Никакой прически –

только тонкий кожаный ободок вокруг лба. Она невероятно красива и отчаянно мне кого-то напоминает.

Я посмотрела на императора. Он, казалось, был захвачен мелодией. Музыка то рыдала о потерянной любви, то тихо вздыхала о пережитом счастье, то просто таяла от нежности.

Кто эта женщина, которая так похожа на ту, что спасла меня? Ее сестра? Когда это было? Или это...

Я тихо сделала шаг назад. Еще один. И еще...

И поняла, что дворец исчез – стремительно, будто сменили декорации во время представления. И вот я уже в лесу – ночном, дремучем, заповедном. Где-то неподалеку весело мерцает, приманивая меня, яркая звездочка костра. И я поняла, кого увижу...

Подошла и просто присела рядом. Мы не смотрели друг на друга – только на пламя костра. Как в тот вечер, когда расстались, – на пламя камина. Ричард смотрел перед собой, не замечая моего присутствия. Я проследила за его взглядом...

По ту сторону костра играли женщина и ребенок – мальчик лет, наверное, пяти. Черноглазый, кудрявый мальчуган. Женщина... Я не верила своим глазам – та самая женщина, что была во дворце! Теперь она была в простом платье, но все с тем же поясом. Узоры, которые я не забуду никогда. Узоры, дающие жизнь... Медные волосы заплетены в две косы. Она, смеясь, взмахнула руками – и перед мальчиком появился огненный фантом жеребенка. Маленькая лошадка не выше его пояса. Ребенок взвизгнул от восторга, и они втроем принялись бегать вокруг костра... Они совершенно не замечали нашего присутствия, и я поняла, что эта женщина и там, во дворце, тоже меня не видела. Яркие искры уносились в черное небо, летели из-под копыт; яркие всполохи вторили им в черных мальчишеских глазах, полных чистого, искреннего, неподдельного счастья...

Женщина и мальчик исчезли. Остались мы с Ричардом. Пахло лесом и костром. Под ногами – мягкий мох. Треск горящих сухих веток, тепло... Тепло, от которого больно. Нестерпимо больно.

Меня охватила злость... Эти двое показывают мне женщину – я ничего не понимаю... Зачем все это? Кто она? Я посмотрела на Ричарда. Зачем я здесь?

Маги... Магия... Заставить людей все забыть, заставить их за несколько минут прожить не свою жизнь, похоронить дочь... А потом за несколько минут вернуть все обратно. Срастить кости, сухожилия, нервные окончания... А душу? Слабо?

Да, в нашем мире шпагами друг друга бьют понарошку. На фехтовальщиках – защита. Удар не до первой крови – до первого касания. Зато верят по-настоящему! Вслепую! Без доспехов... До тех пор, пока не проткнут сердце ложью насквозь. До тех пор, пока оно не истечет кровью. А потом... Потом не маги, но воины моего мира встают и верят снова! И снова вслепую, и снова – в кровь! Это – тоже магия. Магия сердца. У нас тоже школы, стили, направления... Магия Веры, Магия Надежды, Магия... Любви! Я – маг своего мира, я – сильный маг, понятно?! Я творю свою магию – я верю и люблю просто так, без гарантий. И если ты потерял свою магию, то мне терять нечего, моя магия не боится ваших кентерберийских червей!

Я поняла, что сжимаю зубы так, что болят скулы, сжимаю кулаки так, что на ладонях от ногтей выступают алые капельки крови, а еще жжет запястье... Браслет раскален добела, но кожа не покраснела – странно... Я так задумалась, так разозлилась, что даже забыла о том, что рядом сидит Ричард.

– Ты прогнал меня, – сказала я. – Тебе стало лучше?

И ушла, не дожидаясь ответа.

Глава 3

Я проснулась злая, как аспид. Ну вот что за невозможные люди! Мало того, что они мне всю душу вынули – что отец, что сын. Мало того, что Ричард, взревновав, уничтожил наши чувства, наши отношения. Так и его отец... Туда же, на лирику его потянуло. И почему я так остро среагировала на его жесты? Тем более зная, что император Фредерик, как и его сын, чувствует реакции. Они же – маги – эмоции считывают. И значит, все, что на меня нахлынуло в тот момент, когда он взъерошил свои чертовы волосы... для него не секрет.

Все. Никаких мужчин, кроме сыновей. Никаких отношений, кроме приятельских. Много работы. Очень. В оставшееся время – физические упражнения. Надо восстановить абонемент в бассейн. И, пожалуй, стоит опять заняться танцами.

И самое главное, при первой возможности потребовать, чтобы эти двое... не смели вторгаться в мои сны.

Сны... Женщина, похожая на герцогиню, с таким же поясом, как у нее. Фредерик, таинственно предлагающий мне воспользоваться его библиотекой. Маленький мальчик, огненная лошадка. И снова женщина – смуглое лицо, карие глаза, каштановые волосы с медным отливом... Волосы герцогини Рэймской темнее, кожа – светлая, но такие же карие, миндалевидные глаза. Кто эта женщина? Какое она имеет отношение к герцогине?

Так, хорошо... Зайдем с другой стороны. Отношения между империей и герцогством Рэймским. Захватить его империи ничего не стоит, но она этого не делает. Фредерик Тигверд скрывает у себя Рэма. И не дружат страны – гномий самогон-то контрабандой! Но имперцы не трогают, скорее наоборот – оберегают. Почему? Шерше ля фам?! Что там еще говорил император? Чкори, дассары... Так... Первое – при первой же возможности наведаться в библиотеку дворца, потом... Стоп!!! Только что же решила – никаких... Но интересно же... Ладно. «Я подумаю об этом завтра...»

На этом я успокоилась. И отправилась вниз, к родителям. И умилилась. Народ пил чай с пирожками. От мамы и папы веяло счастьем и покоем. Паша и Феликс сидели рядом и, судя по хитрым физиономиям, что-то уже задумали. Не хватало лишь Рэма. Надо будет договориться, чтобы его отпускали на выходные к нам.

Еще за столом я обнаружила знакомого целителя. Его уже кормили, он

попал в цепкие заботливые руки маменьки. Мне стало неловко – сколько встречались, сколько он меня спасал, а я так и не запомнила, как его зовут.

– Добрый вечер, – поприветствовала я дружную компанию.

– Миледи, – поднялся целитель и поклонился.

– Можно вас попросить оставить церемонии для империи? – попросила я его. – Просто Вероника.

– Ирвин, – смущаясь, представился целитель. И я впервые обратила внимание на то, насколько он молод. Высокий, худой и нескладный. Взъерошенный. И явно чувствует себя не в своей тарелке.

– Мама. Папа... Этот господин – лучший целитель империи. Он просто волшебник! – представила я гостя родителям.

– Спасибо, миледи, – густо покраснел молодой человек.

– И не надо вскакивать, – уселась я за стол. – Как вам у нас?

Ирвин аккуратно вернулся обратно на стул.

– Интересно, – покачал он головой. – Необычно. Вредно для здоровья – без сомнения.

– Император Фредерик чихал от нашего воздуха, – улыбнулась я.

– У меня горло першит, – признался целитель.

– То ли дело в империи, – поддела я его.

– Именно, – обрадовался он, не обратив внимания на подколку. – Вам по весне хорошо бы пригласить родителей в ваше поместье. Оно и от столицы недалеко. И воздух там замечательный. Сосновый лес...

– И откуда такие подробные сведения? – с подозрением поинтересовалась я.

– Мы с вами соседи, – улыбнулся Ирвин. – Несколько лет назад и меня пожаловали. За заслуги перед троном. Но я, в отличие от вас, был счастлив и горд.

– Может быть, потому, что у вас эти самые заслуги есть?

– Миледи, – укоризненно покачал целитель головой, – вы спасли сына императора.

– Он перед этим дал мне убежище и, получается, спас меня и сыновей. Мы квиты, – отрезала я. – И вообще, насколько помню, я от всего отказалась...

– Простите, – окончательно смутился целитель. – Наверное, этот вопрос вам лучше выяснить у его величества.

– Хорошо, извините, – улыбнулась я. – Понятно, что вопрос не к вам.

– Его величество просил передать, что завтра прибудет милорд Милфорд.

– Зачем? – Уж кого-кого, а лучшего друга Ричарда видеть мне как-то не

хотелось.

– Думаю, он сам доложит.

Семья с интересом прислушивалась к нашей беседе. И только в глазах у Паши не было вопросов. Надо бы поговорить с сыном. Почему-то мне кажется, что он знает намного больше, чем я.

– Вы совсем плохо кушаете, – обратилась к Ирвину мама, кинув на меня укоризненный взгляд. Дескать, совсем заболтала гостя – а он худенький!

– Спасибо большое, я уже сыт.

– Да, мама, я тоже, – поднялась я из-за стола.

– Где мы можем поговорить? – спросил у меня Ирвин.

– Думаю, в моем кабинете вам будет удобно, – вмешался в наш разговор отец.

– Феликс, как доешь – присоединяйся, – посмотрела я на мальчика.

– Можно сразу с вами? – буркнул приемыш.

Я вопросительно посмотрела на Ирвина.

– Конечно. – Он с сочувствием посмотрел на мальчика. – И не переживайте так. В моем заключении нет ничего тайного. Или неприятного.

В результате в кабинет отца отправились все присутствующие. И стоило из-за обеденного стола выбираться?

– Ситуация серьезная, но поправимая, – улыбнулся нам целитель. – Сходная, миледи, с той, когда я сращивал вам порванные нервные окончания.

– Ника? – прошипел отец.

– Травма... – почти и не соврала я. – Погоди, пап.

– Хуже то, что травма молодого человека очень старая. Получена в совсем юном возрасте. Вам было пять лет? – обратился он к Феликсу.

– Шесть, – отозвался тот.

– Вот, – неизвестно чему обрадовался Ирвин. – Понимаете, и скелет милорда, и мышечный корсет формировались под влиянием этой травмы.

– И ничего нельзя сделать? – убито спросил Феликс.

– Я этого не говорил, – обиделся лучший целитель империи Тигвердов. – Я пытаюсь донести до вас и до вашей семьи, что работать придется много. И не только мне. Вылечить вас – не проблема. Срастить раздробленные кости позвоночника, зарастить повреждения спинного мозга, привести нервные окончания в норму. Даже нарастить необходимую мышечную массу на ноги. Это дело, конечно, не одного дня. Но вот будете ли вы ходить... Сможете ли полностью восстановить функции нижних

конечностей... Это будет зависеть только от вас. Будет больно. Будет сложно. Это огромный труд. И от того, как вы будете работать, насколько точно готовы выполнять предписания, зависит результат.

– Что от меня требуется? – отозвался Феликс.

– Первую неделю – хорошо питаться, по часам пить укрепляющие настойки. Я пришлю массажиста. И самое главное – пока я не разрешу, – не вставать с кресла. Есть вопросы?

– Почему вы называли меня милордом? – блеснул глазами Феликс.

– Вы – сын миледи. Следовательно, милорд, – удивленно посмотрел на него целитель. – А теперь, перед тем как отбыть, я бы хотел повторить процедуры. И затем вернемся к ним завтра.

Я поняла, что Феликс не верит ни одному слову, но при этом он улыбался – счастливо и искренне. У меня сжалось сердце.

Ирвин ушел, держа перед собой кулон из черного камня. Посреди нашей кухни возникла радужная пелена портала. Старательно делая вид, что не замечаю открытых ртов и бледных лиц своих несчастных родителей, я попросила у отца мобильник. Мой остался в брошенной квартире.

– У тебя же есть номер Дениса Юрьевича? Я по памяти не помню.

Отец почему-то недовольно посмотрел на меня, но кивнул:

– Есть.

– Пап, а какая машина участвовала в аварии?

– Серая старая «Ауди». Твой красный «пыжик» так и не нашли.

– Получается, и Денис был уверен в том, что я погибла, – прошептала я. – «Ауди» выдал мне он.

– Слава богу, что все закончилось, – пробормотал отец. – Ты знаешь, я готов поверить во всю эту чушь с магами, императорами, целителями, поместьями и милордами. Мне все равно. Лишь бы ты была жива.

– Почему же чушь? – улыбнулась я ему. – Тебе еще в субботу с самым настоящим герцогом знакомиться. Если он ничего не натворит и его отпустят на выходные в увольнительную.

– Сумасшедший дом, – рассмеялся папа. – Но я счастлив!

Все-таки руки у меня дрогнули перед тем, как я нажала на телефоне последнюю кнопку.

– Да, Евгений Николаевич, – тут же снял трубку Денис. – Новости?

– Новости, Денис. Я вернулась.

– Жива... – выдохнул он. И заорал: – Ника! Зараза!! Я чуть с ума не сошел... Жива!

– Спасибо тебе, – вытерла я слезы.

– Я завтра подъеду. Поговорим.

– Идет. Буду ждать.

А утро началось с визита милорда Милфорда, главы контрразведки империи и лучшего друга Ричарда.

– Миледи, – склонился он передо мной. Получилось выразительно. Презрение исполнено было на редкость удачно. Куда там молодому графу Тробириду – совсем другой класс исполнения. Да и герцогу Борнмуту было далеко до Милфорда. Прежде всего потому, что начальник контрразведки был искренен в своем негодовании.

– Милорд, – насмешливо ответила я и чуть ему поклонилась. – Чем обязана?

– Приказ императора.

– Какого рода?

– Его величество обратил внимание, что вы, миледи, совсем не умеете использовать силу тех артефактов, что на вас надеты. И он распорядился вас научить. И для этих целей выбрал меня.

Голос милорда Милфорда звенел. Наверное, он был польщен той степенью доверия, что продемонстрировал ему император.

Я же... скривилась. Видимо, именно так и проявляется чувство юмора у венценосных особ? Негодующего друга Ричарда он ко мне заслал зачем?

Между тем Милфорд огляделся и спросил – ядовито так:

– Честно говоря, я в растерянности, встретив вас здесь, а не во дворце. Что же вас привело в свой мир? Его величество уже отослало?

Что тут скажешь... Я посмотрела внимательно на милорда. И вдруг поняла, зачем Фредерик отправил ко мне именно его. Император хотел, чтобы начальник контрразведки понял, что мы Ричарда не предавали. А самому беседовать с милордом Милфордом... И не по чину императору оправдываться. Да и не факт, что друг Ричарда ему поверит. Император как маг сильнее. Значит, прочитав, правду он говорит или нет, Милфорд не сможет. А – как я выяснила на примере Ричарда – если сильный маг не может понять для себя однозначно, правду ему говорят или нет, то он считает априори, что ему лгут.

– Что же вы молчите, миледи? – презрения в голосе милорда прибавилось. – Солгать вы мне не можете, я вашу ложь распознаю... А правду сказать стыдно?

Мои родители и Феликс, хоть и не знали имперского – а все пассажи были исполнены именно на этом языке – напряглись. Что уж говорить о сыне.

– Паша, не смей. – Краем глаза я увидела, как он поднимается.

Выражение его лица было точно такое, как у Рэма, когда тот решал, что мою честь надо защищать. Срочно. – Милорд Милфорд. Нам надо поговорить.

– О чем же, миледи, нам разговаривать?

– О том, что вы задолжали мне извинения за ваши экзерсисы, – отрезала я. – Паша, принеси мне кошелек из саквояжа, я прогуляюсь до магазинчика. Милорд составит мне компанию.

Сын недовольно дернулся, но пошел выполнять приказ.

– Его величество распорядился вам передать. – Милфорд кинул на обеденный стол пухлый конверт.

– Благодарю, милорд, – холодно отозвалась я – достал уже, право слово.

– Служу империи, – рявкнул он, вытягиваясь по стойке смирно.

Я одарила его злобным взглядом и отправилась смотреть, что же передал император.

Документы на поместье – вот невозможно упрямый! Фредерик Тигверд! Теперь я графиня... Вот кто его просил! Пластиковая карточка – это уже из нашего мира. Слов нет – одна ругань. Вот за кого он меня принимает! Документы на Феликса Журавлева – моего приемного сына. Это спасибо. Листок с моей биографией за эти месяцы, где я там была? Во Вьетнаме? Преподавала в университете города Ханоя? Где же еще могла понадобиться преподавательница по истории России. Ладно, и на этом спасибо. Загранпаспорта – мой и Паши. Документы о съеме квартиры, даже фотографии. Красота!

А это что?.. В отдельном конверте находился листок бумаги, исписанный крупным, резким почерком.

Вероника.

Спасибо вам. За то, что вы есть. За то, что вы такая, какая есть. Я прошу вас – не исчезайте и не прекращайте нашего общения. Я постараюсь больше не поднимать вопрос о ваших взаимоотношениях с Ричардом, но, как вы понимаете, мне трудно удержаться.

P. S. Не надо на меня злиться ни за карточку с деньгами, ни за поместье. И спорить со мной тоже не надо. Я император – и имею право на любую блажь.

P.P.S. И большое спасибо за вчерашние пирожки, которые передал мастер Пауль Рэ.

Фредерик

Я читала письмо и ловила на себе неприязненные взгляды милорда Милфорда.

– Что с вами случилось, милорд? – обратилась я к нему. – Вы с утра какой-то нервный...

– Это недостойно меня, носить вам любовные записки от... императора! – зарычал он. – Это унижительно!!

– Доченька, а ты уверена, что тебе стоит оставаться с этим... господином наедине? – осторожно спросила мама.

Я оглядела милорда Милфорда. Высокий, широкоплечий, черноволосый. Дышащий негодованием и презрением... Карие глаза так и полыхают. Однако до алого пламени – как у Ричарда – далеко...

– Что же вы, милорд? – насмешливо посмотрела я на него. – Ответьте, пожалуйста, моей маме. Вы же прекрасно знаете русский.

– Миледи со мной в полной безопасности, – звенящим голосом ответил начальник контрразведки по-русски.

– Вот вчерашние имперцы мне странными не показались. И опасными. А что касается вас, молодой человек... – недоверчиво протянула мама.

– Пойдемте, милорд, – решила я проявить милосердие и спасти Милфорда от мамы. А то она может призвать папу – совсем нехорошо будет...

Мы неспешно пошли по нашей улочке между высокими заборами. Шли и молчали. Так и дошли до магазинчика. Я зашла, купила яблочный сок и сигареты. Вышли, я закурила.

Начальник контрразведки смотрел на это действие, вытаращив глаза. Даже гнев ушел – осталось дикое изумление.

– Вы лучший друг Ричарда, – развернулась я к милорду Милфорду и уставилась ему прямо в глаза. Мне показалось или где-то на дне зрачка плескалась синева?

– Так точно, миледи.

– Вы не друг мне – я это поняла... Но нам придется общаться какое-то время. И я не хочу намеков, издевательств и прочих проявлений вашего отношения ко мне. Особенно в присутствии моих родных. Поэтому говорю прямо, а вы слушайте. Я не любовница императора Тигверда. Между нами нет связи сейчас. И не было в прошлом. Я любила Ричарда. И была ему верна.

В молчании я докурила. Открыла сок.

– Надеюсь, вы не станете утверждать, что я вам солгала.

Он все еще молчал. Потом сказал, как-то странно запинаясь:
– Неправдой является лишь то, что вы употребили слово «любила»...
Вы и сейчас любите Рэ...

Что я могла ему ответить, только прошипеть в ответ:

– Я работаю над этим вопросом.

Он покачал головой. А я спросила:

– Еще есть какие-то вопросы, милорд?

– Тогда... – Милфорд выглядел опешившим. – Не понимаю. Как получилось с Ричардом?

– Я и сама не понимаю. Знаю только, что он перестал чувствовать, где правда, где ложь. А поверить мне на слово не смог. Ему тут же доложили, что я ему лгала, и предоставили доказательства. В том числе моей неверности. И участия в этом... действе его отца.

– Но... Вы же переехали во дворец, когда свадьба расстроилась. Зачем, если вы не...

– Ричард выгнал меня из дома, и на меня тут же было совершено покушение, я попала в магическую метель. Его величество вытащил меня из пространственного кармана, потом не дал умереть. А Паша звал. Вдвоем они меня спасли.

– Что? Все это время при дворе... Когда его величество был с вами...

– Я была при смерти.

– Простите, – склонил он голову. – Я был не прав.

– Есть такое...

Снова повисло молчание.

– Кстати, я не думал, что вы курите, – сказал вдруг Милфорд.

– Я и не курила. Лет уж десять как.

– Что же вас подвигло?

– «Дым сигареты навевает что-то – одна затяжка – веселее думы...»^[1]
– промурлыкала я.

– Миледи, зачем?

– Обещала, – буркнула я. – Ричарду, когда мы расставались.

– С ума сойти...

– Забейте, – ответила я ему фразой Паши. Я, конечно, ругаюсь на сына за его выражения, но иногда молодежный жаргон незаменим.

Рядом с нами резко затормозил знакомый мне «УАЗ Патриот».

– Ника! – радостно заорал Денис, выскакивая из машины и подхватывая меня на руки. – Ника!!! Живая!

Я хохотала и отбивалась.

– Пусти, сумасшедший!

– Я самый счастливый человек на свете. У меня есть невеста! А теперь еще и ты нашлась!

Он, наконец, вернул меня на землю, подскочил к машине и стал извлекать с переднего сиденья какую-то женщину, которая изо всех сил пыталась слиться с обстановкой.

– Луиза, позволь представить тебе моего хорошего друга – Веронику!

– Луиза... – потерянно отозвалась я.

Баронесса Кромер, не сводя наполненных ужасом глаз с милорда Милфорда, вскрикнула и потеряла сознание.

Денис успел подхватить ее на руки.

Я громко и с чувством вспомнила женщину очень легкого поведения. И обратилась к бывшему студенту:

– Ты зачем баронессу сюда притащил?!

– Кого? – изумился Денис.

Я перевела взгляд на Милфорда. Увидела сожаление на его лице. И взмолилась:

– Милорд, пожалуйста. Не надо. Дайте им уйти.

– Простите, миледи... Но баронесса Кромер – разыскиваемая преступница. И приговор не отменен. Я ничего не могу поделать.

– Но вам же прекрасно известны обстоятельства дела... И вы знаете, что Ричард верит в ее невиновность. Милфорд, вы же знаете – ее просто убьют. Ни за что.

– Как убьют? – взъярился Денис. – Да я сам всех поубиваю! Что происходит? Луиза! Ника!

– Кто может принять решение? – быстро спросила я милорда Милфорда.

Он пожал плечами. Я не хуже его понимала, в чьей это компетенции.

– Пожалуйста, дайте мне время. Не тащите ее в империю, пожалуйста. А мне срочно надо к его величеству. Очень срочно!

И я вдруг поняла, что куда-то проваливаюсь. Мелькнуло недоумевающее лицо Дениса, губы Милфорда, сложенные в крик: «Нет!» Запрокинутая, как у мертвой, голова Луизы. И все исчезло.

Глава 4

– И все-таки информации мало для того, чтобы утверждать, что в империи Тигвердов зреет заговор. Все больше домыслы, – услышала я, приходя в себя.

Я только успела вздохнуть – и кругом начался хаос. Кто-то требовал стражу, кто-то кричал о том, что защитный купол дворца пробит. Кто-то «саданул» по мне каким-то заклинанием. Я это поняла, потому что вокруг меня замерцал защитный кокон. Во всем этом безобразии я нашла знакомый взгляд черных глаз и склонилась в придворном реверансе.

– Ваше величество, прошу прощения.

И только потом сообразила, в каком виде явилась. Уходя на прогулку с Милфордом, я оделась... простенько так. Для похода в магазин на даче. Джинсы. Свитер. Яркие угги. Шапка взаимоисключающих цветов с огромным помпоном – то ли у мамы был порыв креатива, то ли она просто психанула. Я лично это ее творение любила, но на неподготовленного зрителя она производила сильное впечатление. И старый пуховик неопределенного цвета.

На фоне роскоши императорского дворца это все смотрелось... особенно выразительно.

Я огляделась из-под шапки. Император Фредерик в окружении сановников – все как один с непростыми, значимыми лицами. Все как один готовы служить империи.

– Оставьте, милорды, – прозвучал среди всей этой суеты скучающий голос императора Тигверда. – Это не нападение. Это миледи Вероника.

Стражники остановились в полушаге от меня. Заклинания тоже прекратили стучать в кокон. Все замерли – и уставились на мою персону.

Вот не везет сегодня, так не везет. Я как раз успела подумать, что достопочтимые милорды никогда не видели меня... Нет, когда я надену платье-ночнушку, как у всех, они вряд ли смогут опознать в приличной даме то чучело, что переминалось сейчас с ноги на ногу посреди парадной залы. Но его величество... Сдал он меня...

– Вы несказанно украсили собой совещание кабинета министров, миледи Вероника...

Как же хочется залезть под стол...

– Рада угодить вам, ваше величество, – ответила я. И улыбнулась. А что еще остается делать? – Если возможно, я бы хотела с вами

переговорить.

– Для вас, – иронично откликнулся его величество, – все что угодно. Милорды, перерыв. Прошу, миледи. Я думаю, в моем кабинете нам удастся поговорить спокойно.

Повинуясь приглашающему жесту императора, я пошла за ним. Перед нами лакеи с поклоном открыли дверь. Мы прошли насквозь через богато обставленные помещения. Зашли в приемную. Молодой человек, явно скучавший за массивным столом, торопливо вскочил. Его лицо выражало нескрываемое изумление – видимо, императора здесь не ждали.

– Все потом, Карл. – Император сам распахнул передо мной дверь, пропустил вперед и, пройдя следом, тщательно закрыл за собой. И только после этого зашелся в хохоте.

А я что? Мне было не жалко. Видок тот еще... Действительно изумительный. Стало жарко. Я стянула шапку, расстегнула пуховик.

– Смейтесь, смейтесь, – проворчала я. – Если мне надоест в моем мире, я вернусь к вам. И устроюсь работать шутком во дворец.

– Ох, – простонал, вытирая заслезившиеся глаза, император. – Это было лучшее совещание кабинета министров в моей жизни.

Пока его величество изволил веселиться, я огляделась. На фоне богатых, роскошно обставленных комнат дворца личный кабинет самого императора выглядел удивительно просто, даже аскетично. Строгая, элегантная гамма серебристо-серого и черного. Светло, просторно – ничего лишнего, никаких украшений. Лишь нарядное алое пламя камина да трогательный пейзаж в простой раме над ним. Серый гранит мрачных стен неприступного замка, утопающий в розовато-белоснежной нежности цветущих яблонь...

Я невольно залюбовалась картиной. Задумалась о том, почему Фредерик выбрал именно эту работу и почему она ему так нравится. Может быть, потому что... Тут я вспомнила, что дело срочное. И Милфорд может потерять терпение.

– Теперь вы нахмурились... – раздался голос Фредерика. – Я надеюсь, вы не обиделись?

Отрицательно покачала головой.

– Вы перенеслись не потому, что вам грозила опасность? – внезапно став серьезным, спросил император.

– Нет, ваше величество. Со мной все хорошо.

– Вы после вчерашнего отказываетесь называть меня по имени? – нахмурился он. – Неужели вы перенесли неприязнь, которую испытываете к моему глупцу-сыну, на меня?

– Нет. Просто... Мне грустно, что чудес не бывает. Даже в другом мире, где существует магия, ревнуют прекрасные принцы и сердятся справедливые императоры.

Я улыбнулась.

– Мое восхищение вами лишь усилилось, – печально проговорил император. – Действительно, жаль. Итак, что же привело вас ко мне?

– Да еще и в таком виде, – проворчала я.

– Вы прекрасны, особенно в таком виде...

Фредерик по-отечески вскинул брови и хитро улыбнулся. Вот черт... Я же забыла, что по их нормам распущенные волосы – это для спальни.

– Простите. Я не буду ставить вас в неловкое положение. Присядьте и расскажите, наконец, что случилось.

Стянула пуховик, уронила его на пол, уселась и посмотрела на императора в замешательстве, не зная, как начать.

– Вы опять пришли просить не за себя? Говорите уже, Вероника... Я все-таки правитель империи, и у меня много дел. Взять хотя бы совещание, которое вы столь эффектно прервали. Разговоров в будуарах хватит на месяц вперед!

Фредерик опять захохотал – надо было кончать с этим, поэтому я взяла себя в руки и заговорила. Будь что будет, дальше тянуть нельзя.

– Мне неловко. Но ситуация безвыходная.

– Решительнее. Вам разрешено пользоваться нашим знакомством.

– Мы с милордом Милфордом столкнулись с баронессой Кромер, – быстро сказала я.

– И что же?

– Милорд Милфорд намерен ее арестовать.

– Это его долг, – безразлично пожал плечами император. – И что вам до этого?

– Она же ни в чем не виновата, – с горячностью заявила я.

– Это не доказано, – не согласился со мной император.

– Мне об этом сообщил муж баронессы перед смертью.

– Ваше свидетельство, конечно, может сыграть свою роль в ее судьбе, однако ее побег скорее говорит об обратном.

– Милорд Верд так не считал.

– Принц Тигверд под влиянием своей симпатии к этой женщине препятствовал правосудию, – голос императора с каждой фразой становился все холоднее и холоднее. Пока не стал обжигающе ледяным. – Простите, Вероника, я ничего не могу сделать. Если вы готовы давать показания, вы имеете на это право. На большее вы рассчитывать не можете.

– Я понимаю, ваше величество, – склонила я голову, чтобы он не видел моих слез.

– Вероника, – раздосадованно вздохнул император. – Это запрещенный прием.

– Прошу прощения. Мне пора. – Я схватила пуховик с пола, вскочила.

– Стойте, – остановил меня голос императора около самой двери. – Вернитесь и сядьте.

Он устало закрыл глаза обеими руками – как будто не спал несколько суток. Возможно, впрочем, так оно и было. Внезапно мне стало стыдно... Я веду себя так, как будто одна я страдаю... Врываюсь к усталому человеку. Словно у него других дел нет. Требую немедленной отмены суда и помилования. А между прочим, каждый раз, когда он меня видит, он думает о любимом сыне. И ему наверняка очень больно.

– Дайте мне подумать... – Император встал, подошел к камину.

Я замерла, ожидая его решения... Фредерик долго смотрел на огонь. Мне показалось – целую вечность. И, наконец, он проговорил:

– У меня две просьбы в ответ на вашу.

– Слушаю, ваше величество, – беседовать с его спиной было как-то нервно.

– Первая просьба – в неофициальной обстановке я по-прежнему Фредерик.

– Договорились, Фредерик.

– Замечательно. Вторая просьба... – он замялся.

– Слушаю вас внимательно...

– Когда мой сын узнает правду, а рано или поздно это обязательно произойдет, мне бы хотелось, чтобы вы с ним поговорили.

– Ваше величество?!

– Возвращаемся к просьбе номер один, – насмешливо протянул император.

– Фредерик...

– Вы выполняете мои просьбы – я ваши. По-моему, все честно. Или жизнь баронессы не стоит разговора с вашим женихом?

– Бывшим, – поправила я. – Но... Я согласна.

– Заметьте, я не прошу его простить. Или понять. Или дать шанс. Я просто прошу поговорить. Выслушать.

– Договорились.

– А теперь – пойдете, – он позвонил в колокольчик.

– Куда?

– Беседовать с баронессой. Верхнюю одежду, – приказал он

заглянувшему в кабинет секретарю. Тот склонился и исчез.

– У вас холоднее зимой, чем в империи, – обратился Фредерик уже ко мне.

Я улыбнулась. И кое-что вспомнила:

– Кстати говоря, что там с поместьем?

– А что с поместьем? – удивился император. – Оно у вас есть. И вы – графиня.

– Фредерик...

– И не спорьте с вашим императором.

Я покачала головой.

– Скажите, что не будете оспаривать мои приказы, – приказали мне.

– Не буду, – с улыбкой сказала я.

– Я очень хочу, чтобы вы остались в империи Тигвердов. Можете считать это моей прихотью. А моим прихотям положено потакать.

Вошел слуга, поклонился, подал повелителю пальто.

– А как вы сюда попали? – вдруг спросил император.

– Сама не знаю. Просто мне показалось жизненно необходимым увидеть вас. И... дальше я не помню, что произошло.

– Это перстень. Он среагировал на вашу команду.

– Интересно. Но я ему не приказывала.

– Ощущение того, что для вас это жизненно необходимо... Запомните его. И если вашей жизни будет грозить опасность – используйте.

Перед нами вспыхнула радуга портала.

– Пойдемте, – приказал император.

– А кабинет министров? – вспомнила я.

– Пустое... – махнул рукой Фредерик. – Они все равно не поверили в ваши выкладки. Говорят – империя незыблема. Но мы-то с вами знаем, как много надо работать, чтобы это было именно так...

И мы шагнули в немую сцену: растревоженный милорд Милфорд, смертельно бледная баронесса Кромер и злобный Денис Юрьевич посреди нашей гостиной.

– Добрый день, – поприветствовал их император.

Милорд Милфорд и баронесса мгновенно оказались на ногах и склонились в церемонных поклонах. Денис подумал – и тоже поднялся.

– Баронесса Кромер, чтобы не томить вас... Я согласился с доводами принца Тигверда, моего сына, и миледи Вероники, его невесты. Вы не имеете отношения к покушению. Поэтому ответите на некоторые мои вопросы в присутствии милорда Милфорда. От вас требуются искренность и готовность служить империи. Этого будет достаточно.

– Ваше величество! – У баронессы подогнулись колени, и она бы рухнула, не подхвати ее Денис.

– Вероника, что происходит? – закричал он мне. Действительно, говорили на имперском, поэтому Денис беспокоился и недоумевал.

– Все хорошо. Все потом, – быстро сказала я.

– Представьте нас, пожалуйста, – сказал император по-русски, разглядывая мускулистые руки, на которых изящно повисла баронесса.

Я тоже наконец обратила внимание на влюбленную пару. Луиза хоть и была бледна и бездыханна, но выглядела при этом совершенно очаровательно. В нашем мире она умудрилась подобрать одежду, которая была ей привычна. Длинная серая юбка, укороченное пальто в тон, с завышенной линией талии и черным воротничком. Волосы убраны на современный манер, «ракушкой», но шпильки с жемчужинами явно были имперские. Огромный Денис возвышался над ней как скала. Надо же... Я раньше никогда не задумывалась, есть ли у Дениса женщина. Он никогда не говорил о своей личной жизни, а я не спрашивала. И вдруг так сильно захотелось сделать все, что в моих силах, лишь бы они были счастливы! Пусть хоть кто-нибудь будет счастлив... И станет чуть-чуть светлее и теплее вокруг...

– Ваше величество, – заговорила я, – позвольте вам представить Дениса Юрьевича Брауна, командира СОБРа. Моего студента и друга.

– Странно, – нахмурился Фредерик. – Я всегда считал, что студенты должны быть моложе своего преподавателя.

– У нас в стране есть студенты-заочники, – улыбнулась я. – Взрослые люди, которым понадобилось высшее образование. Они и работают, и учатся. Поэтому с возрастом преподавателя может получиться казус – как в нашем случае.

– Погодите-ка, это тот самый Денис, про которого вы говорили нам с Рэ? Это он спас жизнь вам и мальчикам? – внезапно встрял в представление милорд Милфорд.

– Что?! – Теперь в глазах императора был неподдельный интерес.

– Я ничего не сделал. Только предупредил. – Денис смутился так, что даже не отреагировал на то, что его представили императору.

– СОБР – что это? Какое-то подразделение по линии Министерства внутренних дел? – поинтересовался император.

– Специальный отряд быстрого реагирования, – отчитался Денис. – Специализируемся против вооруженного противника в условиях города. Вообще большого количества людей.

– Значит, и против уголовных элементов работу организовать

сможете? – хищно полюбопытствовал Фредерик.

– В смысле – отстрелять или отловить? – растерялся Денис.

– В смысле – организовать работу Уголовной полиции. А уж отстреливать или отлавливать – решите сами, по обстоятельствам. Хотя империи уголовные элементы нужны скорее живыми – рудников у нас много.

– Никогда не рассматривал себя в роли начальника уголовного розыска... – опешил Денис.

– Я вдруг подумал, что нам нужен взгляд человека со стороны, – задумчиво проговорил император.

– Зачем? – спросил у него Денис.

– Вы понимаете, работу надо организовать таким образом, чтобы ее одобряла миледи Вероника.

– Ваше величество, – осуждающе сказала я. Меня чуть не убили в его Уголовной полиции, а он развлекается!

– Что вас возмущает? Я вполне серьезно.

Денис стоял с открытым ртом. По-моему, еще несколько фраз – и он отправится сдаваться в психушку. И нас всех, как сознательный гражданин, сдаст.

– Давайте мы сделаем так... – продолжил император. – Баронесса любезно предоставит вам информацию о том, что происходит на самом деле. Расскажет о нашем мире, об империи Тигвердов. Потом полученную информацию дополнит миледи Вероника. Пока вы будете вникать, милорд Милфорд соберет на вас досье, а я с ним ознакомлюсь. И если меня все будет устраивать, то я предложу вам работу. Миледи Вероника, где мы можем побеседовать с баронессой?

– В кабинете отца, – отозвалась я. – Пойдемте, я провожу.

Когда я вернулась, Денис поднял на меня ошалевшие глаза:

– Ника, что происходит? Ты где была все это время?

– Ой, Денис, тут без ста граммов не расскажешь.

– Давай. Хотя, по ходу, мне надо больше...

– Поддерживаю.

Я изыскала бутылку коньяка, налила себе и бывшему студенту. Мы чокнулись и выпили. На тост сил уже не было.

– Слушай, – спросила я у Дениса, который все еще пребывал в ступоре. – Ты чего Луизу вообще ко мне притащил? Она же скрывается. И мне знать, где именно, вообще не положено. А тут еще и Милфорд заявился...

– Да я не знал, что вы знакомы... Она не сказала.

– Твою нехорошо! – пробурчала я. И мы еще выпили. – А она чего ко мне сунулась? Она же мое имя знать должна!

– Так я не сказал, куда мы едем!

– Ну вы даете! Парочка!

– Так я не понял, седой – это кто?

– Это, Денис, император Фредерик Тигверд.

– Ты что, с ролевыми связалась?

Я хохотала так, что потом долго вытирала слезы. Выпила. Подумала. Выпила еще. И только потом сказала:

– Конечно, с ролевыми, Денис. С кем же еще. Боюсь только, что теперь и ты с этими ролевыми связался.

Глава 5

Когда император, милорд Милфорд и баронесса Кромер вышли из отцовского кабинета, мы с Денисом были изрядно поддатыми. И что – что времени было мало? Не больше часа? Зато мы старались. Да и остатки яблочного сока, который кто-то любезно принес с собой от магазина, где я исчезла,годились. А то, что бутылка была одна, – так у Дениса в машине и вторая нашлась.

– Как у вас весело... – печально протянул его величество. – А у меня совещание...

– Они все равно не поверили моим доводам о готовящемся дворцовом перевороте... – пожала я плечами, поднялась, достала с полки еще три бокала. Денис разлил коньяк. И раздал народу. – И что в ваших совещаниях толку...

– Справедливо, – улыбнулся император Тигверд.

– Не гномий самогон, конечно, – проворчала я. И выпила свою порцию, не дожидаясь остальных. – Денис, повторишь?

– Слушаюсь! – улыбнулся он мне и налил еще.

Имперцы смотрели в свои бокалы. Император о чем-то раздумывал, а остальные ждали от него отмашки.

– Если что – у отца в кабинете есть еще, – кивнула я на практически допитую бутылку.

– Да и я в машине не одну вожу, – обиженно посмотрел на меня бывший студент. – Мало ли что.

Баронесса Кромер глядела на меня в каком-то священном ужасе.

– А вам как наш мир, Луиза? – решила начать я светскую беседу.

– Я здесь счастлива, – тихо ответила она.

– Как Алан? – спросила я о ее сыне.

– В школе, – чуть улыбнулась она. – На удивление хорошо общается с одноклассниками.

Император тяжело вздохнул, все-таки выпил коньяк, недовольно оглядел нас всех:

– Я к себе.

– Погодите... – остановила я его. – Вы сегодня обедали?

– Что? – удивился он. Да и все остальные посмотрели на меня с изумлением.

– Пирожки еще есть. Мы с мамой их наделали в промышленном

масштабе. Мама еще борщ варила. Будете?

– Буду, – улыбнулся он.

– Сейчас все разогрею. А потом отправитесь на совещание.

– Слушаюсь, миледи, – насмешливо протянул Фредерик.

Я быстро накрыла на стол, покормила всех. Император удалился. Луиза и Денис ушли в папин кабинет, им было о чем поговорить. Я стала собирать посуду со стола, когда поняла, что плачу.

– Что случилось? – подошел ко мне милорд Милфорд.

– Не обращайтесь внимания. – Я зло вытерла глаза. – Это пьяные слезы. Ничего. Переживу.

– Я могу чем-то помочь?

– Зачем это вам, милорд? Мы уже все сегодня выяснили про то, кто кому друг. Кроме того, я думаю, что не в состоянии буду заниматься. Поэтому, если можно, давайте встретимся завтра. Я как раз приду в себя.

Странно, но милорд Милфорд не разгневался.

– Вы правы в своих упреках, – склонил он голову.

– Мне не за что вас упрекать, – отрезала я. – Как и тех, кто сегодняшнюю ситуацию извратит точно так же, как и вы с Ричардом.

– Что вы имеете в виду?

– Я ворвалась на совещание кабинета министров. Его величество после этого исчез из дворца на несколько часов. И всем все понятно. И где мы были, и чем занимались. Как и в отношении тех нескольких дней, когда он не выходил из моей спальни.

– Почему вы сегодня сказали, что я вам не друг? – спросил милорд Милфорд внезапно.

– А вас это задело? – прошипела я.

– Вы, когда выпьете, становитесь агрессивны?

– Нет. Просто хорошее воспитание отключается, и я перехожу на разговоры по душам. Прямым текстом. Еще позволяю себе пьяные слезы. И жалость к себе. Впрочем, вы уже в курсе.

– Простите меня, миледи Вероника. Я был не прав, – поклонился он.

– Друзья – это те, кто верит. Вопреки всему. Несмотря ни на что, – прошептала я. – А в отношении вас... Да и Ричарда тоже. Можно сделать вывод, что друзьями мы не стали.

– Я никогда не видел его таким счастливым, – прошептал Милфорд. – Надо было догадаться, что все эти слухи – бред.

– А вы тоже не верите, что в империи готовится переворот? – сменила я тему разговора.

– Надо проверять, – скривился Милфорд.

– Такое впечатление, что меня одну это волнует.

– Может, потому, что мы привыкли?

– Как это?

– Вы же не думаете, что это все – первая попытка... И не первая, и не последняя. Но в этот раз все немного по-другому.

– Почему?

– У Рэ появилась привязанность. По ней и ударили, чтобы его нейтрализовать.

– Вот и прекрасно. Нет привязанности – нет слабых мест. Так что скоро все наладится, – фыркнула я.

– Как мне заслужить ваше прощение?

– Зачем вам это?

– У меня как у контрразведчика совести быть не должно. И личных симпатий. Одна целесообразность. Только материал, с которым работают. Но в вашем случае этот принцип почему-то не работает. К тому же мне хочется стать вам другом.

Я вытерла руки полотенцем и резко развернулась к нему.

– Давайте попробуем, – протянула ему руку.

– В вашей Вселенной все-таки странные манеры, – проворчал он, с осторожностью пожимая мне кончики пальцев.

– Ах, вам еще и не нравится! – возмутилась я.

– Что вы... – рассмеялся он.

На этом мы и распрощались, договорившись, что он прибудет завтра. Милорд Милфорд пообещал выделить два часа в день по утрам, чтобы заниматься со мной. Контрразведка контрразведкой, а приказ императора должен быть выполнен.

Потом – завертелось. Приехали мама с мальчиками. Познакомили маму с Луизой. Я шепнула Паше, что вопрос с баронессой разрешился и им с сыном не придется скрываться. Потом прибыл целитель Ирвин, чтобы заняться Феликсом. Мы с мамой отправились готовить ужин на всю ораву. К моему удивлению, Луиза ринулась нам помогать. Паша рассказывал Денису, как круто в империи. Только дисциплина в Академии – гадость полная. Риторика – отстой. А так классно. По-моему, только послушав сына, Денис смог поверить, что все это ему не померещилось. И что император – не сумасшедший ролевик, которому все подыгрывают по каким-то причинам.

– Милорды, значит, – проворчал он.

– И миледи. – Мы переглянулись с Луизой, улыбнулись.

Луизе все-таки было легче, она – маг, и существование параллельных

миров для нее – истина. Денису же пришлось стереть стереотипы в своем сознании. За один вечер. Завтра он проснется – и снова будет бороться с собой. Я знала, как это тяжело, и порадовалась, что коньяк оказался под рукой в достаточном количестве.

– Баронесса, значит, – при взгляде на Луизу у него полыхнули глаза.

– Прости, что не говорила правду, – прошептала она.

– Ничего, – хрипло проговорил он.

И я, скрыв усмешку, подумала, что у Луизы в скором времени будут все шансы получить прощение за свою скрытность.

– Вероника. Спасибо вам. Вы второй раз спасаете меня, – перевела она взгляд на меня.

– Пожалуй, нам надо домой, – решил Денис.

– Может, останетесь? Ты же выпил, – попыталась я остановить его. – Не надо за руль.

– Я построю портал, – быстро сказала Луиза. И я рассмеялась, осознав, что это уже никого в доме не удивило.

– За машиной я приеду завтра, – уточнил мой бывший студент. – Только еще не знаю когда. Служба. Заодно и твою верну обратно.

– Кстати, где она?

– В лес загнал – как и обещал.

– Бедный мой «пыжик»! Как ему там страшно...

– Страшно становится мне, когда представляю, как оттуда выковыривать машину.

– Денис... О машинах. Сколько я тебе должна за уничтоженную «Ауди»?

– Просто живи, – обнял он меня.

– Прекрати, – попросила я. – Она же денег стоит. Мне вот поместье все-таки всучили. Так что меня это не напряжет.

– Барыня, – рассмеялся он. – Крепостными еще не обзавелась?

– Денис, – возмутилась я.

– Ладно, разберемся.

И они стали собираться.

– А ужин? – всплеснула руками мама, осознав, что двое гостей уходят голодными.

Но Денис и Луиза уже исчезли.

– Так и не спросила, как они познакомились, – огорчилась я.

Первая легкость после коньяка ушла, и стало понятно, что все-таки перебрала. Поэтому отправилась спать пораньше. Спать! Но стоило закрыть глаза, как я оказалась в лесу.

Ночь. Костер. Милорд Верд...

– Зачем ты приходишь? – спросил Ричард, избегая смотреть в глаза.

– Поиздеваться над собой, не иначе, – злобно отвечала я. Ведь хотела просто поспать. Что ж такое!

– Над собой?! – прорычал мужчина.

– Все-таки хорошо, что это сон, – проворчала я, усаживаясь у костра и уставившись в огонь.

– Ты считаешь, что это сон?

– А что еще...

– Тогда что же у тебя в реальности?

– Я напилась. Денис теперь с Луизой, представляешь. Император помиловал ее. Милфорд просил прощения. Ирвин лечит Феликса. А я пошла спать.

– Кто такой Феликс?

– Еще один мой приемный сын.

– И сколько у тебя детей все-таки?

– Теперь трое.

– И что потребовал император за прощение преступницы?

– Поговорить с тобой, когда ты об этом попросишь.

Ричард нахмурился.

– Я могу считать, что выполнила уговор с его величеством? – спросила у него.

– Нет, – улыбнулся он. – Я не хочу с тобой разговаривать.

– Чего же ты хочешь?

– Прочитай мне стихотворение. Как тогда. В поместье.

– Странный ты, Ричард... Говорить не хочешь, а стихи слушать...

Ладно.

Я уставилась в огонь костра. Подумала. Вспомнила. И слова понеслись сквозь сумрачный печальный лес, поднимаясь все выше и выше... К звездам, наверное:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,

Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи – гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.^[2]

- Ты разлюбила? – вдруг спросил он.
– А ты? – Сил смотреть на него не было.
– Нет. – В голосе у него были разлиты удивление и горечь. – Я понимаю, что ты свой выбор сделала. Что ты – уже не моя. Но разлюбить... Нет. Я не могу.
– Дурак... Какой же ты дурак, Ричард!
– Потому что мучаюсь из-за женщины, которая выбрала не меня?
– Потому что тебе сказали чушь, а ты поверил.
– Что же ты чувствуешь ко мне? – Я поймала на себе взгляд черных глаз.
– Обиду, – прошептала я. – Жгучую, невыносимую.
– И у тебя был повод?
– Ты издеваешься? – Я вскочила, подошла к нему вплотную. – Ты оскорбил меня. Грозился убить. И самое главное, я до сих пор не знаю... Я развернулась, чтобы уйти.
– Что ты не знаешь? – Ричард хватается меня за руку. Всего одно легкое движение – и он оказывается рядом. Близко. Близко-близко...
– Тогда, во время нашего разговора, ты сказал, что не согласишься

появления ублюдка. – Я уставилась в его глаза. – Скажи мне... Я была беременна и ты что-то сделал, чтобы нашего ребенка не было?

Чернота глаз запылилась алым.

– Ты не смеешь меня так оскорблять, – прошипел он, сжимая мои плечи. – Слышишь, не смеешь...

– Просто ответь. – Я закрыла глаза, чтобы остановить слезы.

– Ты не была беременна, – проскрежетал он.

– А если бы... я ждала ребенка?

– Даже умирая от ревности, когда все мое существо требовало мщения... Требовало уничтожить ту, что изменила... Я ничего бы тебе не сделала. Тем более я не причинил бы вред своему ребенку. И уж тем более ребенку моего отца.

– Значит, мне стоит родить ребенка твоему отцу? А ты как самый преданный подданный империи Тигвердов будешь ликовать?! Как вы там кричите: «Бра-бра-бра!»

Я вырвалась. И изо всех сил ударила его по лицу.

– Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя? – закричала я. – Нет! Я тебя ненавижу! Как же я тебя ненавижу...

И бросилась прочь от костра.

Он не стал меня останавливать. Ветерок принес мне вслед горький смех:

– Хорошо бы собаку купить...

Глава 6

Я проснулась вся разбитая, как будто и правда целую ночь по бурелому в незнакомом лесу шаталась. Засунула себя в душ, приговаривая: «Надо меньше пить! Пить надо меньше!!!»

Спустилась вниз, обнаружила, что родители собираются по магазинам запастись продуктами. Пашка с самого утра унесся к Рэму. Сегодня как раз была суббота, и сын очень надеялся вернуться домой с юным герцогом.

– Как дела? – спросила я у Феликса.

– Как вы думаете, я действительно буду ходить?

Первая эйфория прошла, и у мальчика появился страх. Я представила себе, как холодный липкий туман, медленно убивая надежду, поднимается по бесчувственным ногам к сердцу моего сына. Не отдам! Сверкнул жемчужной ртутью браслет на горячем запястье, перед глазами вспыхнуло.

– Феликс, Ирвин – прекрасный специалист, а магическая медицина империи реально творит чудеса.

– Страшно поверить, – прошептал он.

– Не то слово. Верить во что-то вообще очень страшно, – согласилась я с ним.

– А если...

– Послушай. Если ты сейчас нафантазируешь всяких страхов, то Ирвину придется сражаться не только с твоей болезнью, но и со всякой фигней, в которую ты поверишь. Давай немного поможем твоему целителю?

– Каким образом?

– Ты будешь повторять каждый день, засыпая и просыпаясь: «Я буду ходить!» Никаких сомнений. Никаких «а если...». Слова, в которые ты веришь, творят чудеса без всякой магии. Плюс настоящая магия – и мы победим!

– Вы думаете?

– Я уверена в этом.

– Мама! – раздался голос Паши у меня за спиной. – Посмотри, кого я привел.

– Рэм, мальчик мой! – Я обняла сына. Еще одного.

– Миледи Вероника, – смутился он. – Я очень рад видеть вас.

И юный герцог церемонно поцеловал мне руку.

Я потрепала его по голове.

– Как ты?

– Без Пауля скучно. Маркиз Борнмут теперь не цепляется. Остается только учеба. А это уже не так интересно!

– Печалька! – согласился Паша. – А теперь позволь представить тебе еще одного члена нашей семьи – Феликса.

Я успела заметить в глазах у новоприобретенного сына дикую, беспросветную тоску. Но мальчик быстро взял себя в руки. И с улыбкой протянул руку нашему герцогу.

– Рэм. Очень приятно, – ответил тот.

– Ника! – в гостиную вошли мама и папа. – Представь нам молодого человека.

– Здравствуйте, – вышел вперед наследник престола. – Я – Геральд Аден Моэ, герцог Рэймский. И я обязан вашей дочери и ее сыну жизнью. Моя мать, герцогиня Рэймская, зачаровала вас и обрекла на страдания. Я готов служить вам до тех пор, пока не искуплю вину.

И он склонил голову.

– Ничего. – Мама подошла к нему и погладила по голове. – Все это мы уже пережили. И в любом случае ты не виноват.

– Можно исправить все, кроме смерти, – серьезно проговорил мой отец, подходя к Рэму поближе. – И раз твоя мать пошла на такие меры, думаю, что беда была близко.

– Спасибо вам. – В глазах у Рэма блеснули слезы.

А отец протянул ему руку:

– Евгений Николаевич.

– Очень приятно, – склонил голову юный герцог. И руку пожал.

– Маргарита Дмитриевна, – представилась и мама.

А я подумала – сколько же пережил Рэм за это время! И попытку дворцового переворота, и гибель отца, и разлуку с матерью. Скитания. Выматывающую тревогу. Но он никогда не жаловался, не ныл, не страдал. Все время демонстрировал редкое – даже для взрослого – присутствие духа. Защищал мою честь, честь Пауля...

Я подошла к нему и обняла.

– Все будет хорошо, – прошептала ему в макушку.

– Мам, мы на улицу, – быстро сказал Паша.

Он схватил за рукав Рэма, следом они подхватили коляску Феликса и унеслись.

– Вы хоть оденьтесь!!! – крикнула я им вслед.

Вскоре ушли родители, и я осталась одна. Как я думала.

– Вы хорошо управляетесь с сыновьями, – донесся до меня голос

милорда Милфорда.

– Вы давно здесь?

– Достаточно.

– Начнем?

– Чуть позже. У меня приказ его величества доставить вас в империю.

– Доставляйте, – равнодушно согласилась я.

– В обычной одежде.

Я осмотрела себя – джинсы, свитер. Что может быть обычнее? Вопросительно уставилась на милорда Милфорда.

– Обычной для империи, – пояснил он.

– А-а-а, – сообразила я. – Но вам придется подождать, пока я переоденусь.

– Конечно.

Какой-то начальник контрразведки сегодня безропотный, прямо загляденье.

Где там мой саквояж – представлю-ка я платье, которое мне нравилось, – синее. Спустила какое-то время я спустилась вниз, уверенная в том, что мой внешний вид не шокирует имперцев и не развеселит императора.

– У вас прическа неправильная, – внимательно оглядел меня Милфорд.

– С чего вдруг? – обиделась я. Я так старалась, укладывала, со шпильками возилась. И вообще, с тех пор как Рэм в экстренном порядке отрастил мне волосы, потому что в империи, видите ли, женщины с короткими волосами не ходят, жизнь моя весьма и весьма осложнилась.

– Вы – графиня, не служанка. Вам не положено косы заплетать. Нужно, чтобы были локоны, – безапелляционно заявил мужчина.

– «А кому смотреть противно – тот пускай и не глядит»^[3], – не согласилась я с ним. – И вообще – как вы себе это представляете? Вот как я вам быстренько локоны организовывать буду? И главное – для чего? Думаете, это изменит тот факт, что я трудилась экономкой? И кстати, ваши аристократы об этом знают.

– А платье почему синее?

– Нравится мне, – огрызнулась я. Вот что он пристал?

– Допустим, – недовольно скривился милорд Милфорд. – Поднимитесь к себе и наденьте самый теплый плащ, который у вас есть. Шляпку и перчатки не забудьте.

– И что теперь? – поинтересовалась я, когда вернулась.

– А теперь выстраивайте портал – как вы делали это вчера. Опять сосредоточьтесь на том, что вам нужно увидеть его величество – он будет

вашим маяком.

– Вы так говорите, милорд, будто я понимаю, что я вчера сделала и как оказалась во дворце.

– Сегодня вам во дворце оказываться не надо. Императора там нет. Сосредоточьтесь. И прикажите. У вас получится.

Да щас! Или я сегодня решила, что у меня не получится, или перстень, с помощью которого я переносилась, заупрямился. И если вчера он унес меня из моей Вселенной, чтобы доставить к императору Фредерику, и, особо не напрягаясь, пробил охранный периметр дворца, то сегодня... Похоже, сегодня он попросту глумился. Или мстил мне за сон, в котором я хлестнула Ричарда по лицу.

Прошло полчаса. Как я ни старалась – все равно оставалась посреди гостиной, ощущая себя глупо. Только еще и голова разболелась. И я взмокла.

– Миледи Вероника! – проявлял чудеса терпения Милфорд. – Я сказал сосредоточиться, а не злиться. Спокойнее. Все равно это сделать придется. А потом еще и еще – до автоматизма. Потому что в случае опасности надо уметь выстраивать портал автоматически.

– Так я согласна, только перстень меня не слушается.

– Миледи! Он не может вас слушаться или нет! Это же неодушевленный артефакт. Конечно, мощный. Но... не живой. Поэтому. Давайте еще раз – сосредоточьтесь. Захотите сами. А перстнем воспользуйтесь, чтобы зачерпнуть силы – у вас самой ее практически нет.

Что бы там ни говорил Милфорд, а перстень обиделся... Вот я это почувствовала, честное слово! А еще через мгновение нас куда-то понесло. Обоих.

– Где мы? – обреченно спросил начальник контрразведки.

– Это то место, которое мне часто снится.

Мы очутились в лесу, где ночью у костра в моем сне обычно сидел Ричард. Надо же, это место действительно существует. Только нет костра – есть пепелище. И милорда Верда возле него нет. Но это хорошо.

– А что мы тут делаем? – между тем огляделся вокруг милорд Милфорд.

– Понятия не имею, – честно ответила я.

– Как вы это сделали?

Я осуждающе посмотрела на него.

Он только тяжело вздохнул – и мы с ним куда-то перенеслись.

– Завтра продолжим, – сообщил он мне. – Я вас все равно научу!

Я открыла глаза. Холодно-то как. Ветер попытался сорвать с меня плащ – у него не получилось, и он, злобно взыв, забрался под одежду. Бр-р-р!

Тут же пожалела, что не забила на приличия и имперскую моду. Надо было натянуть старенький родной пуховик. А что? Император его видел? Видел. Одобрил? Ну... Будем считать, что одобрил. Так что нечего голову морочить!

– Простите, что перебросил вас под стены замка, – проговорил милорд Милфорд. – Мне, как и всем остальным, не положено попадать порталом внутрь. На это имеют право лишь признанные члены императорского дома. Если бы вы построили портал сами, то перенеслись бы вовнутрь. Пойдемте скорее, а то вы замерзнете.

Но я как замороженная смотрела на серую громаду мрачного замка, что возвышался на утесе по-над самой кромкой необозримой водной глади.

– Где мы вообще? – с восторгом спросила я.

– Это – берег Ледяного моря. Замок Олден в Северной провинции. По приказу прадеда императора Фредерика превращенный в тюрьму для государственных преступников.

– О как! И что нас сюда занесло?

– Приказ императора. Пойдемте уже, а?

– Замерзли? – насмешливо посмотрела на начальника контрразведки.

– Миледи Вероника!

– Замок чудо как хорош! – продолжала восхищаться я. – А какая высота стен? А ширина?

– Не знаю! Я же не строитель!

Мы все-таки тронулись по направлению к зеву ворот, расположенных в высоченной башне. Преодолели подъемный мост, сейчас, правда, опущенный. Я остановилась полюбоваться на толстые цепи, на ров, на настороженных стражников.

– Красота!

Мы вошли во двор, где было много построек. Ходили люди, что-то красили рабочие.

Но мое внимание привлекла главная башня замка. Донжон. Гордый, величавый, устремленный прямо в свинцовое небо.

– О-о-о!!! – только и сказала я.

Милорд Милфорд, осознав, что сейчас пойдет следующий поток вопросов и восторгов, картинно застонал.

– Я достану вам всю документацию по постройке этого замка, – пообещал он мне. – Там все будет про ширину, высоту, глубину и историю.

Пойдемте!

– Договорились, – кивнула я.

И мы уже направились к башне, как вдруг один из рабочих, старательно водящий валиком по стене одной из построек, неожиданно распрямился и отвесил нам изящнейший поклон.

– Добрый день, миледи Вероника. Добрый день, милорд Милфорд.

– Ваше высочество! – обалдела я. – Это вы?

– Именно так, – улыбнулся нам принц Брэндон Тигверд.

– А почему вы красите?

– Казарму? Так получилось.

– Меньше светских бесед – больше титанического труда во славу империи, – раздался недовольный голос императора. – Граф Тробрайдж, вас это тоже касается! Равно как и всех членов вашей боевой пятерки.

Я присмотрелась: действительно, пять маляров, что белили стены зданий на пронизывающем северном ветру, – это были кадеты Военной академии последнего, десятого курса, известные мне по их обедам у милорда Верда. Теперь же они осваивали новую профессию.

– И как это вас угораздило? – тихонько спросила я у наследного принца.

Он неопределенно пожал плечами и старательно сосредоточился на стене, малярном валике и ведре с белилами.

– Драка, – наябедничал мне император. – Да еще и между членами боевой пятерки.

– Да что вы? – поразилась я.

– Принц и граф что-то не поделили. Что именно – молчат.

Принц недовольно запыхтел.

– Но ничего. Совместный облагораживающий труд, укрепляющая нервную систему прохлада, полезная диета в виде хлеба и воды и, конечно же, полезный сон в свободных камерах замка... Я думаю, все эти мероприятия приведут к тому, что милорды опять найдут общий язык. Не так ли, ваше высочество?

– Служу империи, – меланхолично отозвался принц, не прекращая елозить валиком по стене.

– Будьте любезны, передайте коменданту крепости, что я увеличил срок вашего пребывания в крепости еще на сутки.

– Да за что? – тут уж наследник вскочил.

– Вы не изъявили достаточно энтузиазма, когда выражали готовность служить империи! – отозвался его отец.

– Служу империи, – проорал принц, вытянувшись в струнку.

– Вот так-то лучше! – одобрительно кивнул император. – Миледи Вероника, милорд Милфорд, пойдёмте.

– А почему наказание отрабатывают пять человек, если подрались принц Брэндон и граф Трuebasридж? – поинтересовалась я, пока мы шли по направлению к донжону.

Милорд Милфорд едва слышно усмехнулся моему вопросу – видимо, он-то, как человек, закончивший Военную академию, ответ на него знал.

Его величество тоже удивился:

– Конечно же, все вместе – это же боевая пятерка. Вот у вас же, Эдвард, было так же?

– Конечно, ваше величество, – поклонился начальник контрразведки. – Мы все делили на пятерых. Жаль только, что...

И милорд Милфорд замолчал.

– Вы правы, вы правы, – грустно ответил император, сразу поняв, что имел в виду его подданный.

– Боевая пятерка, говорите... – протянула я. – Милорд Верд, милорд Милфорд. А кто еще трое?

– Милорд Гилмор – это один из заместителей Рэ, – пояснил мне друг Ричарда, который упорно называл его материнской фамилией.

– Еще один погиб в первой же боевой операции. А другой – в прошлом году, – печально откликнулся император.

– Как жаль, – тихо отозвалась я.

Мы вошли в башню через дверь, которая была настолько низенькой, что даже мне пришлось согнуться в три погибели. Что тут говорить о мужчинах, которые были высокого роста.

– Уф, – сказал император, когда мы оказались внутри. – Каждый раз собираюсь распорядиться, чтобы прислали рабочих и разобрали несколько рядов камней. Сколько можно! Пусть уже сделают нормальную дверь. Вряд ли кто-то будет штурмовать эту крепость, а уж тем более доберется к последнему рубежу обороны.

– Да! – Я была в полном восторге. – Это же было сделано специально, чтобы нападающие, если они прорвутся, вламывались по одному. И согнувшись.

– Именно, – согласился со мной император. – А тут, обратите внимание, специальные ниши, чтобы рубить слева и справа. Кстати, ставили воинов, которые хорошо обращались с боевыми топорами.

– Так одному не с руки, – огляделась я. Встала на место обороняющегося, прикинула. Замахнулась. – Ему же рубить с левой руки.

– Как-то справлялись, – пожал широченными плечами император. И я

почему-то представила именно его сжавшим боевой топор.

– А на галерею еще и лучников, – поддержал наш разговор Милфорд.

– Кстати, этот замок ни разу не был взят неприятелем, – гордо сказал император.

Мы пересекли зал с огромным камином, земляным утрамбованным полом, прошли под галереей. Дежурившие солдаты при виде императора взяли на караул и распахнули одну из дверей. Уже нормальной высоты.

Мы зашли и оказались в скромно обставленном кабинете. Самый обычный письменный стол, стулья, кожаный диван, камин. Светлые занавески. Ничего лишнего. И ничего необычного. Даже развешенных боевых топоров на стенах не оказалось. Канцелярщина.

– Что-то вы долго добивались. Сколько надо времени, чтобы выстроить портал? – проворчал император, усаживаясь за стол. И позволительно кивая нам. Я выбрала диванчик, милорд Милфорд опустил на стул напротив повелителя.

– По вашему приказу я обучал миледи Веронику, – вздохнул начальник контрразведки. – Вы же приказали, чтобы я добился того, чтобы портал выстроила именно она.

– И как успехи? – насмешливо спросил император. – Хотя, судя по тому, что заходили вы через мост, а не перенеслись сразу в кабинет, где я вас ждал... – И тут же озабоченно спросил у меня: – Вы не замерзли?

– Нет, – ответила я. Подумала, развязала ленты плаща и скинула его. Еще подумала – и присоединила к этому всему шляпку и перчатки.

– Миледи может простыть, – сдал меня Милфорд. – Ветер очень сильный.

Император позвонил в колокольчик. Зашел караульный.

– Распорядитесь принести миледи средство от простуды, – распорядился император.

– Слушаюсь! – старательно рявкнул солдат.

– И пригласите к нам коменданта.

Не прошло и пяти минут, как мне подали что-то сбитое в пену. В глиняной кружке. Горячее. Подавал мне его лично комендант – кругленький лысенький дядечка весьма почтенного возраста.

Я сделала большой глоток. Посмотрела удивленно на коменданта. В напитке было молоко. И мед – не спорю. И даже какие-то травы. Но больше в нем было крепкого алкоголя.

– Колониальный грог! – гордо пояснил мне комендант. – Лучшее средство от простуды. Моряки делают с чаем, но меня научили – с молоком лучше. Не сомневайтесь. И ром в напитке исключительный, с острова

Максимилиана. У меня там одна из дочерей – замуж вышла за лейтенанта, а сейчас он... О-о-о!.. Вице-губернатор.

– Ром! – недовольно посмотрел на него император.

– А надо было что-нибудь покрепче? – обеспокоенно спросил у меня комендант.

– Нет-нет, – торопливо ответила я. Допила приятный напиток. Тепло разлилось по телу.

– Думаю, мы можем приступать, – распорядился император.

Комендант подобрался, поднялся и вышел.

Глава 7

– Вы не смеее так поступать со мной! Все, что я сделала, – я сделала во имя любви!

Где-то я уже слышала этот мерзкий голос... Я вздрогнула и с ужасом осознала, что отключилась, видимо, на пару минут. Ром был хорош!

На каменном полу босиком стояла женщина, капризно вздернув подбородок. Голубые глаза горели негодованием и презрением. Несмотря на тюремное рубище и свалявшиеся, потускневшие от отсутствия надлежащего ухода, растрепанные волосы, посадка головы была точно такая же, как во время нашей встречи в поместье милорда Верда...

Графиня Олмри. Высокомерная аристократка, бывшая любовница Ричарда Фредерика Рэ, принца Тигверда... Вспоминать не хотелось, но я была совершенно не в силах контролировать непрошенные образы. Сладкий запах духов, хитро уложенные блестящие локоны, россыпь жемчужин между ними. Расшитый драгоценными камнями лиф платья – было на ней в тот день что-то роскошно-изумрудное и очень дорогое. Розовые пальчики, перстни и золотые ногти – видимо, какая-то местная магия.

Сейчас от всего этого великолепия не осталось и следа... Ни одного украшения, грязь под отросшими обломанными ногтями, синяки на запястьях и щиколотках. Я вспомнила собственный опыт, и тошнота подкатила к горлу... Поймала на себе осуждающий взгляд императора и постепенно вернулась к реальности.

Арестованная по-прежнему стояла посреди кабинета, куда ее ввели солдаты, и надменно молчала.

– Вот смотрю я на вас и не знаю, чему больше поражаться – вашей собственной глупости или идиотизму моего сына... – задумчиво протянул император.

– Я все сказала, мне больше нечего добавить, ваше величество, – патетично повторила графиня. – Все, что я сделала, я...

– Нет, это невозможно, – закатил глаза император и позвонил в колокольчик.

– Ваше величество!

– Уведите, – распорядился император. – И вызовите главу рода Олмри. Он покосился на меня, проглотив явно неприличное слово.

Графиню вывели.

– А что вообще происходит? – осторожно спросила я. Удивилась,

насколько тихий и хриплый у меня голос.

– Вероника... – Было видно, что Фредерик беспокоится за меня, но, видимо, император решил, что происходящее в данный момент важнее. Я почувствовала его настроение и попыталась взять себя в руки. – Вы не поняли, кто затеял интригу с кристаллом?!

А вот этот вопрос мужчина просто прорычал.

– Что?!

Кабинет замка исчез. Я стояла перед огромным массивным зеркалом в золоченой раме, смотрела в него и ничего не понимала. Изображение пугало... Расшнурованный наполовину корсет, распущенные волосы, кривая, жадная ухмылка алых губ. И вдруг отражение изменилось. В черноте магического зеркала стояла уже не я, а графиня в тюремной робе, с искаженным злобой и болью лицом. Злой, отчаянный смех из зазеркалья... В нем одновременно читалось и торжество, и отчаяние, подкрепленные слепой, неконтролируемой ненавистью. Сначала я думала, что трясущейся от смеха рукой с вытянутым вперед грязным пальцем она указывает на меня, но быстро поняла, что горящие безумием глаза устремлены куда-то... Я резко обернулась и закричала – за моей спиной, вторя графине, хохотал император... Его образ таял, приобретая совершенно другие черты.

– Нет! Это не я! Это не он! Ричард! – мой крик утонул в темноте.

– Не лучшая моя идея, – услышала я голос Фредерика. Он доносился, как сквозь вату. – Думал показать вам, что я такое не оставлю безнаказанным. И доказать, что сын не виноват. Вероника...

Он опустил передо мной на колено и взял мои руки.

– Ледяные... Вероника, послать за Ирвином?

– Нет. Мне нужно знать. – Я постаралась, и мой голос звучал почти спокойно. Только руки предательски тряслись.

– Хорошо. Давайте продолжим.

Император поднялся и уселся рядом со мной.

Следующим в кабинет завели мужчину. Одет обычно, но было видно, что белье не менялось несколько дней. Он был так же измучен, как графиня. Но в серо-голубых глазах не было ни злости, ни высокомерия – только достоинство. И готовность принять с честью все, что будет угодно повелителю.

– Ваше величество... – Аристократ опустил на колено.

– Хоть вы понимаете, насколько тяжела вина вашего рода перед империей?

– Да, ваше величество.

– И вы не будете оправдываться? Не скажете, что Глория Олмри вам

лишь невестка? А ваш старший сын, который имел несчастье быть женатым на ней, погиб, выполняя приказ? Не вспомните, что ваш младший отпрыск – гордость Академии и надежда всей магической науки? Что ему только семнадцать?!

– Ваше величество и так об этом знает. Мне остается лишь дожидаться справедливого приговора.

Император в раздражении поднялся.

– Вы понимаете, что невеста моего сына не погибла лишь... чудом?

– Да, ваше величество. Мне и моему роду нет оправдания. Я обязан был контролировать все поступки младших рода. Это моя вина, и я готов понести наказание.

Император вздрогнул.

– И что теперь? – проскрежетал он. – Графиня голосит, что она – жертва любовной страсти, которой она воспылала к принцу Тигверду. Ваш младший сын молит о возможности искупить. Твердит, что это был розыгрыш. Просто неудачная шутка. И, слава стихиям, не заикается о своей неземной любви к Глории. Вы просите о правосудии. А вот что делать мне? Я даже не знаю, где мой сын!

Фредерик вскочил и в раздражении прошел по кабинету. Потом остановился перед коленопреклоненным аристократом.

– Бывшую графиню Олмри я прикажу лишить магии и сослать в колонии. С лишением дворянского титула. Она должна будет выйти замуж в самый короткий срок. Кто согласится на ней жениться – пускай и женится. Только это будет человек без титула. Фермер. Свинопас. Проследите за этим. Чтобы все исполнили в точности. Теперь. Ваш младший сын...

Аристократ почему-то пристально посмотрел на меня, потом отвел взгляд и замер. Император думал. Потом проговорил:

– Пять лет рудников. Но в качестве горного инженера. При условии героического труда – без поражения в правах. Ему, кажется, нравится экспериментировать с магическими свойствами драгоценных камней? Вот пусть и займется этим. И заодно улучшит их добычу на рудниках. Что касается вины рода Олмри перед моей семьей... Я требую, чтобы вы немедленно вернулись на пост министра финансов. Таков мой приговор.

Доставил меня домой Фредерик Тигверд лично. Радостным возгласом его величество поприветствовал Пашка – видно было, что после моего спасения сын привязался к императору. Рэм поклонился. И смущенно склонил голову Феликс.

– Как у вас хорошо, – прошептал повелитель империи.

– Оставайтесь на ужин, – предложила мама.

Я быстро поела, извинилась и пошла спать. Ноги подкашивались, руки тряслись, даже на душ сил не было.

Только голова коснулась подушки, я исчезла. Все исчезло. Лишь запах горьких трав, свежей земли и тумана. Чем пахнет туман? Не знаю... Наверное, магией. Магией, что подарила мне жизнь. Мне и Пашке. Голос, который я не забуду никогда, – пел... колыбельную. На незнакомом, но очень мелодичном языке – не имперском. Я увидела длинные пальцы, сжимающие прозрачный шар. Внутри него спал Рэм...

Герцогиня Рэймская пела колыбельную своему единственному сыну, и лицо ее светилось болью и нежностью... Я тихо стояла, стараясь не мешать. Последняя фраза стихла, герцогиня подняла на меня глаза.

– Миледи, – поприветствовала она, склонив голову. – Добрый вечер.

Я привычно поморщилась.

– Добрый. Но я – не миледи. Я не дочь лорда и не жена лорда.

– Почему это для вас так важно?

– Мои предки пахали землю, добывали уголь. Лечили. Защищали родину. Но на скользком придворном паркете не отметился ни один. И я только их потомок. И горжусь ими.

Герцогиня грустно улыбнулась, аккуратно поставила шар на изящную кованую подставку, под которой тлели травы, источая тот самый горьковатый аромат.

– Знаете, по гордости и благородству вы можете дать фору любому вельможе – что в герцогстве Рэймском, что в империи Тигвердов.

– Тем не менее.

– И как мне вас называть?

– Вероникой.

– Зовите и вы меня по имени – Дарина.

– Очень приятно, – улыбнулась я.

– Вероника... вы не злитесь на меня? Я не чувствую гнева...

– Вы спасали своего ребенка. И я не могу осуждать вас. В подобной ситуации я бы, наверное, сделала то же самое.

– Да нет же! – Герцогиня Рэймская вскочила, перехваченные тонким ремешком волосы от резкого движения рассыпались по плечам, сверкнули медью. В карих глазах золотыми искорками отразилось пламя свечей, которыми была уставлена комната. – Я это сделала не для того, чтобы укрыть вас. Никто так и не смог понять, где вы, – идея укрыться в империи оправдала себя.

– Тогда – зачем?

– Преследователи герцога потеряли терпение. Они решили узнать, где вы скрываетесь... Они решили узнать это у ваших родителей, Вероника! – Дарина печально улыбнулась. – Самое логичное и простое предположение – ваши родители вас и укрывают.

Вот тут мне стало нехорошо. Я представила себе, как убийцы врываются в наш дом. Беззащитных отца и мать.

– Спасибо вам, – прошептала я. – Вы их спасли!

– Мне жаль, что такими зверскими методами, – покачала головой герцогиня. – Я прокручивала ситуацию по-разному... Иначе не выходило. Ваши родители должны были поверить в то, что вы погибли. Паша – дома. Следовательно, вы не можете быть причастной к спасению наследника Рэймского герцогства.

– Я понимаю.

– Да... Жаль только, что этого не понимает Герольд.

– Кто? – удивилась я.

– Мой сын.

– Простите, – рассмеялась я. – Как-то привыкла, что он – Рэм.

– Рэм, – тяжело вздохнула она – мне стало понятно вдруг, как женщина устала, как измучена. – Старое детское прозвище.

Герцогиня замолчала, задумалась. Потом проговорила:

– Мой сын отказывается со мной общаться. Удивительно, но Академия пошла ему на пользу. У него никогда не получалось выстраивать такие сильные защитные щиты. Я пыталась пробиться. Почти в полную силу. Если использовать весь потенциал, он может этого не выдержать. Поэтому я ничего... Ничего не могу сделать...

– Я поговорю с ним.

– Не надо. Он – будущий повелитель своей земли. И уметь действовать сообразно здравому смыслу – его долг.

– Он четырнадцатилетний мальчик, которому сильно досталось в последнее время, – осторожно возразила я.

– Спасибо вам... У меня никогда не получится стать ему просто матерью. Я рада, что вы смогли это сделать. И знайте... У вашего сына тоже есть вторая мать... – Герцогиня встала, подошла к маленькому столику, на котором, кроме свечей, стояли шкатулки и сундучки разных размеров и форм. Она быстро стала открывать один за другим. Травы, земля, какие-то порошки, камушки – все это мелькало меж быстрых, легких пальцев и, наконец, превратилось в... веревочку.

Ловко разорвав ее на две равные половинки пламенем свечи, что-то напевая про себя, Дарина вытянула левую руку перед собой. На среднем

пальце сверкнул перстень. Я присмотрелась. Отполированный прямоугольник темно-коричневого камня в простой оправе. Мой помолвочный перстень выглядел богаче и изящнее, но камень имел ту же прямоугольную форму...

– Возьми, – нараспев произнесла герцогиня, и ниточка исчезла. Будто змейка юркнула в кольцо, сверкнув на прощание янтарным облачком. – Теперь вы, – герцогиня потянулась к моему запястью.

Браслет на мгновение сверкнул. Дарина замерла, потом посмотрела на меня долгим, красноречивым взглядом, но не проронила ни слова. Занеся над жемчужиной вторую часть веревочки, маг долго тихо шепталась с браслетом. По руке разливалось приятное тепло, жемчуг на мгновение стал золотым, и в конце концов произошло то же самое – артефакт принял просьбу. Дарина взяла меня за руки и улыбнулась.

– Теперь мне будет проще защищать вас, Вероника. – Герцогиня все еще сжимала мои ладони. Ее пальцы нащупали перстень, она подняла мою руку и внимательно вгляделась в кольцо, которое последнее время меня совершенно не слушалось. Я поняла, о чем она думает. Перстни были похожи.

– Откуда он у вас? – Карие глаза гипнотизировали...

– Это перстень Ричарда Тигверда. И пожалуйста, не мучайте меня расспросами. Я очень устала и хочу спать.

– Чкори... Занятно... – будто про себя прошептала Дарина.

Я оживилась. Спать расхотелось, усталость как рукой сняло. Чкори, чкори... Где же я это уже слышала... Я подняла на герцогиню жадный любопытный взгляд.

– Чкори? Кто это? Однажды император Тигверд, когда...

– Вероника, вы устали... Вам нужно поспать. Возвращайтесь. – Герцогиня говорила тихим, мягким голосом, но противоречить ей было невозможно. Она читала меня, как открытую книгу. Я вспомнила Рэма. Как же ему было, наверное, тяжело...

– Рэм скучает, – сказала я. – И очень волнуется.

– Вы очень удачно укрылись. Даже я долго не могла поверить, что вы смогли попасть в дом имперского палача и найти там укрытие, – сменила тему герцогиня.

– Дарина! – тут уже возмутилась я. – Будьте любезны, не оскорбляйте при мне милорда Верда. В конце концов, мы ему обязаны. Он спас нас и принял мальчиков как родных.

– Простите. Но мне тяжело быть обязанной этому человеку. Быть обязанной империи... Тигвердов!

– Главное – все живы. А как Ричард говорил Рэму, все остальное – это только гордыня.

– Возможно, – прошептала герцогиня, – и мне придется заплатить за свою гордыню. Но, с другой стороны, Рэм в безопасности – это главное.

– Может, вам стоит принять помощь империи? Ричард говорил, что они не будут вводить войска на территорию герцогства. Думаю, император в силах устроить все таким образом, чтобы выглядело так, будто они и не вмешивались.

– Но я буду знать! – Герцогиня зло сверкнула карими глазами, и янтарные искорки заплескали в глубине... – К тому же Фредерик Тигверд наверняка потребует платы за свою помощь.

– Думаю, с ним можно будет договориться. Например, вы возьметесь обеспечить его гномьим самогоном. Пожизненно.

– Вы верите Тигвердам? – изумилась герцогиня.

– Да, – просто ответила я.

– Я вам завидую, – опустила глаза правительница.

– Слушайте, но ведь вы тоже различаете правду и ложь. Значит, можете...

– Я способна различать правду и ложь в том случае, – мягко прервала меня герцогиня, – если собеседник по магической силе слабее меня. Это не относится ни к Ричарду, ни к Фредерику Тигвердам. И дело... не только в этом.

– А если они предоставят вам доказательства?

– Вероника... Сильный маг верит лишь себе и своим ощущениям.

– Дарина... – быстро спросила я. – А если такого мага... заколдовали?

– Он не будет верить никому, пока не вернет свои способности.

И я проснулась. С чувством полной безысходности. Ричард никогда никому не поверит – никому, кроме себя...

Глава 8

Утром следующего дня милорд Милфорд снова посетил нас. На этот раз родители были дома. И мама, хотя и поглядывала на вельможу с подозрением, усадила его завтракать.

– Я должен извиниться, – оглядев всех, проговорил милорд Милфорд. – Мое поведение было безобразным, а мои подозрения в адрес миледи Вероники – необоснованными.

Родители молча переглянулись. Иногда у меня складывалось ощущение, что они разговаривали вот так – без слов.

– Хорошо, – кивнул отец. – Ваши извинения приняты.

Дети быстро поели и унеслись по своим делам. Феликс уже спокойно общался с обоими мальчишками. Рэма – чтобы рассказать ему о ночной беседе во сне – я перехватить не успела.

Мама и папа быстро оставили нас с Милфордом, чтобы не мешать образовательному процессу. И началось. Колдовство оказалось нелегким делом. Сегодня я поняла, что магический браслет с жемчужиной, подаренный мне Повелителем глубин Иром, мне подчиняется. Более того, он подстраивался под меня. Словно он живой, и ему доставляет удовольствие приносить мне радость. У меня было такое чувство, что он как ласковый щенок. И пока милорд Милфорд учил меня ставить защиту – все было легко и приятно.

Потом начальник контрразведки решил, что мне пора заняться перемещением.

– Миледи Вероника, выстраивайте портал. Давайте теперь во дворец. В первый раз у вас получилось. Охрану я предупредил.

Я и стала стараться. Толку было не много. Уже привычно заболела голова.

Перстень же вообще не реагировал. Никак.

– Странно, – почесал нос милорд Милфорд. – Ничего не понимаю! Так... а попробуйте позвать на помощь. Мысленно.

Меня все так достало, что возопила я на полном серьезе.

Мгновение – и я почувствовала, что меня окутывает защитный кокон. Увидела, как отлетает милорд Милфорд. Услышала, как рычит император:

– Кто посмел напасть?!

– Тренируемся мы! – заорала я в ответ.

Мне показалось, или в дальнем углу гостиной мелькнула тень, и я не

увидела – почувствовала, что это Ричард. Он скользнул по мне взглядом – убедился, что все в порядке – и исчез.

Милфорд тяжело поднялся.

– Ирвина вызвать? – спросил император. – Я приложил сильно.

Начальник контрразведки кивнул.

Они удалились.

И в тот момент, когда я осталась одна, передо мной замерцало марево портала, в который меня и поволокло.

Дом Ричарда. Гостиная. Камин. Перед ним стоят два кресла, словно ждут нас... А за окном – метель. Точно такая же, как в тот день.

Я как зачарованная опустилась в кресло и уставилась на пламя камина. Не знаю, сколько просидела, пока не очнулась от голоса Джона Адерли – камердинера милорда Верда:

– Миледи Вероника... Вы вернулись?

Перевела взгляд на него. Грустно покачала головой:

– Нет. Просто учусь строить порталы, и у меня плохо получается.

– Порталы строить – это нужное дело, – рассудительно заметил бывший солдат. – А вот то, что не возвращаетесь – плохо. Хотя... после того, что произошло...

Он прошел через гостиную, тяжело ступая. Налил себе в бокал чего-то из господских запасов. Посмотрел на меня вопросительно:

– Миледи?

– Третий день подряд алкоголь – это сильно, – отрицательно покачала я головой. – Пока воздержусь.

Джон не стал спорить, выпил, сел в кресло рядом со мной.

– Дом по ночам скрипит. Как будто плачет, – пожаловался он мне. – А днем так тихо... Словно все вымерло. Ни голосов. Ни движения. Только мы и бродим привидениями. Жутко.

Я опять уставилась в пламя камина. Он мне напоминал цвет глаз Ричарда, когда они начинали полыхать от страсти... Или от дикого гнева. И то, и другое помнили эти стены.

– Миледи... Вы сможете простить моего господина? Когда-нибудь? – вдруг спросил Джон. – Ведь он, как только скинет заклятие и опять начнет мыслить здраво, – обязательно придет к вам.

– Не знаю, – вздохнула я. – А вы откуда знаете, что милорд под заклятием? Он так уверен, что я и император...

Не смогла продолжить.

– Тьфу, глупость какая... – поморщился камердинер. – Видел я эту гадость на кристалле, пока люди графа Крайома запись не изъяли. Там же

понятно, что все это затеяла графиня Глория Олмри, чтобы хоть напоследок гадость вам и милорду сделать.

– А вы как поняли, что на записи графиня? – Я окаменела.

– Да что там понимать, если это все происходит в ее столичном доме – как есть ее будуар. А тот, кто императора изображает, – мальчишка, наверное, какой-нибудь, что влюбился в крокодилицу эту. Да и не понял, дурак, чем ему это грозит.

Я вспомнила зеркало в золоченой раме. Содрогнулась. А вслух сказала:

– Пять лет рудников. Но без поражения в правах.

– Император милостив, – недовольно проворчал слуга. – Излишне.

– А откуда вы знаете, как выглядит будуар графини?

– Что ж у нее – слуг нет?

– Вы что – показывали запись еще кому-то? – обомлела я.

– Нет, что вы! – возмутился слуга. – Только картинки с интерьером.

– Простите.

Джон поднялся. Снова дошел до столика с алкоголем. Выпил.

– Вопрос только в том, почему милорд не почувствовал, что его обманывают, как позволил себя провести, – тихо сказал он. – Вряд ли бы графиня смогла его так околдовать. А молодой человек, который участвовал в этой... инсценировке? Смог бы?

– Не знаю. Но уверена – если бы он был в этом виновен, то приговор был бы совсем другой.

– И то так, – согласился он со мной. – А вы не знаете, где милорд?

– Нет. – Не говорить же, что я встречаюсь с бывшим женихом во снах.

– Простите его, – снова попросил меня слуга. – Я никогда не видел его таким счастливым. А уж в тот вечер, когда вы вернулись из дворца... Он же ни в чем не виноват. Вас подставили, его околдовали... Это все просто зависть!

– Раньше надо было с женщинами своими разбираться, – процитировала я «Место встречи изменить нельзя».

– Ваша правда, миледи, но все-таки...

– С кем вы разговариваете, Джон? – раздался голос Оливии.

Увидев меня, горничная взвизгнула и затараторила в полном восторге так, что у меня голова закружилась:

– Вы помирились? А где милорд? Что подать на ужин? Когда придут мастер Пауль Рэ и мастер Рэм Рэ?

Я никак не могла дождаться хоть какой-нибудь паузы в ворохе вопросов, чтобы сообщить, что все остается по-старому.

Когда мне удалось это сделать, я увидела, как по-настоящему, искренне огорчилась молодая женщина.

– А мы за вас с хозяином все стихии молим, – тихо проговорила она.

Потом я отвечала на вопросы прибежавших на наши голоса остальных. Пришли и Каталина, и Натан, и мама Вилли. В доме был и сам мальчик, что меня очень и очень обрадовало. Оказалось, что милорд не отменил приказ платить ему как посыльному.

Когда я, наговорившись вволю, собралась уходить, то выяснилось, что меня просто так не отпустят.

– Время обедать, миледи, – торжественно объявила Каталина.

Я только попросила, чтобы стол накрыли на нашей половине, а не на господской.

А со следующего дня все повторилось снова. Я строила порталы не туда, куда собиралась или куда мне приказывали, а туда, куда меня несла нелегкая.

Чаще всего в поместье Ричарда, где я была так счастлива. В мою спальню там.

Еще был его городской дом. Опять-таки спальня.

И, конечно же, остров... Первый раз я расплакалась – настолько было больно очутиться в этом месте без Ричарда, понимая, что все осталось в прошлом. Потом я просто злилась.

А спустя три дня – озверела совсем... Когда в очередной раз оказалась на белом песке острова вместо своей комнаты во дворце, куда должна была попасть, я попыталась сорвать перстень – и выбросить его в воду. Не удалось.

– И что это такое? – возмутилась я, уставившись на перстень с сапфиром, как на живое существо.

– Добрый день, Вероника, – раздался у меня за спиной мужской голос.

– А... – отпрыгнула я.

– Простите, если напугал, – насмешливо поклонился мне Владыка Ир, повелитель океана. Кстати, в отличие от наших прежних встреч, он был одет.

– Добрый, – пробурчала я.

– Вы зря злитесь на артефакт. Когда вы переноситесь, он руководствуется тем местом, где вам будет максимально безопасно. Только и всего.

– А почему перстень не снимается?

– Не хочет, чтобы его выкинули в воду, я полагаю, – усмехнулся зеленокожий мужчина. – Вы успокойтесь. Уберите из сознания злые мысли.

Теперь попробуйте снять. Видите... Все получилось. Теперь надевайте обратно. Вещь-то бесценная...

Изумрудные глаза сузились, вглядываясь туда, где море сходилось с небом.

– Жаль, что так все получилось с принцем Ричардом, – не отрывая взгляд от горизонта, прошептал Ир.

– А вы... тоже считаете, что у меня роман с его отцом?

– Я не знаю... Но... Вы не похожи на женщину, у которой роман, – заметил Владыка Ир. – Да и император Фредерик не выглядит счастливым.

– Может, вы объясните это Ричарду?

– Зачем? Он должен понять это сам.

Море тихо дышало. Оно было таким же томным, спокойным, как его владыка. Интересно... этот зеленый когда-нибудь выходит из себя? Может, йогой занимается в свободное время? Кстати, надо попробовать...

Этой ночью я сошла с ума. Я даже засыпала с мыслью о том, что хочу увидеть Ричарда. Наверное, виноваты мои путешествия по местам боевой и политической славы, так сказать... А что... Перстень несколько дней таскал меня по нашим спальням, погружая в воспоминания...

Это был лес, в котором мне уже приходилось бывать. Я не столько узнала пейзаж, сколько почувствовала это. Но место было другое. Луна светила настолько ярко, что можно было разглядеть окружающие деревья. Огромные исполины с листьями, по форме напоминающими лопухи. Каждый лист устлан ковриком иголок – как у нашей елочки, только зелень ярче и мягче на ощупь. Мох под ногами был сухим. Меж голубоватых стволов, на полянке стоял домик. Эдакий приют охотника на привале. Дверь избушки даже не скрипнула, когда я тихо проскользнула внутрь. Пахло деревом, травами и еще чем-то очень знакомым, причиняющим боль...

Почему-то я была одета в то самое платье, которое сшили для свадьбы. Золотистый атлас шептался с лунным светом, подсматривающим сквозь зашторенное окошко в темноту комнаты. Кожей чувствовала, что платье надето на голое тело.

Перед очагом была расстелена огромная мохнатая шкура, на которой спал Ричард.

Я была настолько взбудоражена воспоминаниями... к тому же – это же сон. Мой сон. Так что смущаться? Прежде чем сообразила, что творю, я скользнула к нему.

– Ника, – прошептал он, не открывая глаз. – Это снова ты...

– Я, – потерлась щекой о его грудь.

– Счастье мое, – потянулся он ко мне. – А мне столько времени одни кошмары снятся...

– Это только кошмары, – почему-то ответила я, тая под его поцелуями. – Не верь им.

– Ника, – простонал он. – Радость моя. Любовь моя...

– Я ведь без тебя не живу, – шептала я ему в ответ. – Я ведь твоя. Только твоя...

Все было по-прежнему. Все наконец-то было правильно. Только мы. И наша тихая, бесконечная, трепетная нежность.

Сливались стоны и дыхание, сплетались тела, словно боялись друг друга потерять. Мы опять совпали – как волны прибоя и долгожданный берег. Каждым прикосновением мы жаждали объяснить друг другу, как плохо нам, когда мы не вместе. Мы сожгли себя в пепел, расставшись, корчились от боли, а теперь возрождались в объятиях...

Я распахнула глаза и поняла, что где-то ярко светит солнце. Ричард дремал, крепко прижимая меня к себе. Склонилась над ним, нежно коснулась губами шершавой щеки.

– Моя, – прижал он меня к себе еще сильнее. Мгновение – и он оказался во мне. Мы с ним одновременно застонали – он хрипло, я как-то жалобно. А потом я кричала от ликования, потому что была счастлива. Потому что так и надо засыпать и просыпаться. В объятиях друг друга, сгорев дотла от страсти.

– Никогда не думала, что во сне можно заснуть и проснуться, – чуть укусила я его за ухо. – Так хорошо... Жаль только, что не в реальности...

– Ника, – как-то напрягся Ричард. – Ты что, действительно считаешь, что тебе все это... приснилось?

– А разве нет?

– Нет. Ты приходила ко мне три раза. Этот был третий. И – лучший.

Я вспомнила, что пришла к нему сама. Что творила ночью. Что он творил со мной. Что шептала ему – человеку, который выгнал меня из своего дома и из своей жизни...

Вспомнила и застонала. Почувствовала, как он навалился на меня всем телом. Услышала, как он злобно заскрежетал мне на ухо:

– Теперь переживаешь, что изменила не только мне с императором, но и императору со мной? Думаешь, он будет настолько же добр, как и я?

Я даже спорить не стала с этим непробиваемым созданием. Только спросила:

– Как я здесь оказалась?

– Видимо, перстень после помолвки настроен на меня...

Я вспомнила, как этот чертов артефакт раз за разом таскал меня по всем спальням, где мы побывали с Ричардом, доводя меня до слез... А потом перенес и сюда. К нему под бок. Меня даже замутило от ненависти.

– Что? – закричала я. – Все это время ты манипулировал мной?

– По-моему, в искусстве манипуляции нет равных как раз тебе, – презрительно протянул Ричард.

– Отпусти меня, немедленно.

– А то что? – В его глазах снова билось алое пламя гнева.

Я зажмурилась, чтобы этого не видеть.

– Ты же пришла сама, – прошептал он мне на ухо. – Скажи еще, что я тебя принудил. Или что тебе было плохо.

– Пожалуйста. – Меня уже трясло. – Отпусти.

– Не понимаю тебя. – Он погладил меня по щеке. – Не могу простить измены, но не живу без тебя...

– Отпусти, – закричала я и рванулась.

– Ника, прекрати! – зарычал он, но откатился.

Я вскочила, схватила платье. Оно было разорвано. Я растерянно обвела взглядом домик, не понимая, что мне делать.

– погоди, я дам тебе рубашку.

Ричард поднялся. Ничуть не стесняясь своей наготы, он пересек комнату, склонился над саквояжем, протянул мне белоснежную рубашку.

– Ника, ты же понимаешь, что так нельзя. Ты просто стравливаешь нас с отцом.

Я закрыла глаза. Лучше бы это и правда был кошмар.

– Повторяю, я не любовница твоего отца, – выговорила я наконец и поздравила себя с тем, что голос не дрожал – хоть маленькая, но победа. – Я никогда ей не была. Вас действительно пытаются стравить, но это делаю не я. А теперь немедленно сними с меня свой перстень... Я скорее отрублю себе палец, но на мне его больше не будет!

– Даже так... – насмешливо протянул Ричард. – Какое серьезное заявление.

Я посмотрела ему в глаза. В них была пустота, от которой захватывало дух. Не знаю, что он увидел в моих, но через мгновение он сказал:

– Не надо истерики. Давай руку.

Перстень с пальца сниматься не хотел.

– Ника, это действительно не я.

– Мне уже все равно, кто это. Просто сними, – закричала я.

– Тебе так ненавистна мысль о том, что ты – моя невеста?

– Мне ненавистна мысль о том, чем это все закончилось. Мне

ненавистна мысль о том, что ты мне не веришь. Я не желаю таких отношений. – Я рванула перстень, и он вдруг соскочил с пальца. – Забирай.

– Тебе открыть портал? – любезно спросил меня Ричард.

– Если вас не затруднит, милорд, – в тон ему ответила я.

Глава 9

Милорд Верд открыл портал в холл своего поместья. Ну действительно, куда же еще меня выгрузить? Босиком да в его рубашке? С ошметками от несостоявшегося свадебного платья, которое я почему-то прижимала к себе. Только в трогательные объятия Джона, его же камердинера.

Про объятия – это, конечно, иносказательно. Но камердинер захлопотал вокруг меня, как наседка вокруг долгожданного цыпленочка.

– Миледи! Какое счастье! И портал открывал милорд! Он за вами идет?!

– Джон. Пожалуйста. Не надо вопросов.

Тут он обратил внимание на мою одежду. И на мое состояние.

– Миледи желает пройти к себе в комнату?

– Да, Джон, спасибо.

– К вам прислать Оливию?

– Не нужно. Свяжитесь только с милордом Милфордом. Скажите, что со мной все в порядке. Просто меня перстень ночью в... лес занес. Он поймет. И попросите его известить моих родителей.

– Слушаюсь, миледи.

Я поднялась в свою комнату. Пока шла, мечтала о душе. О том, как сорву рубашку Ричарда и кину в камин. И сожгу. Как буду сдирать кожу мочалкой. Как разгромлю комнату в его проклятом поместье. Вошла в спальню. Посмотрела на картину... Теплый ветер на ней по-прежнему развеивал занавески. И я по-прежнему чувствовала его на своем лице. Без сил опустилась на пол, обняла колени. Не знаю, сколько я сидела на полу, не шевелясь, уставившись в эту картину... Сжимала остатки свадебного платья. Как там говорила портниха: в материал вплетают первый лучик солнца и последний лучик луны, чтобы жизнь у пары была счастливая? Видимо, это не наш случай, хоть что вплети...

Страдала я долго. Но в какой-то момент мне стало противно. И что я так расквасилась? У меня что – жизнь на этом закончилась? Зачем я раз за разом пытаюсь что-то доказать человеку, который меня не слышит? С чего я рыдаю? Руки заламываю... С какого перепуга?

Ричард не верит – удачи ему в славном пути. Думает, что я ему изменила, – вот пусть и пройдет... этим самым лесом, в который забился. Я унизила сама себя тем, что пришла к нему? Ну и пусть. Зато получила

удовольствие. Будет о чем вспомнить на старости лет, поругивая внуков за вольное поведение...

– А сейчас поднялась, навела красоту – и домой. На работу выйти. Учеников для подготовки к вступительным экзаменам набрать. В оставшееся время – плавать. И на каток. А все эти глупые мысли о несчастной любви – от безделья.

Вышла я спустя час, приведя себя в порядок. Спина прямая, старательно улыбаюсь.

– Миледи, – бросилась мне навстречу Оливия. – Как хорошо, что вы здесь.

– К сожалению, я ненадолго.

– В гостиной вас ожидает император.

– Давно?

– С полчаса уже.

– А что же вы сразу не сообщили?

– Приказал не тревожить.

– Оливия, а у нас есть чем пообедать? Может, он голодный?

– Сейчас же в столовой накроем.

– Спасибо, – сказала я. И поспешила навстречу императору.

– Добрый день, Фредерик, – улыбнулась я ему, все-таки сделав положенный реверанс. А что – местное длинное платье вполне вдохновляло.

– Вы заставили нас поволноваться, – поднялся мне навстречу император.

– Простите, перстень, который я обещала не снимать... оказался с норомом. Я попала в лес. Там был милорд Верд. Честно говоря, я была уверена, что я сплю.

– Ваше исчезновение заметил Пауль в девять утра.

– Что же ему не спалось-то? – поморщилась я, представляя себе, какая поднялась паника.

– Куда-то отпроситься у вас хотел.

– Родители уже знают, что со мной ничего не случилось?

– Да, конечно.

– Спасибо вам.

– Я не вижу на вас перстня!

– Отдала, – усмехнулась я.

– Не помирились?

– Нет, Фредерик. Милорд Верд меня просто не слышит. С чем я его и поздравляю.

– О... уже язвительность! – почему-то обрадовался император.
– Есть такое, – пробурчала я.
– Мой старший сын – идиот. Влюбленный. Ревнивый. И потому ничего не соображающий.

– Не смею спорить с вашим величеством.

– Где он сейчас?

– В каком-то лесу. Сидит либо у костра, либо в какой-то избушке.

Император хмыкнул.

– Можно я скажу вам правду, Вероника?

– Слушаю вас.

– Вы понимаете... Перстень – артефакт, конечно, очень мощный. Но не наделенный мышлением. Он не живой. Он всего лишь выполняет приказы хозяйки.

Я вскочила:

– Вы понимаете, что вы мне только что сказали, ваше величество?

– Конечно, – удивился император. – Ровно столько, сколько я планировал вам сказать. Вы сами отправились к Ричарду. Это вы хотели его видеть. И были так решительно настроены, что пробили его защиту от вторжений. Мне, кстати, это не удалось. Значит – и он хотел вас видеть. Я так понимаю, больше чем хотел.

Закрыла лицо руками.

– Ну что вы... – мягко сказал император. – Хотеть... видеть любимого мужчину – это не просто хорошо. Это же замечательно. Что вас в этом смущает?

– Пожалуй, Фредерик, я не буду отвечать на этот вопрос. С вашего позволения, конечно. К тому же слуги наверняка накрыли на стол. Вы же не обедали?

Император согласно кивнул.

– У меня было такое утро, что я еще и не завтракал...

– Позвольте вас сопроводить в столовую, – улыбнулась я.

– Позволяю, – и он протянул мне руку.

Я на полном серьезе склонилась в реверансе – все как положено. Вложила в его руку свою. И мы чинно отправились.

– Из артефактов на вас остался только браслет, – говорил император, прощаясь. – Он сильный, но этого явно недостаточно. Поэтому я после обеда над ним поколдую – усилю защиту.

– Спасибо вам.

– Просто будьте счастливы... – улыбнулся Фредерик. – И можно вас попросить, Вероника?..

– Да? – удивленно посмотрела на императора. О чем он может просить меня?!

– Бросайте затею с сигаретами, пожалуйста. Вам не идет!

– Слушаюсь, ваше величество.

– Не ерничайте. И не злитесь на милорда Милфорда. Ему по должности не положено что-то от меня утаивать.

Дома, когда улеглась суматоха, вызванная моим появлением – мама плакала, я ее утешала, – ко мне подошел Паша.

– Мама, я бы хотел с тобой поговорить.

– Дочка, – заглянул папа, – мы по магазинам. За продуктами. Что-то тебе привезти?

– Мандаринок. Представляешь, я их в этом году еще не пробовала.

– И внукам любимым надо конфеток, – не удержался Паша. Я рассмеялась и обняла его.

– И что такое важное ты хотел со мной обсудить, что поднялся в девять утра? – мы прошли с ним в отцовский кабинет.

– Вот зря ты смеешься. Паника здесь была изрядная.

– Прости.

– Мама, я хочу вернуться в империю Тигвердов.

– Что? – опешила я.

– В Академии за мной сохранили место. И... понимаешь, мне там интереснее, чем здесь. Там – магия. Там я могу стать кем-то. Сделать что-то значимое.

– Ты и здесь можешь, – растерялась я.

– Например? – презрительно фыркнул Паша.

– Выиграть Олимпийские игры в фехтовании на шпагах.

– Так одно другому не помеха.

– В каком смысле?

– Я договорился – мне позволят посещать тренировки в школе Олимпийского резерва. Здесь, у нас. По вечерам мне будут давать увольнительную. Исполняющий обязанность начальника Академии не против. Тяжеловато будет, зато не скучно. И с тобой будем видеться. А на выходные ты, как обычно, будешь нас с Рэмом забирать. Ну, если мы во что-нибудь не ввяжемся.

– Паша, ты понимаешь, что после Академии ты будешь военнообязанным? И попадешь в имперскую армию. Я не думаю, что милорд Верд или его величество будут тебя прикрывать или оставлять в столице для того, чтобы ты блистал на балах и парадах.

– Я и не хочу этого.

– А ты забыл, как, допустим, милорд Верд добился своего высокого положения? Ты забыл, что его называют имперским палачом? Ты знаешь, что у него убили мать и он сорвался, залив мятежную провинцию кровью? И это скромно называется «нервным срывом»... Ты знаешь, что из боевой пятерки милорда Верда двое уже погибли?!

– Но это не обязательно случится со мной, – упрямо сжал губы Павел.

– Но я не готова к тому, чтобы отправлять своего сына в мясорубку во славу империи Тигвердов!

– А поместье получить ты готова?! От этой самой империи?

У меня в голове помутилось от этого хамского тона, от презрительно поджатых губ. От надменного аристократизма, который я ненавидела во всех проявлениях.

И я впала в такой ярый гнев, что у меня заглодел позвоночник, а в горле, наоборот, заклокотал огонь. Плохо понимая, что делаю, я черпнула силы в защитном браслете – мне показалось, что он протестующе пискнул, – и распяла Пашку на потолке в позе морской звезды. Как это уже делал милорд Верд, когда наказывал их с Рэмом. Полюбовалась на дело рук своих, прошипела обалдевшему сыну:

– Никогда не смей разговаривать со мной в таком тоне.

И потеряла сознание.

Пришла в себя от того, что меня кто-то осторожно похлопывает по щекам.

– Миледи Вероника. – Надо мной склонился целитель Ирвин. – Пришли в себя? Отлично... А сейчас аккуратненько так приподнимайтесь. Отлично. Пьем настоечку. Хорошая настоечка... Невкусная?

Я закивала.

– Зато полезная! А то я занимаюсь с мастером Феликсом, а мастер Рэм прибегает, говорит, вам нехорошо.

– Mam! Ты крута невероятно! – раздался с потолка восторженный вопль Паши.

– Божечки! – схватилась за голову. – Я так надеялась, что мне все это померещилось...

– Ты что! – Паша на потолке лучился от гордости. – Это же классно! Ты, мать, маг!

– Что б хорошее...

– Это и есть самое лучшее! Смотри, Рэм, что мама творит!

– Это что ты творишь, – отвязался на него Рэм. – Матушку довел. Миледи Вероника, вы можете подняться?

– Наверное, могу. – Я вопросительно посмотрела на целителя.

– Осторожненько только.
– Матушке гип-гип, ура!!!! – никак не мог уgomониться Паша.
– Жаль, я тебе еще и звук выключать не умею, – проворчала я.
– Миледи, – обратился ко мне целитель, – я, конечно, понимаю, что мастер Пауль заслужил наказание. Но, может быть, вы все-таки снимете его с потолка? Что-то мне подсказывает, что ваши уважаемые родители будут нервничать, увидев подобное.

– Ирвин, – я не знала, смеяться мне или плакать, – дело в том, что я понятия не имею, как у меня это получилось. А уж тем более не знаю, как снять с потолка этого гаденыша...

Милорд Милфорд выглядел уставшим. Но это не помешало ему с детским любопытством и чистым, незамутненным восторгом любоваться на морскую звезду в исполнении моего сына.

– Я думал, так развлекается только Рэ, – обратился он ко мне.
– Точно, – прокомментировал с потолка Паша, – он так при маме делал.

– Он, правда, еще звук убирал, – недовольно поморщился начальник контрразведки. – А как это получилось?

– Я маму достал.
– Мастер Пауль, вы сейчас и меня достанете. И это будет гораздо хуже. Для вас. Я пока разговариваю с миледи Вероникой.

Честно говоря, я думала, что на такой пассаж мой сын разразится какой-нибудь гневной и протестующей речью на тему: «Свободу попугаям!» Однако Паша четко ответил:

– Моя вина, милорд. Приношу извинения.
– Итак, – обратился ко мне глава контрразведки. – Что вы почувствовали?

– Дикий гнев. У меня был тяжелый день, – расстроенно проговорила я.
– Где вы взяли энергию?
– В браслете.
– А перстень где?
– Вернула.
– Простите, – тихо посочувствовал он.
– Ничего. Но я ума не приложу, что с этим потолочным украшением делать.

– Снимите, – достаточно безразлично пожал плечами милорд Милфорд.

Провозились мы около часа. Реально, мне было проще пригвоздить сына к потолку, чем понять, как я это сотворила. Необходимо было

обернуть заклинание вспять, но ничего не получалось. По мнению Милфорда, магия во мне отсутствовала как таковая.

– Ничего не понимаю! – приговаривал он. – Вот вы же как-то это сделали! И как-то создавали порталы! Только не в те места, куда надо... Что ж такое!!!

Потом выяснилось, что он тоже не может расколдовать Пауля. Я дергалась все больше и больше. Рэм предложил свою помощь. Вдвоем им удалось лишить наш дом потолочного украшения. Но я так и не поняла – как. Такое ощущение, что кто-то или что-то, вдоволь надо мной поглумившись, отменил заклинание как таковое. И Пашу очень аккуратно опустил на пол.

– Я буду рекомендовать его величеству закончить на этом наши занятия магией. Или предоставить вам другого учителя. Простите, Вероника, но я явно не справляюсь, – сказал мне напоследок начальник контрразведки.

Глава 10

– Рэм, пожалуйста...

– Миледи Вероника, – высокомерно посмотрел на меня наследник Рэймского герцогства, – я бы попросил вас не вмешиваться в мои отношения с матерью.

Это я попыталась уговорить его. Объяснить, что герцогине больше ничего не оставалось, как поступить так, как она поступила. И... холод в голосе Рэма заставил меня поежиться.

– А не звезданул ли ты тупой башкой обо что-нибудь – так с матерью разговаривать? – исподлобья взглянул на него Паша.

– Никто не смеет указывать мне... – Природный аристократизм наследного герцога встретился с кулаком Паши.

– Никто не смеет в таком тоне говорить с матерью!!! – зло заявил он. И тут же ему прилетело обратно.

– А ну-ка, прекратили оба! – рывкнула я, бросаясь между ними.

– Он первый начал, – дружным хором сказали молодые люди.

– Для того, чтобы закрыть тему: Рэм, я считаю, что ты не прав. Но решение принимать только тебе.

– Простите меня, миледи Вероника, – потупился юный герцог. – Я действительно перешел границы допустимого.

– Как же полезен кулак в наставлении на путь истинный, – торжественно провозгласил неугомонный Паша.

– Довольно! – зарычала я, осознав, что сейчас драка продолжится. – Разошлись по разным углам!

– Как у вас весело... – с завистью протянул Феликс из кресла – про него все забыли, – и он оказался свидетелем этой сцены.

– Не переживай, – обнадежил его Павел. – Вот Ирвин тебя починит, и тоже будешь в драках участие принимать.

– Ты что – с ума сошел? – остановил его более рассудительный Рэм. И не успела я обрадоваться, как герцог Рэймский добавил: – Брата же учить и учить!!!

– Вот и возьмемся! – с энтузиазмом заявил сын.

– Стоп! – сказала я, видя, как загорелись глаза у Феликса. – Нет, я конечно, за черепаху Тортиллу с ее «драться надо – так дерись»... Но все же мне бы хотелось уточнить, что драку надо начинать только после того, как не получилось договориться другим способом.

– Мам, просто с помощью прямого удара в челюсть – быстрее!
– Павел! – возопила я.
– Ну, по крайней мере, с мужчинами.
– Это кошмар какой-то!
– Павел, ты когда будешь язык за зубами держать, – включил рассудительность Рэм.
– Сразу после тебя, твое сиятельство!
– Все! Довольно! Идите к себе. Уроки учить!..
И моя троица удалилась.

Родителей все не было. Я уже начала беспокоиться – стала звонить на мобильники и одному, и второму. Выяснила, что оба недоступны. Постаралась отогнать тяжелые мысли, стала себя убеждать, что ничего не случилось, просто не надо кликать.

Пометалась по дому. Накинула куртку, вышла на улицу. Не успела закурить, как рядом со мной оказался Фредерик Тигверд.

– Я же просил, – поморщился он.
– Ваше величество? – удивилась я. – У вас что – камеры установлены? И вы специально следили, когда я возьмусь за сигареты?

– Нет. Я почувствовал, что вы в панике – и решил проверить, все ли с вами в порядке.

– Родителей нет. И связи с ними – тоже.

И я показала на мобильный телефон.

– Они поехали за продуктами несколько часов назад. И должны были уже вернуться.

– Ну, с вашими – как вы это называете – пробками... – усмехнулся император.

– А телефоны?

– Давайте сюда. Я попробую пробиться. Интересно, что будет, если вашу технику усилить моей магией.

Я кивнула и протянула ему телефон. Он замолчал и сосредоточился. Потом заговорил:

– Добрый вечер, господин Журавлев. Да. Тигверд. Вероника беспокоится – вас нет дома. В больнице?

– Что-то с мамой? – прошептала я.

– С вами все в порядке, но коллегу вашей супруги доставили в тяжелом состоянии? Связи нет? Понятно. А что Ирвина сразу не вызвали? Диктуйте адрес, сейчас будем.

– Денис подогнал мой «пыжик», – сказала я, готовясь бежать в дом за ключами и документами. Фредерик остановил меня.

– Вероника, – мягко сказал он. – Я позабочусь обо всем. Сейчас прибудет главный целитель, и мы отправимся.

– Вы постройте портал?

– Нет. Я никогда не был в этом месте, поэтому построить портал туда невозможно. Если бы это было в нашем мире, я бы сориентировался на твоих родителей. Но у вас магии в мире почти нет. Это странно. Непривычно. И очень тяжело работать с силой. Так что поедем мы на машине.

– Хорошо, – согласилась я.

Больница. Серые обшарпанные коридоры, по которым нас вел мой отец, вызвали резкий приступ любопытства и у императора, и у его главного целителя. Отец довел нас до палаты, перед которой нас ждала мама. Ирвин сразу прошел к больной, а мы остались в коридоре. Папа, как только выполнил свой долг, сразу уселся на диванчик. И задремал. А я приступила к расспросам:

– Мам, да что случилось?

Моя ехидная, неунывающая матушка была какой-то потерянной.

– Ника! – махнула она рукой. – Наташа – такая девочка хорошая. Вот что еще людям надо? А он – отказался!

– Девочка? – обеспокоено спросил Фредерик. – Незаконнорожденная? Сколько ей?

– Ей тридцать шесть – она чуть Ники постарше.

– Маргарита Дмитриевна... – проворчал император. – Я думал – речь идет о каком-то брошенном ребенке.

– Нет, – отрицательно покачала головой мама. – Наташа сама ждет ребенка. И у нее – угроза выкидыша.

– Я понял, в кого пошла моя невестка, – улыбнулся Фредерик.

Посмотрела на него с осуждением – вот какая я ему невестка! Но ничего не сказала. Все же он почувствовал, что мне плохо, пришел на помощь. А наши с Ричардом выяснения отношений... касаются лишь нас.

– Если бы вы еще умели принимать для себя все то, что вы просите для других, – проговорил император.

– Мам, – решила я перевести тему, – а Наташа – это кто?

– Понимаешь, – мама вдруг смутилась. – Когда нам сказали, что ты... Все это время... Просто – это автор нашего издательства. Она у нас публикуется, я ее книги редактирую. А в эти месяцы мы подружились. И она позвонила мне, когда ей стало плохо. И мы с отцом...

– Слушайте, а где ее муж? – спросил Фредерик.

– У нее нет мужа, – печально ответила мама. – А молодой человек, с которым она... В общем, он ей сказал, что хотел получить удовольствие, а не головную боль на всю жизнь.

– Разве можно завязывать отношения с такими ненадежными людьми, – скривился Фредерик. – Разве она не понимала, как он поступит в экстремальной ситуации?

– Никто из нас не знает, как поступит другой в экстремальной ситуации, – тихо ответила я и отвернулась.

Мне стало больно – а вот что бы было, если бы в этот момент беременной оказалась я?.. Мысль о том, что я ждала ребенка, привезенного с волшебного острова, до сих пор занозой сидела в сердце.

– Ваше величество! – отрапортовал на весь больничный коридор Ирвин.

Мы с мамой синхронно зашикали на него. На нас и так поглядывали с любопытством. Не на нас с мамой, конечно, – на Фредерика.

Главный целитель понял нас правильно, снизил громкость.

Я посмотрела на Ирвина. Как-то этот человек удивительно все это время сливался с окружающей обстановкой... И, совершенно незамеченный, тихонько делал чудеса. Рядом с ним было тепло, как... как с котом, который ложится рядом, если у тебя что-то болит. Я бы и раньше его особо не замечала, но голые стены светлого больничного коридора помогли его разглядеть. А может быть, это магия? Ведь мы в больнице, а Ирвин – лекарь, и сейчас он преобразился. Стал... величественным...

Высокий. Худой. Нескладный – длинные руки и ноги, лицо в веснушках, волосы рыжеватые и всклокоченные. Под густыми ресницами скрывается неестественный цвет глаз – бирюзовый. Как странно, что раньше я не обращала на них внимания.

– Тонус убрал, успокоительное выдал. Состояние не внушает опасений. Плод развивается без отклонений. По большому счету, можно забирать домой – там в палате пять женщин на сохранении и одна с выкидышем. Рыдает. Это не то, что нужно пациентке. Я, конечно, сейчас обойду всех. Что смогу – сделаю. Но... По-моему, лучше домой. Я присмотрю.

– У нее дома сейчас пусто, – проговорила мама.

– У тебя что, свободных комнат в доме нет? – проворчал отец. – Чего мы ждем? Пакуемся и едем.

– А документы? – растерялась мама.

– Документы... – насмешливо фыркнули хором и император, и мой папенька.

– Велика проблема, – добавил отец, поднимаясь.
– Сейчас будут, – поддержал его Фредерик.
– А я, пожалуй, останусь здесь, – решил Ирвин. – Женщинам надо помочь.

Мы зашли в палату. Мама присела на кровать к Наталье. Я с любопытством уставилась на мамину знакомую, над которой она взяла шефство. Как же это на маму похоже! И как все-таки хорошо, что с ней все в порядке. И с папой тоже. Невыносимо захотелось прилечь на одну из коек и закрыть глаза. Усталость навалилась как-то сразу, без предупреждения. Наверное, перенервничала.

Но взяла себя в руки, потому что есть еще один небезразличный маме человек, и он в беде. Женщина.

Аккуратное каре каштановых волос, большие глаза чайного оттенка, увеличенные толстыми линзами огромных, в пол-лица, очков. Пухлые щечки, носик-кнопочка, пухлые губки бантиком. Я улыбнулась. Ну вот что с этой стрекозой беременной делать?

– Мам, собирайтесь. Помогите Наташе, и поехали домой!

Глава 11

На следующее утро я поднялась ни свет ни заря. Известила всех, что выхожу на работу. Денис успел вчера подогнать мою машину и заодно поучаствовать в общей панике по поводу моего исчезновения. Что касается Феликса, то мы решили, что пока он поживет с родителями, а я буду приезжать ночевать в деревню.

– Чем ты хочешь заниматься? – спросила я у приемного сына за завтраком.

– Не знаю, – был классический ответ.

– Тогда всего понемножку. – И я выложила ему план занятий.

У него округлились глаза. Я обрадованно закивала. Что я – зря сидела до ночи в Интернете, поднимала свои знакомства и искала ему хороших репетиторов и нормальные курсы?

– Ты же учишься сейчас экстерном?

– Да, – кивнул он, не зная, как ко мне обращаться.

– Рэм зовет меня «миледи Вероника», – посоветовала я. – На людях – матушкой. Но иронично. Можешь попробовать. Надо ж меня как-то называть.

Феликс улыбнулся. Я залюбовалась. Мальчик был симпатичный, тот же типаж, что и у Паши с Рэмом. Светловолосый, сероглазый. Только более нескладный, узкоплечий. И скрюченный.

– Как я понимаю, – продолжила я, а в голове сформировалась еще одна мысль, – раз ты учишься экстерном, то учителя относятся к твоим знаниям более чем лояльно.

– Не без этого.

– То есть особо ты не напрягаешься.

Он кивнул.

– Я же тебе предлагаю заняться своим развитием. Заодно времени не будет мысли разные мыслить. Все полезно. Кстати, сама собираюсь заняться тем же самым.

– Могу я спросить?

– Конечно.

– Миледи Вероника, а кто такой Ричард?

– О как... Ну, во-первых, не Ричард, а милорд Верд, даже принц Тигверд, а во-вторых... Это Паша с Рэмом вчера мою личную жизнь обсуждали?

Он густо покраснел.

– Это мой несостоявшийся жених. Я так понимаю, и Паша, и Рэм лелеют относительно него грандиозные планы вызвать его на дуэль.

– Только Рэм. Пауль уже сомневается.

– Уже хлеб.

– Это чем-то грозит... нам всем? Просто я так понял, это сын императора. И если от нашей семьи будет исходить угроза...

– Не переживай. Мы с семьей еще не доросли до того, чтобы от нас исходила угроза. А к тому времени, как это случится, я думаю, мы как-нибудь уговорим Рэма. Он просто болезненно относится к вопросам, связанным с защитой моей чести.

– Но ведь он прав?

– Возможно. Но я бы предпочла, чтобы он не вмешивался в мои отношения. Теперь относительно тебя. Пусть господин Ирвин, как появится, свяжется со мной. Будем и тебе физкультуру вводить потихоньку.

Я потрепала его по голове и уехала. Город оглушил меня шумом, толчеей и большим количеством народу. Все это было... странно и уже непривычно.

Это привело меня в хорошее настроение – и я широко улыбнулась. На кафедре меня встретили как родную. От щедрости души отдали заочников со следующей недели. У них как раз начиналась установочная сессия второго семестра.

– Как ты с ними работаешь? – возмущалась коллега, которой отдали моих любимцев в первом семестре. – Зыркают, возмущаются. Ничего не учат. Все пытаются мне объяснить, насколько им все это до фени. Это я цитирую. И что им только диплом нужен.

– О! Мой любимый материал! – хищно улыбнулась я. Как раз мне под настроение. Вот группам повезет! Все историю родной страны знать будут. Это уж я им обещаю.

Кроме того, завкафедрой обрадовал, что нам в этом году повезло и именно кафедра истории отвечает за студенческую научную конференцию в рамках нашей Академии. Но про это как-то все подзабыли. А теперь остались всего две недели, и сразу после каникул – вперед, на танки. Так что надо быстренько. Но хорошо. И, главное, успеть обрадовать студентов, которые еще сдают экзамены и зачеты. А то разбегутся – ищи их потом. Поскольку у меня пары массово только со второго семестра, то есть через эти самые две недели, то мне и поручается все это безобразие организовать.

Помнится, меня когда-то такое страшно раздражало. Сегодня я только улыбнулась блаженной улыбкой соскучившейся по дурдому идиотки и

понеслась. И по кафедрам – радовать, что завтра они мне дают списки, кто и по какой теме выступает. И по знакомым студентам – напомнить, что они жаждут выступать. Еще я обзвонила бывших студентов – сообщила, что они выступают у меня на научном обществе. Связалась со знакомым профессором в Большом Университете. Попросила выступить у нас. Он как раз собирал материал для своего словаря жаргонов. Осенью я обещала ему поднапрячь знакомых в полиции относительно реального материала. Потом я исчезла – идея заглохла. Но теперь... Мне обещали помочь – я обещала помочь. Не жизнь, а сказка! Никогда не думала, что после бала во дворце с принцем буду потом с таким удовольствием преподавать в Академии МВД... Кому рассказать – ведь не поверят...

Вечером, после работы, – в бассейн. А потом, ближе к одиннадцати, заявиться к родителям, покатавшись вволю на машинке. И все. Никаких снов. Никаких Ричардов. Никаких мыслей. Никаких сожалений. И это я еще себе для бодрости духа учеников на вечер не искала. Все – спать!.. Красота!

Утром я повторила все снова – только предупредила родителей, что останусь ночевать в городе. Паша радостно закивал – ему одной поездки из Санкт-Петербурга вечером да по пробкам вполне хватило.

Когда вечером, придя с работы, я распахнула знакомую дверь, то поняла – это была не лучшая идея.

Казалось, все это было тысячу лет назад. Или с другими людьми. Или в другой реальности.

Раскрытый ноутбук, разбросанные мобильники. Помнится, Денис категорически запретил их брать с собой. Перевернутая вверх дном кладовка – мы с Пашей никак не могли найти наши спальники.

Слой пыли, перекрытые краны с водой.

И главное, ощущение совершенно нежилого помещения. Словно людей, которые тут жили, действительно не стало.

Я мысленно надавала себе оплеух и решила в войне со своей меланхолией применить старинное оружие, всегда рекомендуемое моей маменькой, – генеральную уборку.

Так... Одежду попроще, музыку погромче... И вперед. Ударим доблестным трудом по дурным мыслям! Ура!

Я домывала коридор, самозабвенно подвывая любимому Кипелову:

– Тысяча сто!!! Тысяча сто-о-о!!!! Смерть в лицо нам дышит!!

И тут услышала настойчивый звонок в дверь.

– И кто это там так не вовремя! – проворчала я и пошла открывать.

За дверью оказался милорд Милфорд.

– Добрый день, – поздоровался со мной вежливый начальник имперской контрразведки.

«Мы летим к земле, как молния, поминая всех святых. Жаль, в будущем безмолвии нет этой высоты...»^[4] – ответили ему колонки.

– Добрый, – и я посторонилась, давая ему пройти. Выключила музыку и вопросительно уставилась на аристократа. Он оглядывался молча. Видимо, моя среднегабаритная двухкомнатная квартира с кухней в почти девять квадратных метров произвела впечатление на его неокрепшее имперское сознание. Или растрепанная я со шваброй? Или ведро с грязной водой посередине небольшой прихожей? А может, он никогда пылесоса не видел? Дикие они там, в империи Тигвердов...

– Хотите чаю? – вежливо спросила я. – Могу сделать бутерброд.

– Спасибо.

– Спасибо – да?

Милорд Милфорд кивнул. И тут я потрясла его еще раз. Я протянула ему комнатные тапки. И мне все равно, что в империи они – в смысле аристократы – такого не носят. Или уличные туфли, или домашние. Переобуваются, кстати, пройдя через весь дом – в гардеробной. У меня такого безобразия не будет – зря я, что ли, полы намывала?

– Я в вас верю. У вас получится, – серьезно сказала я. И, оставив растерявшегося вельможу наедине с непонятной ему обувью, пошла выливать ведро, мыть руки и заваривать обещанный чай. Тем более что сама проголодалась.

– Надеюсь, вы прибыли не для того, чтобы заниматься со мной магией? – поинтересовалась я.

– Нет, – улыбнулся он. – Мне показалось, а его величество согласился, что я – плохой учитель.

– Не думаю. Просто материал для обучения попался очень неподатливый, – рассмеялась я.

– Его величество беспокоится о вас. Вы практически беззащитны.

– И вам приказано приглядывать за мной?

– Именно так. Кроме того, я должен известить вас о том, что завтра в пять часов вечера у вас состоится аудиенция у его величества императора Фредерика.

– А это еще зачем?

– Миледи! – укоризненно заметил милорд Милфорд.

– Я вот собиралась в бассейн.

– Миледи Вероника! – прорычал имперец.

– Это деспотия!

- Извольте быть.
- Хорошо. Только вопрос – а как я попаду в империю?
- А как вы в нее изначально попали?
- С помощью кулона, который мне дал Рэм.
- А что вам мешает сейчас поступить так же?

«Вредность характера!» – чуть было не сказала я вслух. Но в последний момент удержалась.

– Видите ли, милорд, – захлопала я ресницами. – Если я буду переноситься с помощью артефакта, то окажусь в каком-то городке, что находится в нескольких часах пути от столицы. Его величество не сильно разгневается, если я прибуду утром?

- Вы издеваетесь, – пришел к выводу Милфорд.
- Еще как, – кивнула я.
- А зачем?
- А зачем мне аудиенция у его величества?
- Миледи Вероника, это приказ императора. И локоны – обязательны.

И одежда, приличествующая статусу.

Милорд поднялся, поблагодарил меня за угощение и удалился.

– И вот как вы себе представляете всю эту бодягу? – поинтересовалась я у пустоты. – У меня пары до трех!

На следующий день, когда я прибыла домой часа в четыре, то обнаружила в квартире целую делегацию. Нет, дверь мне не взламывали. Коварный начальник контрразведки договорился с Пашей. И сын меня сдал. В смысле, запустил имперцев в квартиру.

– Скорее, миледи, – торопила меня счастливая Оливия, размахивая атласным шуршащим платьем. – Я вам платье подобрала цвета слоновой кости. Вам пойдет. Мы локоны должны успеть сделать, а то милорд Милфорд прав, негоже такой красавице и как служанке ходить. Вы все-таки принцесса.

– Вот с чего это я вдруг принцесса? – ворчала я, пока меня вытряхивали из моего любимого серого костюма.

- Ой, а какие у вас чулочки интересные! – восхитилась Оливия.
- Это колготки. И ваше нижнее белье я надевать не буду!
- Только корсетик, миледи. Я не сильно затяну! И чулочки вместо ваших колготок.

Как обычно, служанка приводила меня в порядок практически молниеносно. Высокая прическа с локонами образовалась словно сама собой.

Но когда горничная протянула мне темно-синий футляр – именно в

таких мне приносили сапфиры – камни, что положено было носить женщинам рода Рэ, я взбунтовалась.

– Нет. Не надену.

– Миледи, это приказ императора. К тому же это просто жемчуг.

Я открыла футляр. Просто жемчуг – как же. Золотистые жемчужины сияли, казалось, собственным блеском. А через каждые три из них находился еще и бриллиантик. С таким же отливом.

– Этот жемчуг покупал милорд Верд? – захлопнула я крышку.

– Ожерелье прислал император, – опустила голову Оливия. – Миледи, но вы не можете показаться при дворе без драгоценностей.

– Да зачем мне вообще там показываться!!!

Тем временем проворные пальцы Оливии уже застегнули ожерелье. Затем быстро, не дав мне опомниться, служанка подала перчатки. Длинные. По локоть. Помогла натянуть. Поверх надела мой браслет, уже ставший родным.

– Готово! – крикнула она.

И в мою комнату ворвался милорд Милфорд.

– Миледи, – оглядел он меня. – Вы прекрасны. Мы опаздываем.

И он взял меня за руку и потащил в замерцавший портал.

Кабинет императора.

Милфорд кланяется и отходит в сторону.

– Наконец-то! – радостно встречает нас император. Пристально смотрит на меня и через мгновение командует: – Вероника, позвольте ваш браслет.

Раздраженно вздыхаю, но подчиняюсь.

– Я подготовил для вашего украшения несколько подвесок... Тоже жемчужных.

Я невежливо хмыкнула. Как наяву вижу – император делает тончайшую ювелирную работу – подвески. Лично мне.

– Понятное дело, мне их подобрали и доставили, – смеется и Фредерик – похоже, он сегодня в хорошем расположении духа. – Но я зачаровывал. Сам.

И он аккуратно начинает цеплять их к моему браслету. Подвесок много – с десятков, кажется.

– Одиннадцать, – гордо произносит император. – Портал, защита – в нескольких вариантах. Кроме того, я вас закрыл от чужого воздействия и ментальных атак. В общем, тут много чего есть.

– Следилку поставили? – проворчала я.

– Следить, где вы находитесь? Есть такое. Но активируется только по

необходимости. Надеюсь, этой необходимости никогда не будет.

В кабинет заглянул секретарь.

– Он выехал! – доложил Карл с видом заправского заговорщика.

– Так, – среагировал император. – Надо поторопиться.

Он прицепил последнюю подвеску, на мгновение замер над браслетом – тот полыхнул алым.

– Готово.

– Где плащ? – спросил император.

Милфорд растерянно развел руками.

– Зима ведь! – вроде начал сердиться Фредерик. Потом махнул рукой и с извиняющимся видом произнес, обращаясь ко мне: – Так будет даже романтичнее. Если что – Ирвин вылечит.

– Ну-ну... Чистого рома нальете, без молока, – проворчала я, вспоминая, как меня лечили в государственной тюрьме. – Фредерик, простите. Но... Что вообще происходит?!

Снова марево передо мной.

– Прошу вас, – произносит император.

Он вежлив, но мне почему-то кажется: начни я упираться – он просто меня впихнет в портал.

– Да, – император мне что-то сует в руки. – Отдайте ему.

Я злобно всех оглядываю – и делаю шаг.

Глава 12

Холодно-то как! И трясет. И...

– Я предполагал нечто подобное, – раздается рядом насмешливый голос Ричарда, и меня закутывают во что-то мягкое и очень-очень теплое. – Даже захватил вам плащ.

– Спасибо, – кладаю зубами.

– Вы замерзли? – голос у него становится хриплым, а под плащом оказываются его горячие руки.

Я замираю, прижимаясь к нему. Чувствую, как его руки пробежались по моей спине, вернулись на плечи, погладили шею. Обнимаю его в ответ. Нахожу его губы. И снова поражаюсь тому, что мир становится правильным, из груди уходит пустота. Ричард, должно быть, чувствует то же самое. Мы чередуем в поцелуе то тягучую, умопомрачительную нежность, то сжигающую, безудержную страсть.

В какой-то момент я понимаю, что он отстраняется от меня. С протестующим стоном тянусь к нему.

– Тише, любимая... – шепчет Ричард мне на ухо, потом чуть прикусывает его. – Нет, надо успокоиться... Если мы вывалимся из кареты растрепанные, отец, конечно, порадует, а до остальных мне нет дела. Но вы будете смущаться.

– Да что вообще происходит? – пытаюсь я унять бешеный галоп сердца. – И... держите, это явно ваше.

Я поняла, что Фредерик передал мне родовое кольцо Тигвердов, которое носил Ричард. На кольце был драгоценными камнями выложен черный грифон с распростертыми крыльями. И – как показатель того, что представитель семейства незаконнорожденный, мифический лев с орлиными крыльями был перечеркнут алой полосой.

– Мда, – кивнул Ричард, надевая кольцо на палец. – Его величество прав. Явись я без кольца – пойдут слухи о том, что я или взбунтовался, или меня изгнали из рода. А вот то, что вы без перстня – это плохо.

– Ничем не могу помочь. Не надену все равно, – прошипела я. – И вообще, что происходит?

– Вы знаете, в непростом общении между империей Тигвердов и Османским ханством есть такая дата – называется день мира, – спокойно стал рассказывать Ричард. – Отмечается зимой, пятого февраля. Обычно в эти числа подписывали мирные договоры.

– То есть с весны, как только просохнут дороги, воевали. Летом воевали и осенью. Как только становилось холодно, садились за стол переговоров. К пятому февраля как раз договаривались и подписывали?

– Вы умница, миледи. Именно так обычно и происходило. Поэтому вот уже много-много лет наши страны отмечают день мира. Один год – наш император отправляется в ханство, другой год – их правитель у нас.

– И сегодня?

– И сегодня во дворце прием. Я не мог не прийти. Сами понимаете, как бы это выглядело.

– Так его величество?

– Видимо, как только узнал, что я объявился в своем особняке, немедленно побеспокоил и вас. Думаю, после того как он официально объявил о нашей помолвке, ему совсем неловко представлять вас в каком-то ином качестве.

– Ричард, – сквозь зубы прошипела я.

– Давайте все отложим на потом, – великодушно предложил милорд. – Сегодня мы – счастливая пара. Жених и невеста.

Я подумала, что еще несколько подобных реплик в такой же интонации, и я его задушу.

– Платье помнете, – насмешливо сказал Ричард – он всегда хорошо читал мои мысли.

Я с ним мысленно согласилась, позволила рукам забраться под его фрак – пришлось расстегнуть пуговицы, пробежалась по спине, забралась в подмышки... И изо всех сил вонзила ногти.

Ричард неаристократично взвизгнул.

– Вот так, – удовлетворенно заметила я, привела в порядок его одежду, подумала и переместилась на сиденье напротив.

– Вы думаете, вас это спасет? – хищно улыбнулся милорд.

– Вряд ли. Но вы получили по заслугам.

– Допустим...

Я поняла, что сейчас произойдет – он метнется ко мне плавным, практически неуловимым движением, притянет к себе. Еще мгновение – и я окажусь на нем верхом. Его руки на моих ногах... Он поймет, что на мне чулки, узкие кружевные трусики, а не их монументальные панталоны... И...

– Так, – хрипло сказала я. – Все это потом. После бала... Приема. Что там сегодня?

– Обещаешь? – так же хрипло отозвался он.

В ответ только покачала головой. Вот что он со мной делает?..

– Тогда надо распорядиться, чтобы Натан вез нас во дворец, – задумчиво сказал Ричард. – А то мы пойдем сейчас на четвертый круг. Я сейчас с ним свяжусь.

Да... От его же городского дома до императорского дворца минут десять пешком, а мы катаемся уже минут двадцать.

Хотела возмутиться, но почему-то рассмеялась.

– Ричард, вот что мы творим?

– Пока ничего. Идем на прием, где нам быть и положено.

– Я не о том, – вздохнула. – Зачем это все. Опять...

– Ника, – он взял мою руку, прижал к своей щеке, – я...

– Прибыли, – раздался голос Натана.

Еще с минуту мы движемся, потом карета останавливается. Кучер распахивает дверь, я обращаю внимание на то, насколько у него довольная физиономия.

– Миледи Вероника, добрый вечер! Рад вас видеть!

Ричард качает головой, выходит первый, подает мне руку.

– Я перчатки потерял где-то в карете, – шепчет он мне на ухо, когда я выхожу, опираясь на его руку.

– Предлагаете мне их поискать, а потом подать, чтобы выразить свой интерес? – вспоминаю я похожую ситуацию, когда он мне рассказывал, что если женщина роняет перед мужчиной перчатку или платок, то она демонстрирует ему свой интерес. А если он подает вещь – то показывает, что интерес взаимный.

– Не будем настолько шокировать имперских аристократов, – ворчит Ричард.

А Натан с поклоном уже протягивает ему перчатки.

И мы отправляемся во дворец.

Опять мраморная лестница, грифон, распластавший крылья. Я кожей ощущаю любопытство придворных и военных – сегодня во дворце много людей в форме.

– Ненаследный принц Тигверд с невестой, – гордо объявляет распорядитель.

Мы чинно шествуем, раскланиваемся, Ричард представляет меня каким-то военным, потом еще и еще. Потом военным в форме другого покроя – представители Османского ханства, должно быть. Все время звучит: «Миледи Вероника, моя невеста». Я улыбаюсь, мне целуют руку. В какой-то момент у меня начинает кружиться голова от этого фарса. В руках оказывается бокал с шампанским. Я его выпиваю, стараясь, чтоб не залпом. Беру второй – уже целенаправленно подзывая лакея. Так, а дома никакого

алкоголя нет. Плохо.

– Дорогая! – Понимаю, что ко мне обращается Ричард. – Вы позволите покинуть вас на мгновение?

Я кивнула, он низко склонился передо мной, поцеловал руку и удалился. Так. Самое главное – не выглядеть хищной невоспитанной пираньей, преследуя прислугу с алкоголем. На этом приеме именно служащие в роскошных черно-золотых ливреях интересовали меня больше всего.

– Миледи Вероника! – раздался знакомый голос. – Вы позволите составить вам компанию?

– Ваше высочество, – улыбнулась я принцу Брэндону.

– Никаких реверансов, просто склоните голову, – негромко приказал наследник. – Мы же члены одной семьи. Кстати, когда появятся в тронном зале монархи – делаете то же самое.

– Спасибо.

– Да не за что.

Я жестом подозвала лакея, поменяла бокал пустой на полный.

– Все придворные уже заметили, что вы пьете один бокал шампанского за другим, – недовольно проворчал принц.

– Завидуйте молча, – порекомендовала я ему.

– Что? – попытался возмутиться он. Потом подумал и рассмеялся. – Да не завидую я. Просто после хлеба и воды боюсь, что хмель ударит мне в голову и я закачу какой-нибудь дебош, потом затею драку, а потом выскажу отцу все, что думаю о нем. Причем прилюдно.

И глаза у наследника мечтательно замерцали.

– Так вы голодный? – осторожно спросила я.

– Срок наказания еще не закончился. Нас выдернули во дворец, отмыли, дали хлеба с водой – и вот мы на приеме.

– Сочувствую.

Я подозвала лакея.

– Накройте ужин на пять персон в малой столовой, – распорядилась я.

– Слушаюсь, миледи, – поклонился слуга и удалился. Как я и думала, мое распоряжение вопросов не вызвало.

– Ваше высочество, – обратилась я к принцу Брэндону. – Если ваша пятерка исчезнет сразу – это может вызывать вопросы. Но... Тихонько. Быстренько. По одному, максимум по двое. Просачиваетесь в малую столовую – я думаю, вы знаете, где она находится?.. И ужинаете.

– Миледи! Вы – бунтарь! – восхитился принц.

– Я – за педагогику, но против деспотии, – гордо объявила я. – К тому

же всегда интересно отработать тактические мероприятия по организации партизанского движения в условиях императорского дворца.

– Вы действительно преподаете историю?

– Именно так, мой принц.

Мы негромко рассмеялись.

– Ваше высочество. Миледи. – К нам подошел пожилой мужчина, которого я узнала. Это он стоял на коленях перед императором в государственной тюрьме и ждал решения Фредерика.

– Граф Олмри, – уважительно поприветствовал его наследник, – приятно снова видеть вас во дворце.

– Приказ императора. Мне надлежит снова занять пост министра финансов. А это, как вы понимаете, предполагает мое появление на светских мероприятиях.

– Не могу сказать, что меня это печалит, милорд. С вами приятно и поучительно беседовать. Чего нельзя сказать о большинстве собравшихся.

– Благодарю вас, ваше высочество.

– С вашего позволения, я вас оставлю, – сказал наследник. – Миледи. Милорд.

И он удалился.

– Миледи Вероника, вы позволите представить вам мою супругу, графиню Олмри?

– Конечно, ваше сиятельство.

Графиня тут же подошла, словно стояла на посту и ждала отмашки.

Мы раскланялись.

– Я бы хотела выразить вам огромную признательность за ваше великодушие, – тихо проговорила она.

– Я не понимаю, – вопросительно посмотрела я на нее.

– Мой сын. Мой младший сын – теперь единственный...

– Его осудил император за дурную шутку, – совсем растерялась я.

– Именно вы как пострадавшая сторона имели право настаивать на более жестком приговоре. На лишении дворянства как минимум. Его величество не отказал бы вам. К тому же проступок моего глупого влюбленного ребенка действительно очень и очень...

– Успокойтесь, – посмотрела я на графиню. – Я думаю, это была глупость с его стороны, не более того. К тому же я слышала, что ему всего семнадцать.

– Именно так.

– Время юношеских безумств, первой любви...

– Мы и предположить не могли, что он и Глория... Это ужасно.

– Могу я задать вопрос, ваше сиятельство?

– Конечно.

– А почему Глория? Из всего богатства на ярмарке невест?

– Договорной брак между семьями, – ответил сам граф. – Хороший род, хороший магический потенциал, который она могла бы передать детям. А что касается характера...

– Тут мы все просчитались, – отозвалась графиня.

К нам подошел Ричард, и разговор пришлось прервать. Министр финансов и его супруга распрощались со мной и удалились.

– Вы пользуетесь популярностью, – проворчал милорд. – Сначала длительная беседа с принцем... О чем, кстати?

– О партизанском движении, – честно ответила я.

Ричард хмыкнул.

– Потом к вам подошла чета Олмри.

– Позвольте доложить: мы беседовали о судьбе их младшего сына.

– А какое вы имеете отношение к его судьбе?

– Это вы лучше спросите у своего отца. Беседу на эту тему я с вами начинать не буду.

– Как скажете, миледи, – чуть поклонился принц Тигверд.

В ответ я склонила голову.

– Скоро уже апофеоз приема – все отправятся в тронный зал. И, кстати, вы просто склоняете голову...

– Его высочество меня уже просветил.

– Значит, о партизанском движении... Вы знаете, что меня больше всего радует? – вдруг поменял тему он.

– Откуда же мне знать?

– Что мы будем возвращаться домой. В карете. А потом... – И его глаза заблестали алым.

А мне стало грустно. Сегодня он ведет себя так, как будто ничего не было: ни его обвинений, ни нашего расставания, ни слов, сказанных в запале, почти в ненависти... Как будто мир нашей любви не рассыпался пылью.

– Время, – предложил мне руку принц Тигверд. – Всем пора в тронный зал.

Мы зашли одними из последних. Все уже выстроились по ранжиру – причем с одной стороны были аристократы и военные империи, а с другой – представители Османского ханства. Ближе нас на один шаг к трону стоял лишь наследник. Он любезно поклонился и одними губами произнес, обращаясь ко мне: «Спасительница!»

– Это что было? – почти неслышно спросил Ричард.

Торжественная часть была – как, впрочем, ей и положено быть – пафосная, долгая и очень занудная.

Потом все ходили и раскланивались, теперь уже в присутствии монархов. Ричард достаточно долго беседовал с османским ханом – молодым человеком возраста Брэндона. Говорили они на незнакомом мне языке, я стояла с бокалом шампанского и вежливо внимала.

В конце беседы монарх сопредельного государства поздравил его драгоценного друга, принца Тигверда с помолвкой и выразил надежду, что мы будем очень счастливы. Это было сказано уже по-имперски.

Я улыбнулась, склонила голову и поблагодарила.

А что делать? Не выплескивать же шампанское в лицо Ричарда с воплем, что он – придурок...

Пока Ричарда отвлекали беседами военные, а потом и император Фредерик, ко мне по одному подошла вся боевая пятерка принца Брэндона и поблагодарила за ужин. Правда, граф Трубридж проговорил простые, в общем-то, слова с таким видом, словно они жгли ему горло.

Прием закончился поздним вечером. Честно говоря, я устала. И очень жалела, что не пробралась в малую столовую вместе с наказанными кадетами. Есть хотелось невероятно.

Ричард, как только карета тронулась, бросил на меня долгий нежный взгляд.

– Ника, – тихо сказал он. – Для меня провели расследование. Я сегодня поручил разыскникам исследовать твой запах. Они поклялись, что у тебя за это время не было другого мужчины, кроме меня. Поэтому я склонен признать, что ты говорила правду.

– Ты посмел приказать... – Я задохнулась.

– Ника, мне надо было знать.

– Теперь ты знаешь? – прошипела я.

– Да, – тихо проговорил он.

– Вот и оставайся со своими знаниями. Один.

Домой я перенеслась мгновенно.

Глава 13

Падал снег. Медленно, отвесно. Снежинки... Такие крупные! Они кружились вокруг, будто потерявшиеся щенки. Заглядывали в лицо, упрасывая: «Ну ты чего? Пойдем домой...»

Я не плакала, не кричала. Я просто запрокинула голову навстречу темному небу. Не знаю, сколько я так простояла. Пока не решила – все. Я объявляю свободу! И шагнула в дом.

Теплый уютный родительский дом не знал, что мне сказать, чем утешить... Конечно, не знал! Алкоголя-то в нем не было... Мы же в прошлый раз – я, Денис и имперцы – выпили все! А коньяк мне был нужен.

Иду в ларек. Снег торжественно падает на уложенные в высокую прическу локоны. Грей увязался следом. Как-то странно он за мной бежит – фыркает, иногда порывается... Я оглянулась и не выдержала – расхохоталась до слез. Грей играл в кошки-мышки с длинным шлейфом бального платья. Легкая ткань струилась по хрусткому снегу, чуть подрагивая на поворотах. Пес был в восторге – я в истерике... У входа в магазин я присела на корточки приласкать ушастый антидепрессант... Грей, милый, какой же ты смешной, как же я тебя люблю!

И тут я поняла, что сейчас заплачу... Черт... Черт, черт, черт! Грей тут же поймал мое настроение, лизнул горячим языком в щеку.

– Здравствуйте... Что для вас? – вытаращился на меня продавец. Черные глаза сузились – хозяин здешнего магазинчика оценивал ситуацию. И явно не знал, как ему реагировать: спросить, что со мной случилось, или нажать кнопку вызова охраны...

– Добрый вечер! Бутылку хорошего коньяку.

– Ночь, уважаемая. Не имею права...

А я поняла, что и не вспомнила дома про деньги.

Рванула ожерелье. Положила перед хозяином. Тот совсем напрягся.

Охранникам придется за вызов заплатить, а кольцо поблескивало при электрическом свете весьма многообещающе. Не так, конечно, как в свете магических шаров имперского дворца, но красиво...

– Подделка? – спросил он после раздумий.

– Не думаю, – усмехнулась я.

– Я же вас знаю, – пригляделся он. – И собака Журавлевых.

– Именно так. И если надо – я завтра деньги занесу.

Мы с ним переглянулись.

– Смелее! – подбодрила его я. – Проверяющие органы в таком виде контрольные закупки вряд ли будут совершать.

Хозяин на мгновение исчез под прилавком. Наконец с тяжелым вздохом мне выдали литровое счастье. И было бы оно безгранично, если бы не два глухих хлопка за спиной...

Сзади истерично тренькнул звоночек на двери магазина, видимо, обиделся на посетителей за то, что пробрались-таки внутрь, не спросив у него разрешения. Стоп. А почему колокольчик звякнул-то? Хлопок был сзади меня, в дверь никто не входил... Видимо, откат от открытия портала. Да какая, собственно, разница? Бутылка-то у меня!

Сзади, как и следовало ожидать, стояли два имперца. И как это я угадала?

– Миледи! – поприветствовали меня милорд Милфорд и Джон Адерли хором. – Миледи Вероника!!!

Я развернулась, прижимая к себе литровую бутылку с изображением старого замка на этикетке. Подошла к мужчинам, вспомнила про сигареты. Сунула бутылку Милфорду. Он подхватил ее так проворно, будто только этим всю жизнь и занимался. «Наш человек», – улыбнулась про себя я. Так... А это что? Ника, Ника, спокойно... Ты очень расстроена, я знаю, шампанского в тебе много, обиды тоже, но икать сейчас нельзя категорически! Фи, миледи, ты же в бальном платье... Держись... Так. Я подняла палец вверх, картинно задержала его чуть выше носа Милфорда и, пристально глядя ошалевшему разведчику в глаза, негромко произнесла:

– Сигареты... забыла! – Развернулась, пошла обратно к кассе. Добыть сигарет было уже делом техники – бедный дядька был готов отдать мне что угодно, лишь бы избавиться наконец.

– И жвачку хочу! – гордо изрекла я.

– Вы что, отдали ему жемчуга из императорской сокровищницы? – раздался возмущенный голос Милфорда у меня за спиной.

Я проигнорировала его вопль, отобрала бутылку и, радостно крикнув: «Грей, мальчик мой, домой!» – понеслась к родимому крыльцу. Пить, курить, болеть! Ворота были закрыты, видимо, я их захлопнула.

Я уткнулась лбом в калитку. Да что ж за день такой! Звонить, поднимать всех – не хотелось...

– Вам помочь, миледи?

– Да, – зло ответила я.

Милфорд сделал изящный пасс рукой – калитка отворилась.

– Миледи Вероника... А что случилось после приема? – осторожно спросил у меня Джон.

Я развернулась к ним. Пускать их в дом решительно не хотелось. Но... Уйдут они вряд ли.

– Миледи Вероника! – сунулся ко мне Милфорд.

– Как же я не хочу вас всех видеть... И, кстати, можете передать его величеству – моя имперская эпопея закончилась. Оставьте меня в покое!

– Вы позволите войти?

– Пойдемте.

Исключительно из вредности повела их в уличную беседку – хотя уже и сама продрогла. Все-таки их плащи, пусть даже и подбитые мехом, ни в какое сравнение не идут с нашими пуховиками.

Отвинтила пробку, сделала жадный глоток. Порадовалась изумленным взглядам имперцев. Закурила.

– Говорите, что вам надо, и уходите.

– Вероника, пожалуйста, успокойтесь. Я уверен, после того, что я вам расскажу, вы измените свое видение ситуации.

– Уверены? – Сигарета закончилась. Прикурила другую.

– Почти... Когда вы исчезли. Кстати, а как вы это сделали?

Я затаилась и зло зыркнула на Милфорда. Это означало: «Понятия не имею!» До имперца вроде дошло...

– Хорошо, неважно. Ричард сначала стоял столбом, потом вызвал Гилмора.

Падающие хлопья снега намочили сигарету. Потухла. Черт!

– Он его допрашивал! Нашего друга!!! Я слышал. Вероника, Ричард понял, что вы не виновны! По-настоящему в этом убедился! Вы понимаете?

– А что я должна понимать? – Я выкинула сигарету, посмотрела Милфорду в глаза. – Что, по-вашему, я должна понимать?

– Ричард все осознал. Он понял, что его околдовали. Понял, что напрасно обвинил вас! Я специально привел Адерли. Натан, конюх, рассказал ему в подробностях, что произошло.

– Да какая мне разница, что произошло! Какая мне разница, что понял и что не понял принц Тигверд. Просто оставьте меня в покое!

– Но, миледи... Милорд страдает... – вмешался Джон.

– А вы знаете, – улыбнулась я, – меня это радует. Больше скажу – по заслугам и награда!

– Пойдемте в дом, вы замерзли.

– Я пойду в дом, – кивнула. – После того, как провожу вас.

– Миледи, когда вы исчезли – хозяин обезумел! Он скинул Натана, сам вскочил на козлы! Экипаж вместе с лошадьми взмыл в воздух! Стекла дворца выбило... Хвала стихиям, никто не пострадал! Но принц Тигверд...

исчез – взрыв, черное марево – и карета пропала! Внизу разгорелся пожар – хорошо, маги воды подоспели. Хорошо, что все целы – но милорд Верд! Император Фредерик сначала решил, что сын погиб, что это покушение.

– И именно в тот момент, когда Рэ резвился в небе Роттервика, император провожал посольство Османского ханства, – печально добавил начальник контрразведки.

Меня это насмешило.

– Это просто чудо, миледи Вероника, что милорд жив! Император Тигверд в этом уверен! Но повелитель не знает, где он, и никто не знает...

– Какая неприятность... Господа, а при чем тут я?

Милфорд смотрел на меня осуждающе. Мне даже стало любопытно, честное слово!

– Но вы должны его разыскать. Успокоить. И...

– И я не собираюсь этого делать.

Милфорд задумчиво смотрел на меня. Долго смотрел. Долго молчал. Наконец произнес:

– Разве вам не приятно, что мужчина обезумел только потому, что осознал, как сильно он вас обидел? Разве это не извиняет его? Не доказывает его любовь и безграничную преданность вам?

Теперь я смотрела на Милфорда. Долго. Грустно.

Я вдруг осознала, что сказочный мир оказался слишком опасным. Жестоким. Нежный, ласковый убийца! Платья, магия, свежий воздух, сладкая лимарра и красивые, сильные, страстные мужчины – это только одна сторона медали. В этом мире были свои законы, был свой... менталитет... Как-то дико звучит это слово в данной ситуации, и тем не менее. Мужчины империи. Прекрасные принцы – огромные, длинноволосые. Они владеют шпагой. Они сверкают черными очами. И искренне считают, что женщина должна быть польщена тем, что они способны испытывать сильные эмоции относительно нее...

Люблю ли я Ричарда? Да. Смогу я смириться с этим? Нет. Виноват ли он в этом? Нет... наверное. Вот и все. Все.

И я ушла. Не отвечая. И не оглядываясь. Пить не стала – запал как-то прошел. Да и на работу после литра коньяка вставать тяжело, всяко я на рюмочке не остановлюсь в таком состоянии. Поэтому я разрежала шнуровку на платье – порезалась. Кровь капала, а у меня даже не было сил что-нибудь приложить к ранке. Ни сил, ни желания. Рубиновые капельки аккуратно вывели на белоснежной простыне вензель «Р».

Пить надо меньше, наверное... Надела пижаму и легла спать.

...И всю ночь носилась под облаками на летающей карете. Я знала, что

в нее запряжена четверка горячих вороных коней. Рядом со мной – принц Тигверд, его глаза полны нежности, он пытается меня обнять. Я ласково улыбаюсь ему в ответ, распахиваю дверцу кареты и выталкиваю вон!

Проснулась я бодрая и веселая. Я радостно пошла на работу. Потом радостно занималась с учениками – их набралось как-то быстро и много. Дьявольщина, я даже по пробкам в городе и за его пределами ездила радостно. Изо всех сил радостно! Я в своей жизни столько не улыбалась. Это отметили даже мои студенты, которые вдруг утихомирились, старательно учили историю родной страны и старались со мной лишний раз не связываться.

Лекция закончилась. Я была довольна: меня слушали, записывали тезисно, старались не терять со мной визуального контакта, поднимали глаза от тетрадок. Это хороший знак. Были местами сосредоточенны, местами, где в тему, – улыбались. Я приучила себя анализировать внутренним взором прошедшие уроки. Вспоминала, прислушивалась к себе.

Уже собиралась уходить, когда взгляд упал на парту. Тетрадка – кто-то забыл. Пыталась вспомнить, кто – девушка, не с моего потока. Какой-то был у нее отсутствующий вид, и она что-то писала в тетрадке, особо не слушая. Я внимания не обращала – на лекцию могли прийти все учащиеся, если есть время и желание. Надо будет отнести в деканат.

В этот вечер я решила съездить к своим за город. Как-то соскучилась. Паша со мной ехать отказался. Он вообще в последнее время был в своих планах... Села в «пыжик», кинула сумку рядом на сиденье – из сумки выпала тетрадка, раскрылась... Вот ведь, забыла в деканат отдать. Надо отнести хотя бы на вахту. Взгляд зацепился за строчки. Надо же... Стихи:

Когда много крови,
Появляется чувство,
Как будто ты зверь,
Что-то вроде мангуста...
Ты видишь, слышишь
Острей в десятки,
А гибкое тело
Готово к схватке.
И где-то справа,
Не видя, чуешь —
Спиралью яда
Шуршат чешуйки.

Смерть шепчет, шепчет,
Почти ласкает, Почти целует,
Не отпускает...
Без соли жидкость
Цвета рубина
Свернется – быстро,
Прольется – мимо,
Отдаст все тайны,
И появится чувство,
Что ты случайно
Забыл проснуться...
Забыл вцепиться
В нутро зубами,
Забыл напиться
Ее губами.
Пришел к обрыву
И ножки свесил,
Чтоб в пропасть кинуть
Подгнивший персик...
Не плачь! Мы персик
Сорвем созревший,
Он будет чистый,
Почти безгрешный,
И ты разделишь – напополам,
И я мангусту
Немножко дам...
И будем вместе
Болтать ногами,
Чудовищ в бездне
Кормить плодами...

Зачиталась. Задумалась. Что-то внутри было не так, но думать об этом не хотелось. Палец горел и чесался. Там, где был перстень. Не первый раз уже... Может, это адаптация – я ведь вернулась в свой мир... Аллергия? Да. На Ричарда, на воспоминания, на такие вот стихи. Надо будет себе обязательно переписать. Ричарду понра...

Так, стоп! Ты, кажется, хотела навестить родителей? Чего сидим, кого ждем? Поехали!

Я пообнималась с Греем, который радостно носился вокруг меня. Тихонько отворила дверь, поняла, что мама с кем-то разговаривает. Прислушалась.

– Посоветуйте, как мне быть... – раздался голос, настолько похожий на голос Ричарда, что я вздрогнула.

– Фредерик, – сказала мама, – вы были не правы... Вот зачем вы вмешались?

– Вероника несчастна, Ричард несчастен. А я этого не хочу.

– И вы сделали лучше?

– Да поймите вы! Мой сын не виноват! У него пробили защиту, его заколдовали! Да, я и сам не пойму, как это удалось. И пока никто из моих магов не может дать мне внятный ответ. Есть у меня подозрение, что это все как-то связано с нападением кентерберийской змейки – именно после этого все и началось. Но Ричард...

– Выгнал на снег мою дочь. Подверг ее жизнь опасности. И – судя по всему – оскорбил ее на празднике.

Повисло молчание.

– И что мне делать? – тихо спросил владыка империи.

– Вам остается самое тяжелое... Ничего не делать. Ждать.

Я не стала заходить – прекрасно понимала, для чего прибыл Фредерик. Разговаривать с ним не хотелось. Решила, что поеду обратно, а маму, папу и Феликса навещу в другой раз. Интересно, а Наташа еще здесь, у родителей? Ведут ли разговоры о судьбе бастарда императора в присутствии беременной женщины?

Представила картину – представление императора другого мира писательнице, которая сочиняет фэнтези. И рассмеялась. Вышла за калитку, подошла к любимому «пыжику». И обнаружила рядом с собой... Ричарда.

– Ника... – тихо сказал он.

– Что вам угодно, принц Тигверд?

– Я заслужил это, – склонил голову он.

– Более чем, – любезно согласилась с ним я.

– Не уберег.

– Совершенно верно.

– Все это время... Я не могу понять, что со мной. Я оживаю, только когда рядом ты. Я безумен, когда тебя нет.

– Послушай, Ричард. – Я потеряла терпение. И к тому же замерзла. – Я безмерно сочувствую твоим страданиям. И судьбой империи Тигвердов я тоже обеспокоена. Но... давай мы все все-таки будем существовать

порознь. Я отдельно. А ты, империя и ее враги – отдельно.

– Ника, я тебя люблю...

– Я тоже тебя люблю. Я не собираюсь тебе лгать. Никогда не лгала, если ты заметил. Надеюсь, теперь в этом нет сомнений?

– Нет! Ника, теперь все будет по-другому! Любимая, теперь все будет хорошо. – Мужчина, которого я любила, улыбался светло, искренне, с надеждой и... любовью. Стало больно. Очень.

– Ричард... Послушай меня. Пожалуйста, выслушай. Услышь! И попытаться понять. – Я достала сигареты, закурила.

– Вероника, не делай... – Ричард хотел выхватить у меня сигарету... Зря.

– Я не твоя собственность, не твоя женщина, я буду делать то, что считаю нужным, – это первое. Ты простил меня только потому, что меня обнюхали твои ищейки, – это второе. Я люблю тебя, но я ненавижу себя за это – это третье.

– Ненавидишь за любовь ко мне? Ника... Ника, но почему?

– Ты верил и доверял только потому, что обладал способностью точно знать – где правда, а где ложь... Очень полезная магия... Но именно она отравила ваш мир – именно она разрушила наше счастье, Ричард. Любовь моего мира строится на том, что люди, не зная правду, верят и доверяют друг другу. Не проверяя, они верят в искренность, преданность. Конечно, мы тоже способны... почувствовать. Не так, наверное, сильно, как вы... Но у нас тоже такая способность есть. Вот только величайшая ценность этого мира – моего мира, Ричард, – это вера.

– Тогда почему до этого ты на все соглашалась? Ты же знала, что я маг и чувствую ложь? – Глаза мужчины сузились, слова выбрызгивались из него, будто змеиный яд...

Он посмотрел на меня и зло продолжил:

– Как ты назовешь ту величайшую ценность, ради которой ты согласилась стать моей экономкой? Как? Скажи мне, Вероника? Скажи, и я поверю в благородство, о котором ты говоришь!

– Скажу... Это же так просто, Ричард... Жизнь, здоровье и безопасность моих детей.

– Вероника, я не понимаю... Я дам тебе все!

– Ты не сможешь... Не сможешь дать мне то, что мне нужно! Мне не нужно, чтобы меня охраняли, мне нужно, чтобы обо мне заботились! Мне не нужно, чтобы меня обнюхивали, мне нужно, чтобы мне доверяли! Мне не нужна сила, мне нужна опора. Мне не нужно поместье, мне нужен дом. Дом, где живет любовь и счастливы мои дети. У меня трое детей, Ричард,

трое! Мне не нужны наследники, слышишь, мне нужны дети! Мне нужна дочь! Убирайся! Убирайся, Ричард! Убирайся!

– Я никогда...

– Хватит. Уходи. И... не возвращайся больше. Никогда!

Глава 14

Со временем все улеглось и стало легче. Пашка учился в своей прежней школе, каждый день ходил на тренировки по фехтованию. Ворчал на меня. Хорошо, не каждый день.

Сына что-то тревожило... Я списывала это то на усталость и переживания по поводу предстоящих соревнований, то на переходный возраст... Надо будет выбраться куда-нибудь в центр в выходной. Сходить в кино, съесть какую-нибудь очень вредную, но очень вкусную еду и поговорить с сыном по душам.

Раньше мы с ним часто так делали. В доимперские времена. Я задумалась. А ведь правда, наша с сыном жизнь раскололась на «до» и «после». Мы изменились. И нам сегодняшним не хватает себя прежних...

Рэма я почти не видела. Он учился. Или – что более вероятно – переживал, что из-за него мы с Пашей попали в империю. И старался не показываться мне на глаза.

Феликс тоже был занят. И учебой, и лечением. Репетиторы были расписаны по часам, два раза в неделю он занимался с тренером по лечебной гимнастике. На страхи и сомнения у него просто не оставалось ни сил, ни времени. Потихоньку жизнь приходила в норму.

Мама попросила, чтобы я оставалась в городе. По ее мнению, мотаясь каждый вечер за город по пробкам и скользкой дороге, я слишком себя истязала. К тому же Пашке одному в городской квартире начинать жить определенно рано. Глупостей он, может, и не наделает, но до гастрита себя точно доведет. Даже если бы он владел заклинанием стазиса... Вот ведь... Опять! Да что ж такое-то! Научусь когда-нибудь не вспоминать?..

В этот понедельник я поехала в бассейн, как обычно – часов в восемь, проводив ученика. Все-таки нашла себе пять человек для вечерних развлечений. Или, точнее, это их родители меня нашли для подготовки их чад к экзаменам по истории.

Плавала я в том же комплексе, в котором Паша занимался фехтованием. Вошла, предъявила бейджик. В огромном холле сновало какое-то огромное количество детей, галдеж стоял страшный. Вдруг меня окликнули:

– Вероника Евгеньевна!

Я развернулась и поняла, что это Пашин тренер.

– Добрый вечер! – поприветствовал он. – Простите, почему Паша на

тренировку не пришел? Все-таки на Европу его выставляем! Вы знаете, какой был отбор? Сколько кандидатов? Да, он, безусловно, лучший. Ваш сын, Вероника Евгеньевна, – наша гордость, опора и надежда. И претензий у меня к нему нет – парень работает с самоотдачей! Тем более странно – пропускать тренировку перед самыми соревнованиями. Я надеюсь, он здоров?

– Как не пришел? – рухнуло у меня сердце. – Он собрался к пяти. Как обычно. Я уже дома была...

Выхватила из сумки телефон, стала набирать сына.

– Я к охране, пусть камеры посмотрят, – сказал тренер.

Молчание в трубке. Вспомнила, что у них в холле вечно связь плохая. Выскочила на улицу. Длинные гудки – никто не брал трубку. Еще раз. И еще.

Особо не надеясь, позвонила Феликсу.

– Слушай, у вас там Паши нет?

– Нет. – Удивление в голосе сменилось беспокойством. – И не было.

– Родителям ничего не говори. Будут новости – сообщу.

Несколько глубоких вдохов, чтобы подавить приступ паники. Не время. Не сейчас. А пальцы уже набирают номер телефона Дениса.

– Буду через пятнадцать минут, – говорит он мне, выслушав.

Стою, тяжело дыша, отгоняя ужасы, которые подступают. Окружают. И захватывают в плен.

– Ника, – обеспокоенно окликнул меня... Ричард. – Что случилось?

– Паша пропал, – беспомощно выдохнула я.

– Ты позволишь тебе помочь?

Кивнула.

– Я вызову военных. Здесь все прочешут. Мы его найдем.

На крыльце около нас становится многолюдно. Но странно – марево телепортов люди словно и не замечают.

– Я отвел им глаза, – тихонько говорит Ричард, обращаясь ко мне. И потом уже другим тоном, обращаясь к прибывшим: – Господа, у меня пропал сын. Пауль Рэ. Найдите его.

– Слушаемся, командующий Тигверд. Разрешите выполнять! – раздается на имперском. И военные исчезают какими-то смазанными тенями.

– Я не знаю пока, куда он делся, – тихо сообщил Ричард. – Но я не чувствую ни его страха, ни ощущения чувства опасности. Скорее, легкое раздражение.

– Ты его чувствуешь? – поднимаю я на него глаза.

– Чуть глуше, чем тебя. Или, допустим, отца... Но его и Рэма я ощущаю вполне четко.

– А как ты здесь очутился? – И я понимаю, что он одет по-летнему – как там, в том лесу.

– Почувствовал, что тебе плохо. Что ты в панике.

– И ты пришел, – закрыла я глаза.

– Я не смог не прийти.

– Давай зайдем вовнутрь – ты замерзнешь.

– Ричард, Вероника, – раздался голос императора, – что у вас тут происходит?

– Фредерик, Паша пропал... На тренировке не появился, на звонки не отвечает...

– Я почувствовал, что вам плохо. Вероника, послать за Ирвином?

– Нет-нет, спасибо, все в порядке.

– Ричард? – спросил император, лишь слегка кивнув сыну. Я была очень благодарна его величеству за такую выдержку. Я понимала, что он сейчас чувствует.

– Разыскники прибыли. Полный десяток. Отряд силовиков в минутной готовности, – отчитался Ричард.

– Кто посмел?

– Не ясно. Но опасности для сына они, как и я, не чувствуют.

«УАЗ Патриот» влетел на стоянку возле школы олимпийского резерва. Как обычно, Денис бросил его посреди дороги, с полным безразличием к чувствам и удобствам других.

– Ника! – подбежал он ко мне. – Я ребят поднял. Сейчас будут.

– Можно давать отбой, – спокойно отозвался Ричард. – Мои люди справятся лучше. Они способны обнаружить заговорщика в тысячной толпе только по отголоскам эмоций.

Денис посмотрел на императора, словно ожидая приказа от него.

– Я думаю, что принц Тигверд прав, – кивнул император. – Его армейские нюхачи – лучшие в империи.

Против воли я скривилась, вспомнила, какой приказ отдал разыскникам Ричард – обнюхать меня и сказать, были ли у меня еще мужчины, кроме него.

Денис между тем кивнул, отошел и взялся за телефон.

– Извините меня, пожалуйста, но мне необходимо переговорить с Денисом Юрьевичем, рассказать подробности. – Я говорила, стараясь не показывать волнения.

Затем, обращаясь к обоим – сыну и отцу, посчитала нужным сказать

совершенно искренне:

– Фредерик, Ричард... Я очень благодарна вам за то, что сразу пришли на помощь. У меня нет никого дороже детей. Спасибо вам... – И быстрым шагом направилась к Денису.

Он сразу все понял, усадил в машину с тонированными стеклами, предложил сигарету. Как все-таки хорошо, когда рядом те, кто тебя понимает...

А еще я искренне порадовалась за императора Тигверда. Да, все не просто... Но он только что воочию убедился, что его сын жив и здоров, а это огромное облегчение. Это счастье... Я машинально курила и не сразу поняла, что плачу. Я хочу видеть сына, хочу знать, что он жив и здоров. Пашка, Пашка – где же ты?

– Вероника Евгеньевна! – окликнули меня. К машине подбежал Пашин тренер, размахивая какой-то бумажкой. – Посмотрите, эта женщина разговаривала с вашим сыном. Похоже, с ней он и ушел.

И он сунул мне в руки мутную фотографию, распечатанную на принтере.

Я взглянула и длинно, от души, выругалась.

Тренер посмотрел с интересом. Только сейчас я заметила, что он стоит рядом уже не один. Император, милорд Верд и имперские нюхачи смотрели на меня уже не столько с интересом, сколько с явным недовольством. Ничего, потерпят...

– Ты знаешь, кто это? – спросил Ричард.

– А то... Это бабушка Паши.

– Эта женщина не похожа на вашу маму. – Фредерик с сомнением посмотрел на листок.

– Это не она. Это моя экс-свекровь. Ей-то что понадобилось!!!

Облегчение нахлынуло на меня. И погребло под собой. В ушах гудело так, что я на какое-то время перестала слышать.

– Что? – замотала я головой. Я видела по губам, что мужчины говорили все и разом. Но разобрать, что именно, не могла. – Сейчас...

Когда чуть пришла в себя, поблагодарила тренера и извинилась за беспокойство. Он оглядел нашу живописную группу, ничего не спросил, покачал головой и ушел.

Сразу позвонила Феликсу – сообщила, что с Пашей все в порядке. Что это недоразумение.

Тем временем к Ричарду подошел имперец в черной форме без знаков отличия. Военный коротко поклонился императору.

– Разрешите?

И после утвердительного кивка протянул листок бумаги Ричарду.
– Адрес есть, – посмотрел в листок тот.
– Я ее зарюю, – от всей души прошипела я.
– Если пожелаете – вполне можно организовать, – на полном серьезе кивнул император. – Нападение на члена Императорского дома...
– Это лишнее, – быстро поправилась. – Я... иносказательно.

Фредерик посмотрел на меня с насмешкой.
– Или можно попросить ребят вынести дверь и всех положить на пол, – выступил с предложением и Денис. – Я что, зря народ по всему городу взгоношил?

– Или объединить ваших людей и моих – и устроить совместные учения, – внес свою лепту в обсуждение дальнейших действий Ричард. – Совместные операции очень полезны.

– Поддерживаю, – отозвался командир СОБРа.
Ричард с Денисом оценивающе посмотрели друг на друга и церемонно пожали руки.

– Спасибо всем большое, – посмотрела я на мужчин. – И извините за беспокойство. Я поеду, пожалуй. Разбираться.

– Куда тебе за руль, – усмехнулся Денис. – Я тебя сам отвезу.
– А моя машина?
– Подгонят, – быстро сказал Ричард. – Это мелочи.

Я ехала в машине с Денисом. Курила и ела шоколадку, что нашлась у него в бардачке. Ехать минут двадцать. Надо успокоиться. Случиться уже ничего не могло – свекровь, какая бы она ни была, – родная бабушка! И ничего плохого первой шпаге Санкт-Петербурга и области она, конечно, не сделает...

И вот что она сейчас-то активизировалась? Ни со мной, ни с внуком они в эти годы особо не общались. Передавали деньги – и на том спасибо огромное. Посмотрела еще раз на бумажку, которую дал имперец, – там адрес был другой. Они переехали – а я и не знала.

Потом обернулась, посмотрела в заднее стекло. Черное бронированное нечто – один в один похожее на то, в котором нас отвозили к родителям, – старательно нас сопровождало.

Имперцы...
Я испытывала странную гамму чувств. Счастье от того, что Пашка жив. Злость и ненависть к имперцам, а заодно ко всем параллельным мирам, вместе взятым. Это из-за них я живу в вечном страхе за детей!

Дикую благодарность имперцам и параллельным мирам... Это благодаря им у меня трое детей. Это благодаря им я получаю такую

защиту...

А еще я чувствую счастье. Бешеное, щенячье счастье! Счастье от того, что милорд Ричард Фредерик Рэ принц Тигверд, жив и здоров. И... что – несмотря на мои слова – он пришел?

Я ненавижу ложь. И, прежде всего, не собираюсь лгать самой себе...

Глава 15

Денис прижал машину к обочине.

– Прибыли, – сообщил он.

Новая квартира бывших родственников находилась в районе Фонтанки, недалеко от Невского.

Следом припарковались имперцы. Вот вроде бы машины наши, и одеты имперцы соответствующе, чтобы не привлекать внимания. А все равно они были – имперцы.

Попытка слиться с толпой не удалась – при всем уважении... Хорошо, что благодаря магии их видели не все и только тогда, когда это было необходимо. «Люди в черном»... выделялись... Мягко говоря. Охранники в черных комбинезонах и – зачем-то в темных очках. Это по ночному зимнему Питеру. Император – в длинном черном пальто. Ричард, видимо, переоделся по дороге. Теперь он был одет так же, как и отец.

Двое высоких мускулистых мужчин с длинными серебристыми волосами. Ричард растрепан, а у Фредерика волосы заплетены по имперской моде – косичка типа «колосок» и бант с драгоценным камнем... И все это вылезает из джипов возле старинного, но, в общем-то, обычного дома. С домофоном, к которому мы и подошли.

– Мы, с вашего позволения, понаблюдаем. При необходимости вмешаемся, – любезно проговорил Фредерик.

Я вздохнула и нажала на кнопочки.

Через долгое-долгое время мне ответили голосом моей свекрови:

– Ника, уходи. Паша будет жить с нами. И... звонок я отключаю.

Ричард подошел к двери, сделал раздраженный пас рукой. Панель истерично замигала сразу всеми оранжевыми циферками. Дверь распахнулась. Охранник в парадной нас даже не заметил. Интересующая нас квартира оказалась на четвертом этаже. Фредерик поинтересовался:

– Эту так же открываем? Или позвоним для приличия?

– Или воспользуемся любезным предложением вашего командующего и проведем учения? – вставил свои пять копеек Денис.

Ричард энергично кивнул.

– Очень смешно, – проворчала я и нажала на кнопку звонка.

Достаточно долго никто не открывал. Потом раздался голос бывшей свекрови через дверь:

– Что тебе, Ника?

– Вера Валентиновна, я за сыном, – ответила я, ощущая себя... глупо.

– Мы хотим оставить его себе.

– А отряд СОБРа, выбивающий вам дверь за похищение ребенка и удержание его, вы не хотите? – Денис потерял терпение и продемонстрировал в глазок удостоверение. – Открывайте.

– Молодой человек, – снисходительно отозвалась моя бывшая родственница через закрытую дверь. – Идите прочь. Мой супруг трудится в Администрации города и...

– Довольно, – император взмахнул рукой, и дверь вынесло. – Надо было сразу закопать. Как и предлагала уважаемая Вероника.

– Так я иносказательно, – поторопилась уточнить я.

– А я – нет. – И император прошествовал в квартиру мимо потерявшей дар речи и переставшей двигаться свекрови. Или он ее заколдовал, чтобы не выслушивать?

– Фредерик, – выдохнула я.

– Мастер Рэ, – раздался его повелительный голос.

– Ваше величество! – тут же послышалось из глубины квартиры.

Сын выскочил откуда-то с грохотом. Обозрел нас и вытянулся по стойке смирно, приложив правую руку к сердцу.

– Позвольте полюбопытствовать, молодой человек, что все это значит? – протянул император.

– Ваше величество! Разрешите ответить на этот вопрос... лично вам? – отчеканил Паша.

Мы с Денисом переглянулись. Ричард стал хмуриться еще больше. Все страньше и страньше...

– Паш, а где твой телефон? – нежно и очень-очень тихо поинтересовалась я. – Вот объясни, зачем тебе мобильник, если ты не берешь трубку?

Сын продолжал стоять по стойке смирно и поедать глазами повелителя. Мне показалось или он посчитал это более безопасным занятием, чем общаться со мной?

– А что тут происходит? – в коридор выплыла полная женщина с гордой осанкой. Губы и брови подведены – она всегда красилась, даже дома. Получалось пошло. Тяжелый запах убойных вечерних духов можно было использовать как оружие массового поражения. От этого запаха вихрем закружили воспоминания... Не самые приятные.

– Вы посмели выбить дверь в мою квартиру?! – голос звучал сочно, властно.

Надо же – отморозилась...

– Вера Валентиновна! Почему вы не позвонили и не предупредили, что Паша у вас? – спросила я у нее.

– Я звонила, мне сказали, что этот номер не твой, – патетично ответила она мне. – И вообще, с твоей стороны крайне безответственно оставлять ребенка без присмотра.

– Видимо, забрать ребенка из спортивной школы, никого не предупредив, и привезти в квартиру, адрес которой я не знаю, – это и есть показатель крайней ответственности, – отчеканила я.

– Ты ведешь аморальный образ жизни и попадаешь под лишение материнских прав, – отрезала обеспокоенная будущим единственного внука бабушка.

– Это с чего вдруг?

– Где ты все это время пропадала? Тебе не до сына! А мальчику поступать скоро. С нами он получит блестящее образование, благодаря дедушке все двери ему будут открыты...

Тут Паша перестал изображать статую, отмер и виновато посмотрел на меня:

– Мам, правда. Я ехал чаю попить. Ну, тебя позлить. Относительно планов бабушки я был не в курсе.

– Ты не должен был быть в курсе! Ты – ребенок, и ты будешь делать то, что скажут старшие. Старшие, которым не безразлично твое будущее! Иди к себе, Павел, тебе не обязательно слышать этот разговор. Займись уроками. Скоро мы определимся, каких репетиторов необходимо нанять. – Свекровь была в ударе...

Имперцы молчали, я тоже, Пашка просто остолбенел, выслушивая страшный сценарий своего ближайшего будущего... А бабушка продолжала, обращаясь уже ко мне:

– Как тебе не стыдно! Мальчик совершенно запущен! А какая у него речь! Это же уму непостижимо!

Должно быть, придя в восторг от такого количества внимательных слушателей, она повернулась к Паше:

– И, кстати, отдай маме эти свои причиндалы – на спорт свой ты больше ходить не будешь. Нечего такие мозги проматывать неизвестно где. Не ожидала я от тебя, Ника...

– Ба, я не...

– Называй меня нормально! А ты послушай меня, Вероника. Внука погубить я не дам! Ты погубила сына, и внук – все, что у меня осталось!

– Каким образом я погубила вашего сына? Мой отец вытащил его из тюрьмы. Виктор в той аварии, в отличие от меня и сына, совсем не

пострадал. О чем вы говорите?

– Хочешь меня унижить? Делаешь вид, что не знаешь?

– Я не делаю вид. Я не знаю. И знать не хочу. Паша, домой! А вам... счастливо оставаться!

И пошла на выход.

– Тебе пришлют документы по почте, когда мы официально оформим опекунство, – услышала я в спину.

– Чушь! Я просто оформлю вам запрет на общение с внуком.

– Мам, – испугался Паша. – Ба... Прекратите! Я вообще обратно в Академию хочу!

– В какую Академию?! – возмутилась Вера Валентиновна.

– В военную!

– Этого еще не хватало!

– Достаточно, – сказал император негромко, – но все затихли. – Вера Валентиновна, пригласите своего супруга. Я не хочу повторять свою волю несколько раз.

– Волю? Не сильно ли сказано? – уставилась на него моя экс-свекровь.

Император несколько раз вдохнул и выдохнул. Потом достал из кармана пальто... обычный мобильник. И старательно ткнул в него несколько раз...

– Вы знаете, что в городе было совершено нападение на моего внука, сына принца Тигверда? – проскрипел он в трубку.

– Какого принца?! Как внука?! – опешила Вера Валентиновна. – Это мой внук. Вероника, этот человек – сумасшедший?

Даже на расстоянии было слышно, как императора Тигверда уговаривают, что все произошедшее – не более чем недоразумение. Просто родственники – люди пожилые и запамятовали позвонить.

– Я, может быть, и согласился бы с этим, – продолжил император, – но тут что-то говорили о лишении материнских прав. Вы же понимаете, что я не могу это просто так оставить. Моим родственникам не угрожают.

Голос продолжил заверять и уговаривать.

– Хорошо. Мы, возможно, согласимся принять извинения. Ждем. Можете пригласить нас в дом, – обратил он внимание на хозяйку после того, как договорил. – Нас просили подождать вашего супруга и представителей вашего правительства.

– Вероника, ты что, правда замуж вышла? – как-то убито спросила у меня мать Виктора.

– Да, – резко откликнулся Фредерик. – За моего сына.

– Сколько же лет вашему сыну? – насмешливо спросила она. –

Шестнадцать? Двадцать?

– Мне сорок два, – ответил Ричард, который почему-то не стал утверждать, что мы с ним не женаты. – И будьте добры запомнить, что я не потерплю оскорблений и угроз ни в адрес моей супруги, ни в адрес моих детей.

Какие-то резкие заявления... Особенно после нашего последнего разговора... Как-то вообще все слишком. Резко.

Как мне ни хотелось уйти поскорее, пришлось усестись в кресло и ждать высокопоставленных лиц. Потом слушать заверения пополам с извинениями. В конечном итоге император милостиво согласился, что бабушке и дедушке будет разрешено общаться с его внуком. При условии, что его будут заблаговременно ставить в известность. И – император выразительно взглянул на Веру Валентиновну – если родственники воздержатся от высказываний, хоть как-то задевающих его любимую невестку.

На этом мы распрощались. Свекор еще и поугovarивал нас не обращать внимания на такой пустяк, как выбитая дверь.

На обратный путь мы так же расселись по машинам – только ко мне и Денису присоединился Паша.

– Как Луиза? – спросила я у Дениса, когда мы тронулись.

– А? – Он посмотрел на поникшего подростка в зеркале заднего вида, потом перевел взгляд на меня... И вот хоть застрелите, но на Пашку он смотрел с сочувствием...

Я отвернулась. И всю дорогу домой промолчала. Денис зачем-то привез нас к родителям – а я и не заметила дорогу за город. Как только остановились, вышла из машины и направилась к калитке, доставая из сумки ключи. Они у меня были на этот раз со мной. Сын – нога за ногу – поплелся следом.

– Луиза? – остановил меня Денис, словно я спросила только что. – Хорошо. Она успокоилась. И счастлива.

– А как Алан? – тут же встрял в разговор Паша.

– Хорошо... Ходит в обычную школу. Дерется. Меня уже вызывали к классной руководительнице.

К нам присоединились Фредерик и Ричард. Задул пронизывающий ветер. Было холодно.

– А ей и Алану сказали, что барон Кромер мертв? – спросила я.

– Это ее муж? – скривился Денис.

– Да, – кивнула я.

– Мне показалось, что она мучается угрызениями совести оттого, что

не может скорбеть.

Ричард недобро усмехнулся.

– А Алан? – Мне почему-то было важно знать.

– Он сказал, что отец его предал.

– Даже так. – И у меня вдруг сдавило горло.

– Вам жаль его? – вдруг спросил меня Фредерик. И я поняла, что он внимательно наблюдал за мной все это время.

– Да. Он был гордый. Запутавшийся, предавший свою семью. Понимаете, он уже никогда ничего не исправит. Потому что кто-то, замечая следы своего преступления, заплатил за его смерть.

– Вы думаете, он хотел что-то исправить?

– Когда он узнал, что это я помогла его семье, то выразил мне благодарность за то, что я сделала то, на что он не решился. Так что...

– Вы сделали что? – Фредерик с минуту смотрел на меня, словно впервые видел. Потом покачал головой. – С ума сойти... Я был уверен, что это Ричард.

– На самом деле эта акция по освобождению баронессы из-под стражи спланирована и осуществлена курсантами Военной академии. Я там оказалась случайно, и моя помощь заключалась в том, что я накачала Луизу успокоительными и дала пару советов. Все.

– Что? – смутился Паша под взглядами мужчин. – Не отдавать же было Алана и его маму этим шакалам.

Потом подумал, прикинул и предложил:

– Может, вы на ужин зайдете?

Храбрые имперцы переглянулись со смелым собровцем. Потом все трое перевели взгляды на меня...

– Пожалуй, мы не будем вас беспокоить, – подвел общий итог император.

И мы с Пашей пошли в дом.

– Мам... Мама... Ну маааам... – Сын выбрал запрещенный прием. Кроме рапиры, у надежды российского спорта было еще одно оружие. Не менее острое. И владел он им... мастерски. Оттачивая нюансы до совершенства при каждом удобном случае.

Небеса лазоревые, пушистыми ресницами стыдливо прикрытые, невинно взирали на посмевавшую заподозрить их в делах нечестивых... Видно, помутилось в уме у матушки, раз подумать она такое смогла на дитя свое светлое. Ангелы радуются, в очи чистые заглядывая, распускаются цветы дивные, поют птицы райские...

Вот только на меня это не действует... Во всяком случае, сейчас. Мне, конечно, до таких высот далеко, но я тоже кое-что могу – ангела как ветром сдуло от одного моего взгляда.

– Я к Феликсу, – сообщил он, и раздался топот по лестнице наверх.

– Ника, вы приехали? – выглянула из кухни мама. – Очень хорошо. Папы еще нет, ужин я доделываю.

– Спасибо, мам.

Сказала с облегчением – все-таки хорошо, что мы приехали сюда.

– У вас что-то случилось? – с подозрением посмотрела на меня мама. – И Феликс смурной был.

– Недоразумение.

С сыном поговорю завтра – надо остыть. А сейчас нужно срочно чем-то себя занять, чтобы ни о чем не думать. Вот лежит в прихожей половик. А грязный-то какой! Его выбить же надо! Потом щеткой пройти, и полки обувные грязные – надо бы протереть. Так, за работу!

Любимый пуховик. Палку-выбивалку – как раз работа под настроение. И я потащила все богатство к забору.

– Он сделал это, чтобы я помирился с Никой... – Это был голос Ричарда. Очень тихий и очень... горький.

Кто тут у нас... Нехорошо, конечно. Некрасиво. Но я замерла и вся обратилась в слух...

– Задумка прекрасна, согласись. Исполнение подкачало. А все могло бы получиться, если бы мальчик грамотно привлек союзников. – Это уже император... подлец!

Подлец и предатель...

– Каких союзников? – Голос Ричарда тихий и безжизненный.

– В моем лице, например... Ричард, я... – Император явно пытался начать очень важный для обоих разговор. Я вся дрожала. Ветер был сегодня особо пронизывающий.

– Мой сын не побоялся. А я? Имперский палач... Моим именем детей пугают, а я боюсь поговорить с отцом. Я не знаю, что сказать. Имею ли я право что-то говорить... – Сильный мужчина выворачивал душу наизнанку...

Подслушивать в такой момент как-то совсем нехорошо. Я решила уйти – пусть поговорят... Но император перебил сына, а дальше уйти уже было невозможно...

– Ричард... Я не прощаю тебя лишь потому, что мне не за что тебя прощать. Это была хорошая попытка скинуть меня с престола. Вероника права – готовится переворот, и готовится тщательно. Противник, первое,

невероятно силен, второе – совершенно очевидно, что ни перед чем он не остановится.

– Укус кентерберийской змеи... Я не умер. Я выжил. Магия осталась при мне. Я все проверил – все возможности стихии огня. Навыки не ослабли. Единственное, что я потерял, – ощущение правды и лжи.

– Ричард, а...

– Анук-Чи тоже пришел ко мне. Все как обычно. Я повторно прошел магический полигон.

– Ты... проверял... в полную силу? В таком состоянии? Ты понимаешь, что ты мог погибнуть, застрять между мирами? Я запрещаю тебе так рисковать! – Фредерик говорил сухо, отрывисто.

Меня пригнуло к земле, неподалеку жалобно заскулил Грей. Вот это сила. Вот это мощь! Мне бы так...

– Я должен был проверить. В этом надо разобраться, – тяжело дыша, ответил Ричард. Должно быть, его приложило знатно.

– Придворный маг осмотрел тебя – этого было вполне достаточно.

– Либревер?! Не смей меня. Какой он у нас? Восемнадцатый в их роду верховный? Должность, наследуемая именно этим родом... Я, конечно, за традиции. Традицию можно и не менять. Но найти необходимо кого-то более толкового. От династии Либреверов уже давно никакого прока. У меня студенты-старшекурсники сильнее. Я вообще не понимаю, как ты столько протянул? С кем ты все это время консультировался по магическим вопросам?

– У меня был очень грамотный консультант... Очень умный, тонкий и знающий...

– Кто?

– Твоя мать... – Даже за забором я почувствовала, как стена, разделявшая этих двоих, рухнула. Мне вдруг стало нестерпимо жарко. От них пошла волна тепла, волна счастья. Вот только что-то еще не давало покоя... Палец. Палец, где был когда-то перстень, горел. Сильно. Нестерпимо сильно.

– Ваше величество, – вдруг проговорил Ричард с легкой насмешкой. – Нам пора... Моя... Вероника так простудится. А пока мы не уйдем – будет подслушивать...

– О да, конечно. Пойдем, Ричард. Я приглашаю тебя ко мне на личную аудиенцию. На днях доставили новую партию гномьего самогона. Как меня раздражает этот нелепый мятеж в Рэймском герцогстве. Поставки сократились, торговцы совершенно нагло подняли цены.

– Выпьем за империю, – поддержал его Ричард.

– И за Пауля Рэ! Сегодня мы многим обязаны этому мальчишке...
Достойная смена растет! Оперяется...

Глава 16

Подняться пришлось рано. Все-таки жизнь за городом имеет существенный недостаток – в этот «загород» нужно добраться, а потом из него выбраться. А поскольку эта же благая мысль приходит в голову и остальным жителям мегаполиса, да еще и в одно и то же время, получается... Пробки получаются...

Завтракали быстро, Пашка старался на меня не смотреть. Видимо, за ночь у него немного прояснилось в голове – и вчерашняя выходка уже не казалась таким уж подвигом. Все больше глупостью, которой она и была. Крепкий здоровый сон делает с молодым растущим организмом чудеса! Бодрит, восстанавливает, проясняет сознание.

Мама поглядывала на нас насмешливо, «как будто что-то знала, чего не знаю я»... Отец, окинув внука особым взглядом, проговорил:

– Что-то молодой человек выглядит как-то... бледновато. Что вчера было?

Паша что-то фыркнул.

– Мам, а как Наташа? – спросила я быстро.

– Хорошо. По-моему, она очарована Ирвином.

– Даже так?

– Я не это имею в виду... Просто Ирвин с его желанием помочь, с его умением не только снять боль, но и успокоить... Это просто чудо.

– Согласна, – кивнула я, вспомнив главного имперского целителя.

– Он ведь одинок? – невинно спросила мама.

– Мам, – закатила я глаза.

– Вероника, не паясничай!

Я рассмеялась. Настроение поднялось. Время еще есть, можно подлить себе ароматного кофе. Если бы не родители, которых это расстроит, я бы и от сигареты не отказалась... Ладно, не будем нервировать старшее поколение.

– «Смейся, паяц!» – мурлыкала я про себя.

– А Ирвин сказал, что в выходные разрешит мне встать с коляски, – сообщил Феликс.

Я пролила кофе... Повернулась, посмотрела на сына.

Он, конечно, очень постарался объявить мне эту новость как можно более буднично. И правильно – нечего делать из этого событие века... И так страшно. Очень... Я подошла, присела на корточки, потрепала по

голове, сказала:

– Замечательно! Ирвин у нас спец – личный целитель императорского двора, это не шутки! Раз сказал, значит, пора.

Я крепко сжала его ладони в своих. Мы посмотрели друг другу в глаза. Мы оба боялись и оба верили, что все получится. Никто из домашних этого не заметил, это был только наш секрет, на двоих. И с этой минуты по-настоящему начались наши отношения. Внутри, за сердцем, стало тепло и радостно. Только палец горел и чесался, но я уже привыкла...

– Все всё сказали? – подвел итог отец. – Тогда Павел может отвечать на мой вопрос.

– Я хотел помирить маму с Ричардом. И сделал глупость, – не поднимая взгляда от стола, проговорил сын.

– Какого рода?

– Встретил бабушку Веру – она приехала на тренировку, отключил телефон и поехал к ней в гости. Я знал, что как только мама запаникует, милорд Верд придет ей на помощь.

– А если бы мать удар хватил? – поинтересовался отец.

– Да ну... Вот с чего? – развел руки неисправимый отпрыск.

– Еще раз подобная выходка, я тебе такие развлечения устрою – вся твоя Академия раем покажется, – рявкнул отец.

– Так он же все это затеял, чтобы туда вернуться, – поднялась я из-за стола. – А все разговоры о том, что он обо мне заботился, – это... только разговоры.

– Мам, это не так, – наконец-то искренне завопил Паша.

Я не обернулась.

– Мам, ты счастлива с Ричардом. И плачешь без него, – тихо сказал сын.

– Одевайся, мы опаздываем.

– Какая же ты упрямая, – а вот теперь в голосе сына прорезались откуда-то интонации... не Ричарда, нет... Его нового самопровозглашенного дедушки – императора Фредерика. Вот... Откуда? Как? Он даже губы поджал в точности как это делает его императорское величество... Цирк... Цирк уехал, клоуны остались...

Наконец-то мы выехали. Заранее, как всегда, не получилось... Бедный маленький «пыжик» мужественно тыкался по пробкам, пытаясь найти хоть какой-то просвет.

Молчали. Паша сначала включил радио, потом – через пару минут – выключил. Жизнерадостные ведущие, вещавшие какими-то специальными, утренними, неестественно-бодрыми голосами, дико раздражали.

– Мам, прости, – тихо сказал сын. – Я был не прав. Так нельзя было поступать.

Я вздохнула:

– Паш... Честно – я еще злюсь. Давай до вечера. Я отозлюсь, и мы поговорим.

Пашку высадила у школы, доехала до Академии, припарковалась. Схватила сумку, одновременно пытаясь почесать горящий палец. Маневр оказался неудачным – сумка упала. Тетрадка со стихами, которую я взяла с собой, чтобы вернуть, опять открылась... Не удержалась:

Караулили сны-вампиры,
Притаившись в углу спальни,
Где на самом конце рапиры
Насекомым сидит сознание.
Заползает жужжаньем в ухо,
Растекаясь в крови ртутью,
Золотая моя муха,
Этой ночью летать будем!
По мирам, где уже ходила,
И теперь, что ни ночь, – тащит...
В мире том крупнее малина,
Ароматней, красней, слаще...

Я задумалась... Вот что это? Поэтический образ? Или девушка во сне гуляет по окрестностям империи, балуется лимаррой? И меня захлестнули воспоминания...

Император должен был явиться на чай. Заказанные пирожки с разными начинками уже были. Но хотелось чего-то необыкновенного. Солнце улыбалось в до блеска вымытые окна кухни, аромат лимарры щекотал нос...

С лимаррой я тогда немного пожадничала – ягод привезли слишком много, и я затеяла малиновый торт! В смысле – лимарровый. В четыре руки мы испекли коржи, оставили остывать. Чтобы торт не получился тяжелым, я решила просто добавить лимарру в сметану с сахаром. Получился классический сметанник с малиной. Но до чего же вкусным он был!

Лимарра действительно крупнее малины. По форме тоже немного другая – вытянутая. Чуть более мясистая. Цвет малиновый, но ярче и

темнее. И запах... Сильный-сильный. Ароматней, красней, слаще... Все верно.

Вкусный торт получился легким, но по три огромных куса – все-таки перебор. И для отца, и для сына. Какие же счастливые и довольные у них тогда были физиономии... Что делает с представителями императорской фамилии обыкновенная выпечка. С таким оружием я могла бы уже несколько раз совершить государственный переворот! И опять внутри меня шевельнулось ощущение, что виновата женщина... Палец горел и чесался. Все, пора, я так опоздаю!

Где-то на середине лекции я поняла, что Ричард здесь. В аудитории, среди ста пятидесяти человек первого курса. Но его самого не было видно. А самое главное, не наблюдалось того ажиотажа, который наверняка был бы, если бы высоченный имперец с длинными серебристыми волосами нас посетил.

Но я чувствовала его. Его искреннее любопытство, с которым он слушал меня, наблюдая за студентами. Его нежный взгляд, которым он касался меня. Его недовольство, каким он окинул мои распущенные волосы и юбку, которая, конечно, закрывала колени, но не больше.

В конце лекции я обратилась к аудитории:

– Господа студенты, минуточку внимания. Я нашла на парте забытую тетрадь. Я оставляю ее на столе. Заберите, пожалуйста. И еще. С владельцем мне хотелось бы поговорить. Это личное, к занятиям не относится. Так что, если не трудно, – можно будет подойти в любое удобное время после занятий. Расписание висит внизу. Спасибо, всего доброго всем.

Потом была еще одна лекция. И два семинара.

Когда я собиралась, в аудитории уже никого не было, на столе передо мной оказался листок бумаги. На нем было написано:

«Ты бесподобный лектор. Не сердись на мое появление. Я хочу тебя понять».

Фыркнула. Так, можно ехать домой. Позаниматься с учеником. Поговорить с Пашей. А потом можно лечь спать. Из этого всего идея про «спать!» нравилась мне больше всего.

Я села в любимую красненькую машинку и отправилась домой, размышляя на тему: «Ричард хочет меня понять. Паша хочет в Академию. Фредерик – чтобы я помирилась с Ричардом... А чего хочу я?»

Дочку, пожалуй, я хочу. Такое количество мужских персон на одну мою нежную, трепетную женскую душу... напрягает. Наверное, хочу, чтобы отношения с Ричардом были прежние. Хотя... В империю – не хочу, замуж – тоже не хочу. Так, как прежде, уже не получится. Ничего у нас от

тех отношений не осталось. Жаль... Жаль...

Пустота, поселившаяся внутри меня, не желала отступать. Как кошка, которая устраивается спать – скребла лапой, крутилась на одном месте... Принюхивалась, привыкала – обживалась.

Припарковала машину. Посмотрела на себя в зеркало заднего вида. А что? Я практически блондинка – мне можно. Обнаружила заплаканные глаза. Как это я умудрилась... Вот что это за размазня! Не смей!

На этой оптимистической ноте, шипя на себя с негодованием, я выбралась из машины.

– Ника, – кто-то окликнул меня.

– Что еще? – пробурчала я, обернулась и обреченно проговорила: – Виктор?

Вот чего мне сейчас только не хватало для бодрости духа – так это встречи с бывшим мужем.

– Мама сказала, что вы встречались, – подошел он ко мне, – привет.

– Привет.

– Чего ты такая хмурая? – широко улыбнулся он. – Мне все уши прожужжали, что ты удачно замуж вышла.

– А про то, как всех взбодрили, притащив Пашу в гости не предупредив меня, тебе уши не прожужжали?

– Слушай, чего ты такая паникерша?

Да... Люди не меняются. Подумаешь, ребенок пропал, чего тут паниковать.

– Уж какая есть, – отрезала я. – Вить, ты что-то хотел? А то я устала...

– На чай, значит, приглашать не будешь?

– Слушай, ты лет двенадцать не стремился... Чего вдруг сейчас?

– Ника... Мать сказала, что Пашка хочет в какую-то элитную заграничную Академию.

– И что?

– А то, что я – отец. Не тот мужик, что тебя имеет, а я. Его отец.

– Чего же ты хочешь, отец?

– Я подпишу бумаги только после того, как ты дашь мне денег.

– Какие документы ты собираешься подписывать за деньги? – изумилась я.

– Доверенность на выезд за границу, разрешение... – Я улыбнулась про себя. Нет, все-таки надо быть благодарной судьбе и не гневить ее своей тоской и обидами... Сложившаяся ситуация отрезвила вмиг! Это у меня «заграница с элитной Академией» открывается с помощью артефакта и выглядит как радуга-дуга... Это мне достаточно пригласить императора на

пирожки и попросить...

Я подумала о том, сколько женщин мучаются этой проблемой по-настоящему. «Отцы» их детей таким вот изощренным образом шантажируют, вымогают, просто мстят... Мне повезло. Очень.

Я смотрела на Виктора. Худой, грязный, небритый. Измученный какой-то. Что же с ним случилось – пьет? Глаза, когда-то живые, веселые, с классической гангстерской поволокой «бэд боя», теперь смотрели пусто и безжизненно. Смотрели даже не на меня, а как-то мимо, сквозь. Он ведь не видел Пашку... Столько лет не видел! Не то что не разговаривал – не видел!

– А ты не обалдел ли? – вырвалось у меня.

– Не жмоться. Мне сказали, что ты мужика какого-то отхватила – богатства неимоверного. Значит, за свое спокойствие и со мной поделишься – не обеднеешь.

– У родителей возьмешь. – Я захлопнула, наконец, дверь машины, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

– Отец видеть меня не хочет. Из дома выгнал. А мать... Она больше стонет, чем помогает.

– Вить... Да что случилось-то?

Чтобы любимого Витеньку, да который всегда прав и безгрешен – да из дома выгнать... М-да. Становилось понятным поведение свекрови и ее внезапно появившееся стремление забрать у меня Пашу.

– Ничего не случилось.

Я посмотрела на него внимательно. Перевозбужден. Бледен. Руки трясутся... И что-то еще... Что-то с первого взгляда на него не давало покоя. От внезапной догадки внутри все похолодело. Зрачки! Ну конечно, как же я сразу не сообразила.

– Наркотики? – спросила я.

– Денег я совсем немного у отца взял. Ребятам торчал – а они серьезные... Кто ж знал, что отец так психанет. А ты... Ты каждую неделю по пятнахе подкидывать будешь. Не обеднеет хахаль твой. Иначе я ничего не подпишу!

– Нет, Виктор. Денег тебе не будет. А с документами что-нибудь и без тебя придумаем.

– Ника, – заступил он мне дорогу, и я испугалась, увидев голодный блеск сумасшедших глаз и узкие-узкие зрачки. – Не надо так со мной...

– Я поговорю с Ричардом, – быстро сказала я.

– Конечно, поговоришь, – алчно улыбнулся он, – но это слишком долго. А мне нужно быстро. Сейчас.

– У меня наличкой – рублей семьсот, – честно сказала я.
– Ты издеваешься?! – схватил он меня за плечи, но тут же отлетел.
«Сработала защита», – сообразила я. А через секунду бросилась бежать.

Виктор догнал меня около ступенек, ведущих в парадную.

– Попалась, – попытался он схватить меня за плечо, но тут я почувствовала, как меня резко, но аккуратно отодвигают от этих загроможденных рук.

– И почему, когда я говорю, что при нападении надо звать на помощь, ты меня не слушаешь? – раздался надо мной недовольный голос Ричарда.

– Ты меня бросил, – возмутилась я. – И оскорбил. И я тебя видеть не хочу!

– А что это меняет? – удивился он. – Когда речь идет о безопасности.

Тут я осознала, что мой бывший муж лежит на подмерзшем асфальте в позе эмбриона, а Ричард опять стоит передо мной. Только в форме. И волосы заплетены аккуратно. С бантиком.

– Слушай, мне не нравится твой мир, – недовольно протянул Ричард. – Холодно, плохо пахнет и опасно. Может, тебе стоит вернуться в поместье?

– В твоё поместье? – уточнила я.

– Да все равно уже, в чье! – рассвирепел он. – Хоть в Императорский дворец, лишь бы ты была в безопасности.

– Нет, – отрезала я.

– А о безопасности Пауля ты подумала?

– Как тебе известно, ничего моему манипулятору-сыну не грозило.

– Мне не нравится его метод, но мне нравится цель, которую он преследовал.

Я подозрительно посмотрела на Ричарда. Мне показалось – или он с трудом сдерживает довольную улыбку?

– Не беси меня! – рыкнула.

– Прости. Но, честно говоря, я ждал от него вызова на дуэль.

– Не печалься, – улыбнулась я. – Для этого есть Рэм.

– Ладно, давай вернемся к делам. Это кто? – Он брезгливо указал перстом в перстнях на недостойную его очей, валяющуюся под ногами гадость – Виктора. – И что ему от тебя надо?

От лежащего на земле мужчины не раздалось ни звука. Видимо, милорд Верд по педагогической привычке отключил еще и звук.

– Это – отец Павла. А хотел он денег.

– Я так понял, что он из обеспеченной семьи, – удивился Ричард. – С какой стати он пришел к тебе?

– Денег на наркотики не хватило, видимо. От бывшей свекрови узнал, что я удачно вышла замуж.

– Удачно? – спросил он у меня.

– Вот не уверена.

– А что делать с твоим бывшим мужем? – задал вопрос Ричард.

– Отпусти его. Я думаю, он пришел в себя.

– Ты смеешься? Он совершил нападение. И поскольку отец признал тебя членом семьи, то это смертный приговор. Даже не рудники.

– Что? – развернулась я. – Ричард, не вздумай даже! Каково Паше будет знать, что его отца казнили?

– А ему было бы легче, если бы этот... наркоман тебя бы покалечил?

– Слушай, а его можно как-то вылечить? От наркотической зависимости?

– Можно попробовать... – Он как-то издевательски рассмеялся.

На несколько мгновений замер.

– Командующий Тигверд! – вытянулись перед ним трое мужчин в черных мундирах, таких же, как были на тех военных, что разыскивали Пашу.

– Возьмите на нашу базу этого господина. Целитель пусть избавит организм от наркотика, – отдав приказ, Ричард обратился уже ко мне: – Что там?

– Не знаю, – растерялась я.

– Разберемся. У нас имеется база наркотических веществ, а также противоядий всех известных нам миров. Что касается твоего мира – все не сложно, – нет магии. Ни символов, ни заклинаний... Зато вы на первом месте по количеству. – Ричард повернулся к своим подчиненным: – После чистки – на перевоспитание. В Имперскую армию. Не нужно убивать. Все остальное – разрешаю.

– Разрешите исполнять!

Ричард кивнул и повернулся ко мне.

– Мне пора.

– Спасибо за помощь.

– Могу я попросить тебя...

– О чем?

– Не сердись на Пауля.

– Он хочет вернуться в Академию. К тебе.

– А ты против.

– Да. – Я с вызовом посмотрела на принца Тигверда.

– Из-за меня?

– В том числе.

– Начались отборочные поединки в Академии. Скоро Императорский турнир по фехтованию. Он еще может успеть.

– Паша прошел отбор на чемпионат Европы среди юниоров.

– Но есть и еще причины, по которым ты не хочешь возвращения сына в империю Тигвердов.

– Безусловно.

– И какие же?

– Я не желаю, чтобы моего сына втянули в ваши, имперские разборки. С бунтовщиками, заговорами и подавлением восстаний. С вялотекущей войной с Османским ханством. Я не хочу, чтобы он рисковал жизнью.

– Угроза для жизни, – насмешливо протянул Ричард. – Вот скажи мне, Вероника, твой бывший супруг, с которым я имел несчастье сегодня познакомиться... Он не был вмешан ни в какие, как ты выражаешься, «разборки». Не рисковал своей жизнью даже в вашей армии, не говоря уже про Имперскую. Тогда почему он уничтожил сам себя?

Глава 17

Я гнала «пыжик» как могла. То есть все равно очень аккуратно. Все-таки какой-то внутренний страх после той аварии остался на всю жизнь. Сегодня стартовал чемпионат Европы среди юниоров. И проходил он на этот раз в Питере, так что не надо было тратить на билеты, визы и гостиницы.

На торжественную часть я опоздала безнадежно, уйти пораньше с работы не было никакой возможности. Да еще и в пробку попала. Припарковалась, схватила сумку и понеслась, прижимая к себе заранее купленный билет. Вспомнила, как это было, когда Пашка был маленький...

Огромные пакеты – вещи, сок, вода, бутерброды, аптечка... Успеть переодеть, успеть поцеловать. Сердце у него колотится, кулаки сжимаются. Какой же он маленький и как расстроится, если не победит. Господи, пожалуйста, пожалуйста-пожалуйста, ну пусть он пройдет в следующий тур...

Радостная мордашка, вся перепачканная шоколадом, потому что ладошки горячие и лакомство тает мгновенно. Весь потный – быстро вытереть сухим полотенцем, пока не простудился! Чаше сын выигрывал, и мы неслись домой с медалью, а иногда и с кубком, не чувствуя земли под ногами от радости.

И вот я опаздываю. Он уже большой – сам собрал сумку, сам переоделся, сам настроился... Если бы я была рядом – я бы ему только мешала. Сын вырос. И что-то поскуливает внутри. Тоскливо-тоскливо...

Я влетела в зал. Быстро сориентировалась – все-таки я мама со стажем и как строятся эти чемпионаты, наизусть знаю. Сейчас шел Пашкин возраст – на вечер оставили тех, кто постарше. Девочки уже прошли. Жаль – хотелось посмотреть Зою Разину. Мы с ее мамой дружили. Девочка была младше Паши на два с половиной года, но по результатам уже входила в юниорский состав.

– Вероника!

– Леночка! – Мы обнялись и расцеловались с Зоиной мамой. Зоя переодевалась. Девочка улыбнулась мне очень грустно.

– Ну как вы, Лен? – Мама Зои очень округлилась. Я присмотрелась – этому была вполне объективная причина.

– Да вот... Жду второго – мечтали с мужем о сыне, но будет девочка. Наверное, она будет играть в футбол или хоккей! – Мы рассмеялись.

– Как ваши успехи? Зоя расстроена...

– Она расстроилась – не вышла в финал. Но ей совсем чуть-чуть не хватило. Это все-таки чемпионат Европы, а она же младше всех! Тренер похвалил, так что я считаю – все хорошо. А вот вас я поздравляю! Павел все выиграл! Он просто великолепен! Твой сын что, спит с рапирой?! Сейчас будет финал – пойдем, у меня там место занято. Ты с работы? Голодная? У меня чемодан еды – эта будущая футболистка все время есть хочет!

– Лена! Лен! – сквозь толпу, перекрикивая музыку и объявления, к нам пробирался Борис, муж Елены. – Лен, хватай Зойку и понеслись! Припарковаться там невозможно – все занято! Я машину так бросил – давайте быстрее, пока не случилось чего. – Толстенький Борис пыхтел, вытирая платочком мокрый лоб.

– Вероника, мы тогда пойдем... Жаль, так тебя давно не видела... Ты ведь где-то за границей была? А мы переехали, знаешь?

– Лена! Ну машина же!

– Все, пока! Смотри – это финал! Вон твой – справа, вышел уже... Ну все, победы вам! – И они ушли. Зоя кинула взгляд на Пашу, который уже приветствовал своего соперника. Не нужно быть имперским нюхачом, чтобы понять – Зоя влюблена в него без памяти... Вот отпущу я его в Академию, в империю эту... Тигвердов. Найдет ли он там такой искренний, преданный взгляд?

Приветствие закончилось. Я приготовилась смотреть, переживать, болеть. Секунда – и на табло высвечивается результат – Павел победил. Это продолжалось около получаса. Соперники менялись, результат был один и тот же. Никакой борьбы. Сын делал их как котят. Аплодисменты, писк табло, что-то объявляют.

У меня заложило уши, стучало в висках... Как в замедленной съемке, я смотрела на прекрасно сложенного, красивого молодого человека. Привычный, годами отработанный жест – он снимает маску, пожимает руку сопернику. Глаза... В красивых голубых глазах, обрамленных пушистыми ресницами, была... Там была скука. Ему так же, как его отцу, не хватало драйва. Победа далась слишком легко и не принесла удовлетворения. Я увидела другие глаза, тоже Пашины, но пустые, мутные. И я поняла – его нужно отпускать.

– Я разрешаю тебе вернуться в империю Тигвердов.

Неужели я это сказала? Паша, по-моему, удивился не меньше меня.

– Ма-а-ам? – осторожно сказал он.

– Я все забываю, что ты вырос. Что это твоя жизнь. И...

– Перестань, а?

Я вытерла глаза.

– Ладно, давай собираться, – сказала я.

– Мам, ты с работы? Смотри – там кафе. Может, кофе выпьешь? Там бутерброды есть, песочные корзиночки – твои любимые! Сейчас награждение будет. А потом... ты очень устала?

– Если выпью кофе с пироженкой – протяну еще. А что?

– После нас – старшие девушки. Там Тая в финале. Я ей один прием показал – Ричард научил. Должно сработать. Хочу остаться, посмотреть. Может, меня потом дедушка отвезет?

– Я останусь. Папа на работе сегодня до позднего вечера.

– Я имел в виду императора... – Я подавилась водой из бутылочки.

– Я пошутил!

Вот ведь... стервец... Счастливый сын чмокнул меня в щеку и унесся получать свои медали и кубки. Глаза горели синим огнем – я вздохнула с облегчением. И пошла пить кофе. Пирожные действительно были мои любимые – с малиной в желе. Надо будет попробовать сотворить такое из лимарры, вот только с песочным тестом возни...

Я жмурилась от удовольствия, маленькими глотками отхлебывая капучино с пышной пенкой, когда почувствовала его. Взгляд упал на салфетку: «Ты сделала правильно. Я позабочусь о нем».

Я пожала плечами. Конечно, позаботишься. Куда ты денешься... Я допила кофе. Пирожное исчезло... А был еще кусочек – я помню! На салфетке появилась еще одна надпись: «Вкусно...»

– С тебя точно такое же пирожное! – громко сказала я, переборщив, пожалуй, с эмоциями – на меня с интересом поглядывали посетители...

Я пошла к Пашке. Он помахал мне рукой, и я стала пробираться к нему между рядами амфитеатра. Жестом показала ему, что сяду поближе – лучше видно. Мне и правда хотелось посмотреть. А то Пашин финал – там смотреть было не на что. Каа и бандерлоги... Или еще песня есть у Миронова: «Вжик-вжик-вжик – уноси готовенького...»

– Таисия Лукьяненко, Россия... – объявил диктор.

Девушка была уже в маске, из-под которой выбивались темные крупные кудри. Невысокая, очень стройная. Гибкая, грациозная... Пантера! Соперница была и телосложением крупнее, и двигалась тяжеловато, но по технике и скорости не уступала. Тут действительно нужно было чем-то брать. И вдруг Тая сделала то же самое, что сделал Павел тогда, на дуэли. Резкий молниеносный выпад. Пик-пик-пик – все! И никакого лекаря звать не надо – никакого риска для здоровья. Все-таки у нас безопаснее, тяжело

вздохнула я про себя...

А девушку уже объявляли победительницей. Изящная рука, затаенная в белоснежную перчатку, потянулась к подбородку и невероятно грациозно сняла защитную маску. Взмах головой – и тяжелые черные с синим отливом блестящие кудри рассыпались по плечам. Длина волос доходила до спины. Чуть раскосые, но большие ярко-зеленые глаза выделялись на смуглой коже. Я вздрогнула – это она, девушка, которая потеряла тетрадку. Автор стихов, которые так и крутились в голове:

На самом кончике рапиры...

Так вот оно что – фехтование! Значит, рапира – не просто художественный образ, а жизненный опыт. А лимарра?

Я подождала, пока ребята попрощаются. Не стала подходить и смущать. Хотя было видно, что отношения между ними исключительно дружеские – слишком большая разница в возрасте. Девушка очень красивая. И очень грустная...

На следующее утро встали рано, позавтракали быстро, но плотно.

– Я – в Академию, – вскочил сын. – Надо еще успеть заявку подать. На соревнования. Рэм спрашивал. Мам, представляешь, там есть бои в парах. Мы с ним всех просто порвем. И... ты точно скучать без нас не будешь?

– Буду, – нахмурилась. – Поэтому на выходных – домой. А это уже послезавтра.

– Все. Побежал. Дел неуворот.

Я улыбнулась – и вышла на улицу. Всю ночь мел снег, и я приготовила лопатку, чтобы откапывать «пыжика». Вышла – и удивилась. Моя машина единственная не изображала из себя сугроб.

– Спасибо, – громко сказала я, понимая, что виновник этого чуда где-то рядом. – Только я могу попросить не присутствовать при наших посиделках с Луизой? Мы будем сплетничать.

Услышала, как хмыкнул кто-то неподалеку. Расценила это как согласие и отправилась на работу. На столе в аудитории меня ждал листок бумаги.

«Ты любишь апельсиновый сок и лимарру. Относишься к своей машинке как к живому существу. Очень любишь книги – но я это и так знал. Удивлен, что на работу ты ходишь в серых костюмах. Думал, что ты здесь, как и дома – в синем. Хотел написать про длину юбок... Про то, что брюки тебя недопустимо облегают... Понял, что мы поругаемся. Хочу спросить: а какие цветы ты любишь?»

Засмеялась – пассаж про брюки-юбки повеселил. Цветы... Задумалась. Любимых цветов, честно говоря, не было. Как-то любые цветы – красиво и

приятно. Поэтому решила сказочному принцу дать вполне себе сказочное задание. Он маг? Принц? Вот пусть и придумает что-нибудь. Взяла ручку и ответила: «Подснежники».

Ричард, продолжая оставаться невидимым, придвинул к себе листочек и быстро вывел: «А драгоценности?»

Фыркнула и написала ответ: «Спроси о трагической судьбе императорских жемчугов».

«Это в которых ты была на приеме? Любимые жемчуга покойной императрицы, жены Фредерика? И что с ними случилось?»

«Я их поменяла на бутылку коньяка».

В аудитории раздался хохот.

– Прекрати, – зашипела я. – Студенты сейчас войдут.

И в дверь ввалились студенты. Шумною толпой...

После лекций я встретила с Луизой.

– И как вы думаете, к какому решению придет Денис? – спросила я у нее. – Он останется здесь или примет предложение императора и станет служить у него?

Мы сидели в кофейне, радовали себя сладким и общались.

– Я не знаю, к какому решению придет мой... любимый, – добавила Луиза после какой-то паузы. И я поняла, что ее смущают отношения с Денисом. – Но как бы то ни было, я поддерживу его во всем.

– Вы счастливы? – тихо спросила я.

– Да. – Она улыбнулась искренне и по-детски открыто. – Вы знаете, я ведь ощущаю себя невестой – молодой, беззаботной, красивой. Любимой... Со мной такого не происходило. Никогда.

– А Ричард? – вырвалось у меня.

– Когда-то я была увлечена им. – В голосе у нее появились аккуратные нотки – словно она извинялась. – Но таких чувств, как сейчас... не было. Симпатия, конечно, была. Нежность... Но вот так... ярко... Я себя еще не ощущала. Словно я начала жить.

– А почему не сказали Денису, что вы меня знаете?

– Я... собиралась, – потупилась она.

– И что же вам помешало? – улыбнулась я, кажется, начиная понимать, в чем дело.

– Это так глупо... Ревность, – выдохнула Луиза и густо покраснела. – И еще где-то зависть.

– Вы подумали, что мы с Денисом...

– Любовники, да...

Я невесело рассмеялась. Что-то народ меня подозревает в неимоверном количестве любовников... На мою-то скромную душу населения.

– Простите... Мы, уже вернувшись после того, как я получила помилование, говорили с Денисом обо всей этой истории. И я поняла, что из-за глупости подвергла свою жизнь опасности.

– С другой стороны, именно благодаря этому все разрешилось. Может, и хорошо. Не надо скрываться. Можно просто строить свою жизнь дальше и быть счастливой. А как вы вообще познакомились?

– Случайно, – улыбнулась Луиза. – Вы знаете, похоже, в жизни все самое лучшее происходит случайно.

Она сделала глоток кофе, задумалась, вспоминая.

– Первые дни в этом мире. Первые самостоятельные шаги. Я... совершенно растерянная. Как снять жилье? Что такое пластиковые карточки? Как превратить золотые монеты или украшения в ваши бумажные деньги?

Я представила себе милейшую баронессу у нас... где-нибудь на Сенной. С ее обычными сережками стоимостью с однокомнатную квартиру...

– Алан решил все взять на себя. Забрал браслет с камнями помельче – и пошел в магазин. Там было написано «Скупка». Охранники отняли у него браслет. И вызвали полицейских. Обвинили моего сына в том, что он вор. Представляете?

Еще бы я не представляла.

– Алан связался со мной, назвал адрес, сказал, где он находится. Я прибежала. Меня попросили предъявить паспорт. Я...

– И тут появился Денис, – улыбнулась я.

– Зашел в то отделение полиции просто по своим делам, – кивнула Луиза. – Он спас нас. Причем как-то легко, мимоходом. Нам даже браслет отдали обратно. Денис поехал с нами в тот магазин. Потом помог нам продать браслет, определиться с жильем. С документами.

– И как вы объяснили ему, что у вас нет ничего?

– Сказала, что мы с сыном сбежали и скрываемся. Он еще нахмурился. И помог.

Я кивнула. На тот момент Денис думал, что я мертва.

– И все случилось... быстро. И легко. Как будто это было предназначено судьбой.

– А как Алан отнесся? – спросила я. – К Денису?

– Один раз попытался устроить скандал, что эта связь не достойна

меня. Денис с ним поговорил. И сын как-то быстро успокоился.

– Ежики были подавлены, – пробормотала я.

– Именно так и сказал Денис. Он еще добавил, что так говорила его замечательная преподавательница. Они считал вас погибшей. Тогда же я и поняла, что это ваш знакомый. И очень стыдно, что я...

– Перестаньте.

– Вы понимаете, у меня, кроме Алана и Дениса, остались только вы и Ричард. Больше никого.

– А ваша семья?

– Нет семьи. От меня же отрекся не только род моего мужа.

– Как это?

– Моя семья тоже отеклась. Сразу же, на первом заседании. Даже опередив барона Кромера. – Глаза Луизы сузились, она побледнела. И только тут я поняла, сколько же пришлось пережить этой маленькой, хрупкой женщине. И какая силища в этой остроносенькой худенькой блондинке.

Баронесса-Одуванчик. Вот только каждая белая пушинка этого одуванчика – маленький острый кинжал. И биться эти шпаги-лилипутики будут до последнего. Даже с великаном.

– Странные у аристократов родственные отношения, – удивилась я. – А вы хотите вернуться обратно?

– Я не знаю.

– А Алан?

– Он как раз хочет вернуться. В Академию главным образом. Говорит, что здесь ему скучно.

– Вот-вот. И Пауль заявляет то же самое.

– И к какому решению вы пришли?

– Сегодня отпустила. Но с удовольствием наблюдала все эти дни, как он учится привлекать на свою сторону союзников. Император Фредерик, например, уже на его стороне. Относительно моих решений он занимает позицию нейтралитета. Однако поддержал Пашу в том, что моего отца надо привлечь на свою сторону.

– И что же? Удалось?

– Вы понимаете, идея была хорошая, а вот исполнение подкачало. – Тут я начала хохотать.

– Что? – посмотрела на меня Луиза.

– Это сказал император Паше, когда тот пытался мной манипулировать в прошлый раз.

– Когда организовал свое похищение с помощью бабушки?

– Именно.

– Вы очень рассердились на сына?

– Я попросила его так не делать. Попыталась объяснить ему, что такими методами он ничего не добьется, а испортить отношения со мной – испортит. Более эмоционально отреагировал Рэм.

– Да что вы? И как именно?

– Он ушел в самоволку и перешел порталом специально, чтобы Паше съездить по физиономии. Они подрались. Рэм кричал, что такого дурака, который так маму не ценит, он еще не видал.

– И что теперь?

– Да что им будет? Подрались. Их растащили. Помирились. А вот Феликс с ним упорно не разговаривал. Пришлось их мирить мне самой.

– А что с новым планом вашего сына?

– Паша попросил императора поговорить с дедушкой – соответственно, с моим отцом. Сказано – сделано. Фредерик взял бутылку гномьего самогона и отправился к нам в гости. – Тут я снова начала хохотать.

– А там-то что могло произойти?

– Как что? Там произошла мама. Она их как увидела в невменяемом состоянии, так там всем мало места было...

– Что? – опешила Луиза. – Это же император?!

– Ну и что... У него был новый жизненный опыт – он встретился с моей мамой в гневе.

– И... как?

– Теперь папа поддерживает идею Паши учиться в Академии. Он же из силовых структур, ему эта идея близка и понятна. А уж после того, как они выпили за братание родов войск – тем более. Мама же резко против. Император собирается прибыть. Мириться. Спрашивал, какие драгоценные камни предпочитает моя мама. Я рекомендовала ему не рисковать.

– Занятно. Никогда не рассматривала фигуру императора как...

– Человека?

– Именно. Мне он всегда казался олицетворением власти. Сильный, подавляющий своей мощью. Когда он рядом, хочется встать на колени, а не самогон пить.

– Поэтому вы предпочтете остаться здесь?

– Все имеет как свои плюсы, так и свои минусы. Посмотреть в глаза *родственников*, когда твой красавец муж – ставленник императора... Это тоже... приятно... – А вот теперь я увидела светскую львицу империи... Очень злую львицу – Вустер нервно курит в сторонке.

– Не без этого, – вслух согласилась я.

– Император предложил ему полномочия, сопоставимые с полномочиями милорда Милфорда. А это карт-бланш.

– Только, как я понимаю, Денису тяжело придется, потому что в империи как минимум два Уголовных кодекса. Один – для обычных людей, а другой – для аристократии.

– Три. Дворяне, что служат в Имперской армии, подчиняются своим законам.

– Да... Это все – исключительная головная боль.

– Поэтому Денис и медлит с принятием решения. Но признает, что предложение более чем заманчивое. К тому же оно позволит Алану занять свое место наследника Кромеров. Пока – до окончания Академии – под опекуном императора, чтобы избежать пристального внимания родственников.

– И вы вернетесь к привычной жизни...

– К привычной жизни – к роли послушной дочери и нелюбимой жены – не хочу, – сжала губы Луиза.

– А чего вы хотите, Луиза?

– Дочку, – улыбнулась женщина. – Денис... сделал мне предложение.

– Дочку и я хочу... – тихо проговорила я.

На этом мы и расстались. За Луизой приехал Денис.

Они вышли из кафе, приветливо махнув мне рукой. Большой и сильный мужчина в форменной куртке СОБРа и маленькая, хрупкая и невероятно элегантная блондинка. В который раз удивилась – как у нее это получается? Прическа – локон к локону, волосок к волоску. Блестящие лаковые сапоги на высоких шпильках. И современно, и по-имперски. Денис прижал Луизу к себе, прежде чем открыть ей дверь «УАЗа». Медленно падал снег. На капоте мурлыкала огромная белоснежная кошка с глазами-сапфирами. Зверюгу звали Нежность, и видела ее только я... Денис посадил Луизу в прогретую машину, и они тронулись. Кошка недовольно прыгнула с капота и села на снег вылизываться. Я прижалась к витрине кафе. Сапфировые глаза уставились на меня, в голове нежно зазвучало:

– Тоже хочешь? Ну так, милочка, в чем же дело? От тебя одной все зависит...

Дверь распахнулась, впуская сырость и холод. Я поежилась. И по тому, как все замерли в кофейне, поняла, кто пришел.

– Ты позволишь к тебе присоединиться? – чуть поклонился мне принц Тигверд.

Я кивнула.

– Хочу тебя поблагодарить, – сказал он.

– За что?

– За Пашу.

– Это было его решение. Лично мне, честно говоря, очень хотелось бы отнестись ко всему произошедшему со мной осенью как к сну. Интересному, занимательному. Но не более.

– Я должен тебе пирожное! Как оно называется?

– Оно называется песочная корзиночка с малиной. Очень вкусное и невероятно калорийное. Я сегодня его уже ела, тем более мы с Луизой только что пили кофе. Ричард, я устала, давай в следующий раз, хорошо?

Вышла, села в машину. Огромная белая кошка с сапфировыми глазами занимала почти весь капот... «Пыжик» – не «УАЗ»...

– Я же говорю – сама виновата...

Домой приехала быстро – было уже поздно, пробок не было. Маме сказала, что ужинать не буду. Лимит калорий был исчерпан. Кажется, я уже заедаю грусть-тоску сладким, а это очень опасно! Так я ни в один свой костюм не влезу. Надо, кстати, купить себе синий.

Поднялась к себе. На тумбочке у кровати меня ждал сюрприз: коробочка корзиночек с малиной из кафе и... букет подснежников. Самых настоящих подснежников! На кровати мурлыкала белая кошка с сапфировыми глазами – Нежность...

Глава 18

– Завтра! Завтра! Завтра! – пели колокольчики счастья в моей голове...

Завтра главный целитель Ирвин разрешит подняться с коляски Феликсу. И завтра же мы решили отпраздновать победу Паши на чемпионате Европы среди юниоров, к которой – честно говоря – он отнесся более чем спокойно.

К нам должен был прибыть на праздник император Фредерик. Он постановил, что желает провести субботу с нами. «С семьей», – как он охарактеризовал.

Мы с мамой встали к плите еще с вечера. На утро решили оставить только пирожки, чтобы горячими были. Я хохотала, рассказывая ей, как фаршировала перепелов – и как единственная их и ела.

– А все остальное было съедено до нас... И Ричард...

– Ника, – остановила меня мама. – Я могу задать тебе вопрос?

– Решила брать пример с императора? Будешь пытаться нас помирить?

– Они оба – и Ричард, и его отец – плохо тебя знают, – вздохнула мама. – Оставили бы тебя в покое, ты бы уже придумала, почему не злишься, и дело с концом.

– Возможно, – кивнула я. – А вопрос какой?

Мама вздохнула:

– Ты любишь Ричарда?

– Да, мам.

– А злишься потому, что он не оправдал твоих ожиданий?

– Не знаю, – вздохнула я.

– Знаешь мой любимый тест на человеческую совместимость? – улыбнулась мама. – И любовь заодно.

– Какой?

– Ты хочешь от него ребенка?

– Да. – Тут я не задумывалась.

– Тогда прозлись хорошенько – пока не простишь. И иди к нему.

– Да, мам... Далеко императору Фредерику до твоих способностей...

И вот теперь я вертелась и не могла заснуть. Ну, маменька! Ну, удружила! Рассмеялась, посмотрела на подснежники... Закрыла глаза и перенеслась к Ричарду. А что, повод есть: надо же его на завтрашний праздник пригласить. Ну и спасибо сказать за пирожные и цветы...

Почувствовала, как полыхнул огнем указательный палец, с которого я словно бы и не снимала перстень, и очутилась в какой-то непонятной сырой местности. Изумрудно-зеленая растительность, тяжелый, сырой воздух. Туман полз седыми прядями – серебристые волосы Тигвердов. Под ногами хлюпало и пружинило.

Я, честно говоря, рассчитывала на поместье, думала, что Ричард возвратился в империю к своим обязанностям. Можно было бы предположить, что Ричард снова грустит у костра в лесу, погруженный в свои воспоминания. Или спит на шкуре у камина в той самой избушке... Но никак не ожидала, что это будет...

– Болото? – печально сказала я сама себе. Когда я слышала свой голос, становилось не так страшно. И тогда позвала: – Ричард?

Ответа не было. Прислушалась к себе и поняла, что он где-то здесь, неподалеку. Я сделала осторожный шаг, потом еще и еще. И наконец нашла, что искала...

Посреди тумана зеленоватым огнем мерцал полупрозрачный кокон, освещая небольшую поляну. Ричард лежал, раскинув руки, чуть выгнув спину, подавшись вперед навстречу ищущим прикосновения губам той, что ласково склонилась над ним. Обнаженная девушка была прекрасна. Я не могла оторвать глаз от мерцающей изнутри перламутровым блеском зеленоватой кожи. От длинных белоснежных волос. Они, поблескивая россыпью золотистых жемчужин, целиком укрывали и ее саму, и Ричарда. Видела, как светятся любовью и нежностью, меняя цвет, будто само море плещется в них, глаза русалки. Ия!

Ричард проводит время с русалкой... Прекрасно. Тогда зачем таскаться ко мне с веником первоцветов и кондитерской продукцией? Кто-то просил?

Было больно. Нестерпимо больно. Я думала о том, что даже волосы мне отрастил Рэм. Завтра же схожу в парикмахерскую и верну себе каре. Я не принцесса из сказочного мира – я человек, лишенный магии. Не русалка, не фея, эльфийка и кто там еще? Хочешь русалку – бери русалку, кто-то не дает? Зачем... Зачем, зачем, ну зачем он так со мной?

Я уже и не помню, ни как уходила, ни как оказалась в доме у родителей. Не знаю, сколько прошло времени перед тем, как я услышала голоса своего семейства...

– Ника! Ты проснулась? – голос мамы ворвался в мою пустоту. Я все оглядывалась, пытаюсь отыскать рядом кошку Нежность. Посмотреть в сапфировые глаза и попытаться понять – зачем? Зачем была эта неделя. Зачем он ходил вокруг меня, оставаясь невидимым. Зачем это: «Хочу понять тебя...»

– Иду, – отозвалась я глухо.

Первыми из империи прибыли мальчишки. Паша сиял как начищенный пятак. А Рэм был хмур.

– Миледи Вероника, – начал он торжественно. Значит, сотворил какую-то глупость.

Я на всякий случай уселась. Сложила руки на коленях и приготовилась слушать.

– Я вызвал принца Тигверда на дуэль.

Тяжело вздохнула. Подумала, что надо бы у Ирвина попросить успокоительного. Бочоночек. А то, если все стрессы заливать крепким алкоголем, как я делаю в последнее время, сопьюсь.

– И что? – поинтересовалась только, проглотив все мыслимые и немыслимые ругательства.

– Он заявил мне, что я – его приемный сын. И драться он со мной не намерен.

– Значит, у принца Тигверда в голове есть мозги, чего нельзя сказать о тебе.

– Но ваша честь...

– Моя честь, – усмехнулась я. – Рэм. Все было с обоюдного согласия. Я разорвала помолвку. Прежде всего потому, что не собираюсь в империю Тигвердов. Мне и здесь, дома, хорошо. Поэтому...

Юный герцог коротко поклонился мне и ушел. Недовольный.

Император прибыл всего на полчаса. И выглядел он как-то издерганно. Но он улыбался, поздравлял Пашу. Дал отмашку Ирвину, и тот разрешил Феликсу подняться.

– Только нагрузки увеличивайте постепенно! – порекомендовал главный целитель и недовольно посмотрел на Пашу и Рэма.

Мы всем семейством закивали.

Когда Феликс сделал свои первые шаги – неуверенные, робкие, неуклюжие – у меня на глаза навернулись слезы. Я почувствовала себя счастливой. И какая разница, что там с моим разбитым сердцем! Вот оно – счастье! Здоровье моих детей. И пусть весь мир подождет, как в рекламе...

Да здравствует магия, да здравствует империя Тигвердов, аве Ирвин! Я согласна на огромную белую кошку с глазами-сапфирами вместо мужского внимания навсегда, только пусть Феликс будет здоров...

– Вот видишь – все получится, – шептала я ему. И в какой-то момент поняла, что он тоже плачет.

– Можно я буду называть вас мама, а не миледи Вероника? – тихо спросил он.

– Конечно, сынок, – обняла я его.

Император и Ирвин удалились быстро. Мальчишки убежали во двор.

– Ненадолго! – крикнула я.

Вернулись они быстро и еще и притащили Грея в дом.

– Что за новости? – поднялся отец. – Это с чего бы?

– Мам, – обеспокоенно спросил Паша, – ты не чувствуешь?

Из-за восторгов и нахлынувших чувств я действительно ничего не почувствовала. Описать это сложно – что-то было не так... В воздухе, внутри каждого из нас. Грей был. Был и трясся.

Вдруг воздух глухо завибрировал, протестующе загудел, словно сопротивляясь вторжению извне.

– Быстро ко мне! – скомандовал Рэм.

Мы подчинились. Даже отец не стал спорить, только потянул за собой замешкавшегося Феликса.

– Пауль, энергию на меня, – продолжил юный герцог. – Миледи, зовите на помощь.

– Ричард?! – позвала я. Получилось как-то неуверенно.

Воздух сжимался, закручиваясь в воронку. Потом раздался хлопок, от которого я на мгновение оглохла. Мир словно осыпался осколками разбитого зеркала, и я внутренне взывала от ужаса, зовя на помощь всех, кого знала.

По гостиной смазанными тенями кружили вокруг нас странные существа. Фигуры вроде бы человеческие, а вроде бы и нет. Они клубились, сливаясь с пространством.

– Нашей защиты надолго не хватит. – Лицо Рэма было бледно, он не открывал глаз. Паша стоял рядом. Лоб сына блестел от пота. Я понятия не имела, что они делают, но чувствовала – силы заканчиваются у обоих.

– Ричард! Фредерик! Милфорд! Кто-нибудь! – кричала я безмолвно, понимая, что если буду кричать вслух, то могу сбить концентрацию Рэма и Паши. – Ричард!!! Владыка Ир!

– Мама, сделай что-нибудь, – шевельнулись белые губы Павла.

И тут меня обуял гнев – никто не смеет нападать на моих детей! Я прекратила тратить силы на то, чтобы до кого-то дозваться. Сконцентрировалась и рванулась туда, где безопасно. В поместье Ричарда. Почему-то я была уверена, что там нас никто не достанет.

Самое сложное было захватить всех с собой. Я растворилась в сердцебиении тех, кто меня окружал, кто был дорог мне, без кого я не мыслила своей жизни...

Нападающие, видимо, что-то почувствовали – в уши вонзился

голодный пронзительный вой.

У меня было ощущение, что мне вырвали сухожилия и связки. Я рухнула на колени и закричала от нестерпимой боли.

– Доченька! – обняла меня мама. – Мы спаслись. Все хорошо...

С трудом открыла глаза. Огляделась. Все были на месте. Злой отец, испуганная мама. Белые от напряжения Рэм и Паша. Крепко стоящий на ногах Феликс. И даже Грей, нерешительно нюхающий воздух чужого дома.

– Я в восхищении, миледи, – чуть поклонился мне Рэм. – У вас прекрасный магический потенциал.

– Спасибо, – усмехнулась я. Боль вроде бы чуть поутихла, но следом за ней накатилась слабость. – Мы совсем недавно выяснили с милордом Милфордом, что я вовсе не маг.

– Я думаю, – мягко ответил мне герцог Рэймский, – это не совсем так. Просто вы не умеете управлять своей силой. И она вас в обычной ситуации не слушается.

– Вероника, что происходит? – спросил отец.

– Понятия не имею, – честно ответила я.

– Кто напал?

– Ответ прежний. Пап, я правда не знаю...

– Миледи? – выскочил к нам Джон Адерли. – Что происходит?

– На нас напали, – быстро сказал Рэм. – Миледи Вероника нас вытащила, но я не уверен, что за нами не пойдут и в империю.

– Понял, – кивнул Джон. – Прошу за мной.

Мы зашли в кабинет Ричарда. Через минуту к нам присоединились и слуги.

Джон ходил вокруг нас, делая пассы руками. Стены при этом мерцали разными цветами – очень красиво. Я могла только осознавать, что мы спаслись, и любоваться разноцветным маревом. Больше сил не было. Ни на что...

– А милорд? – спросил у меня Адерли.

– Он на каком-то болоте. Занят.

Перед глазами мелькнули губы Ии, ее глаза и распластанное тело Ричарда. Как он раскинул руки. Видимо, для того чтобы обнять прекрасную русалку... Быть может, магическое существо, сестра владыки глубин морских, красавица Ия, действительно подходила сыну императора гораздо больше, чем я – средних лет женщина с тремя детьми и лишним весом.

– Потом объясню, – ответила я на вопросительный взгляд слуги.

– Я не могу связаться ни с хозяином, ни с императором, ни с милордом

Милфордом. Кто-то блокирует связь, – сообщил Джон. – Посидим пока здесь. Как только что-то станет ясно – будем действовать. Но я уже вызвал однополчан. Скоро верные принцу Тигверду люди будут здесь.

– Значит, ты здесь прожила полгода? – спросила мама.

– Да, мам... – Я попросила Джона представить маме с папой остальных слуг. Сама отошла в полумрак кабинета, сползла на диван. Дышать. Дышать и не уходить. Только не уходить, не падать в обморок, не отключаться. Я им нужна. Мало ли что...

Эмоции старалась максимально отключить – сейчас не до этого. Сколько Феликс на ногах? Не навредит это ему? Надо позвать кого-нибудь, сказать. Но сил не было даже на это.

А там, дома, в понедельник у меня были пары у заочников. И мои любимые студенты. Ну и что, что уже успели в деканат жалобу на меня накатать? Так я уже их убедила, что они не правы. Они уже каялись. А всего-то прошел один семинар, на котором я объяснила, что знать родную историю не только их гражданский долг, но и важный этап в становлении личности. Гармоничной и всесторонне развитой. Так что на завтрашних парах мне жизненно необходимо быть.

– Миледи Вероника! Посмотрите, кто к нам добрался! – ворвался в мои мысли голос Джона.

Я попыталась сесть. К моему удивлению – получилось.

– Как хорошо, что вы не пострадали, – обрадовался милорд Милфорд.

– Вы знаете, что происходит? – спросила я его.

– Хотел бы, но увы – нет... – печально ответил он. – Пока выглядит все так, будто Ричард поднял бунт и пошел против отца.

– Что? – поморгала я, пытаюсь понять: ослышалась я или нет. – Вы же понимаете, что это бред.

– Принц Ричард, конечно, предан отцу, но иногда бывает, что такая преданность имеет свойство заканчиваться. Особенно под гнетом обстоятельств...

– Что? – возмутилась я. – Ричард, когда посчитал, что его предали, просто самоустранился! А в последнее время так вообще в себя пришел!

– Ненаследный принц Тигверд, – нейтрально сказал Милфорд, – несколько часов назад зачаровал начальника охраны императора. После этого граф Крайом пытался убить повелителя. Император ранен.

– Несколько часов назад ваш ненаследный принц был... занят, – ядовито сказала я. – И явно не бунтом.

– Чем был занят? – уточнил начальник контрразведки.

Я осмотрелась и, убедившись, что меня не слышат ни родители, ни

сыновья, тихо проговорила:

– Он в каком-то изумрудном, болотистом таком мире с сестрой владыки Ира. И у них там – полная идиллия.

– С Ией? – не поверил мне Милфорд. – И идиллия... В каком смысле?

– В том самом, – скривилась я.

– Этого просто не может быть.

– Да, конечно! – саркастически фыркнула я.

– Этому должно быть какое-то объяснение. Околдовали, зачаровали...

– И слушать не желаю!

– Изумрудный... Болотистый... Запретные земли? Родина кентерберийской змейки? – начальник контрразведки будто разговаривал сам с собой...

– Довольно. Я не хочу говорить ни о ней, ни о нем. – Пустота, поселившаяся в сердце, алчно грызла меня изнутри, отключая здравый смысл. Где-то на краю сознания шевельнулась мысль о том, что, может быть, это все не... Но пустота наваливалась с новой силой и смеялась в лицо, отменяя любые версии, кроме очевидной...

– Император сразу сказал, что это не Ричард, – тихо проговорил Милфорд. – А ведь даже я на какое-то мгновение усомнился.

– Ну и зря, – проворчала я. – Как себя чувствует его величество?

– Ирвин сказал, что, несмотря на тяжелые ранения, жизни императора уже ничего не угрожает.

Я покачала головой.

– В процессе следствия мы выяснили, что на графа Крайома было оказано сильнейшее магическое влияние. Таким влиянием обладают только члены Императорского дома. Тигверды в состоянии подчинить себе любого подданного.

– Значит, у вас есть еще один член Императорского дома. Помимо тех, кого вы знаете. Пересчитайте лучше.

– Этого не может быть.

– Отчего же? Вот смотрите: из Императорского дома есть кто?

– Сам император. Ричард. И наследник – Брэндон.

– Методом исключения – это не Фредерик. Это не Ричард.

– И это не Брэндон. Он еще не настолько силен, чтобы пробить защиту начальника охраны... Тем более он был на виду в момент покушения. Его видели, есть свидетели.

– Понятно. У принца алиби. И что получается? Есть кто-то еще с такими же способностями. Умеющий менять обличья. Да так, что обнаружить подделку не могут даже самые близкие. Может, это

предыдущий император? Максимилиан, кажется... Может, он?

Глава 19

Я еще раз подумала и решительно повторила:

– Нет.

Император только тяжело вздохнул. Фредерик давал аудиенцию в собственной спальне. Выглядел он не очень хорошо – бледный до синевы, черты лица заострились... Судя по тому, как суетился Ирвин, Фредерик был ранен серьезно.

Мы с ним еще помолчали, потом он обреченно поинтересовался:

– И как вас убедить остаться во дворце?

– Никак.

– Вероника! Вы выбрали неудачное время, чтобы демонстрировать упрямство. И если мне понадобится посадить вас под замок, чтобы сохранить вам жизнь, я так и сделаю, – недовольно пророкотал он.

– У меня завтра занятия в Академии.

– А у меня – самое удачное покушение на власть со времен моего деда.

– Допустим, но при чем здесь я?

– Сам не очень-то понимаю... – признался Фредерик. – Но тот, кто это затеял, считает вас первоочередной мишенью – наравне со мной. И меня это беспокоит. С учетом того, насколько вы беззащитны...

– Я не останусь. Родители в поместье, под присмотром Джона Адерли. Мальчишки – Пауль и Рэм – в Академии. Феликса забрали туда же, в госпиталь. Все – в безопасности. А я отправляюсь домой!

– Послушайте, Вероника, давайте вы будете Ричарду нервы мотать – ваше право. Мои же приказы следует исполнять.

– Принц Тигверд оставил меня.

– Да, конечно, – насмешливо фыркнул император.

– А вам откуда знать?

– Я его чувствовал вчера очень отчетливо, он был настолько счастлив... Никакой горечи, никакой тоски... Он даже закрыться толком не мог – от него веяло... надеждой. Как тогда, когда вы только-только начинали сближаться в империи. И я не думаю...

– Фредерик, – тихо сказала я. – Слушать о том, что было еще вчера... Зная, что случилось. Это невыносимо больно.

– Да о чем вы? У меня такое чувство, что я чего-то опять не знаю! – Император скривился от боли.

– Вы же чувствуете эмоции близких людей?

– Да. Когда более отчетливо, когда – менее...

– Я видела его с... другой женщиной.

– Это полное сумасшествие. Может, он был под заклятием?

– Перестаньте, Фредерик. Все сначала меня убеждали, что ваш старший сын – самый сильный маг империи, после вас, разумеется. А теперь выясняется, что на него, беззащитного и беспомощного, кидают заклятие за заклятием. Так не бывает!

– Как мы видим, – император мрачно посмотрел на меня, – бывает все... Пойдемте-ка со мной.

– Куда? Зачем?

– Когда придем – узнаете. – Он рывком поднялся с кровати, на секунду замер, сквозь зубы выдохнул воздух, смешанный с ругательством. Распрямился. И приказал мне: – Вперед!

– Фредерик, может, вы вернетесь в постель? – испугалась за него я.

– Может, и вернусь. Только одной глупой девчонке докажу, что она не права.

– Да не надо мне ничего доказывать! – расстроилась я. Еще не хватало, чтобы императору стало хуже!

– Не спорьте со мной, миледи. – Он взял меня за руку и потащил.

Так мы и вывалились, переругиваясь, из его спальни в гостиную, оттуда еще в какую-то комнату, набитую людьми. Я шипела, что ему надо вернуться в спальню, в постель. Фредерик скрежетал, что обеспечит мне безопасность, несмотря ни на что. Охрана – усиленная – делала вид, что их тут нет и не предвидится. Ирвин стонал, как малютка-привидение, и голосил, что он отказывается за что-либо отвечать.

Но мы уже были в коридоре. Тут я прекратила ругаться и согнулась пополам от смеха. И мне все равно было, что коридор – как и примыкающие покои – был полон придворного народа. Видимо, аристократы, узнав о покушении, решили разведать, что у них происходит в империи. А может, некоторые и искренне переживали за жизнь и здоровье обожаемого императора.

А тут мы. Все такие неформальные.

Любопытство у присутствующих просто зашкаливало и становилось практически осязаемым.

– Что еще?! – гневно рявкнул Фредерик, остановившись посреди коридора и великолепно игнорируя присутствующих.

– Вы в пижаме... – тихонько сказала я ему.

– А вы в истерике. И что с того?!

Фредерик схватил меня за руку и потащил прочь от обжигающих

взглядов.

– Мы появляемся из вашей спальни. Вы в пижаме, я в джинсах, футболке и тапочках, с распущенными волосами. – Я опять залилась истерическим смехом. – А за дверью – весь двор.

– И что? – Фредерик обеспокоенно посмотрел на меня. – Не понимаю. Но мне не нравится ваше состояние.

– Куда мы направляемся? – Я сделала над собой усилие и прекратила хохотать.

– Недалеко.

Несколько дверей по коридору, потом император постучал и, не дождавшись ответа, распахнул одну из них. Решительным шагом пересек комнату, остановился перед следующей дверью.

– Крайом, – громко сказал он, – это я. И миледи Вероника. И мы заходим. Ты там в приличном виде?

И следом резко открыл дверь.

В полутемной комнате было четверо. Один – на кровати, такой же приятной бледности, как и император. Уже знакомый мне молодой человек – он был в боевой пятерке принца Брэндона. Девочка лет двенадцати и симпатичная молодая женщина. Мгновение – и все уже на ногах, склоняются в церемонных поклонах при виде императора.

– Добрый вечер, – улыбнулся им Фредерик. – Нам с миледи Вероникой стало скучно, и мы решили составить вам компанию.

– Ваше величество, – тихо, но решительно проговорил мужчина на кровати. – Большое спасибо за то, что позволили мне попрощаться с моей семьей.

Женщина сжала кулаки, так что ногти вонзились в ладони, стараясь не кричать. Молодой человек побелел. Девочка испуганно уставилась на отца.

– Странно, но мой целитель утверждает, что ваша жизнь вне опасности, – насмешливо посмотрел на графа император.

– Ваше величество, – поджал губы раненый. – Вы же понимаете, что после произошедшего для меня существуют только два пути – или на плаху. Или... Грудью на собственную шпагу.

– Вот почему вокруг меня все сегодня говорят глупости? – спросил, глядя в потолок, Фредерик. – Сначала Вероника заявляет, что покинет дворец. Теперь вы, объятый непонятной мне склонностью к суициду. А у меня и так день получился не из приятных... Госпожа графиня, возьмите детей и выйдите, пожалуйста. Вам надлежит подождать в соседней комнате.

Мы подождали, пока семья графа нас покинет.

Начальник охраны императора провожал их с болью во взоре, потом, когда за ними закрылась дверь, он откинулся на подушки и прошептал:

– Я допустил покушение на вас. Более того, я сам был орудием этого покушения. Я напал сам...

– Что вы как юная девственница, граф... Вам это не идет.

– Это моя вина. И я должен понести наказание.

– Угу... Вас на плаху. Ричарда – туда же как главу заговора. Милфорда, в принципе, тоже можно привлечь как соучастника. Они же с сыном друзья. Генерального прокурора уже нет, как и начальника Уголовной полиции. И что мне остается в борьбе против заговорщика, который обладает настолько сильной магией, что смял вашу защиту против ментального воздействия? Только наследник, которому, как мы помним, двадцать четыре года и магически он пока уступает даже вам. Ну, и, конечно, ваш сын – кадет Академии последнего курса. Он, безусловно, справится с вопросами безопасности моей семьи гораздо лучше, чем вы?!

– Но, ваше величество...

– А еще у нас есть миледи Вероника, которая решительно не желает оставаться в охраняемом дворце и жаждет отправиться домой. И еще у нее истерика, потому что у нее – распущенные волосы, а я в пижаме! Но она женщина, ей простительно. А вот вам, граф...

Мы с начальником охраны переглянулись и покраснели. Император смотрел на нас, не желая понимать, что смущает теперь не только меня.

– Как мне искупить свою вину, мой император? – склонил голову Крайом.

– Поправляйтесь. И найдите мне того, кто это затеял. Мне очень хочется устроить публичную казнь. Но на плахе я не хочу видеть ни вас, ни Ричарда. Я желаю видеть там преступника! Я желаю знать, кто он! Я император, в конце концов!

– Слушаюсь, ваше величество.

– И еще. Я разрабатываю магическое прикрытие от магии моего рода.

– Ваше величество? – удивился Крайом.

– Вот подумайте: кто в империи Тигвердов самые сильные маги? В особенности по воздействию на разум других?

– Это род императора, безусловно.

– Значит, мы плохо посчитали членов императорского дома.

Император практически повторил те же выводы, к которым пришла и я.

– Даже так? – Глаза начальника охраны блеснули.

– И вот еще один момент – Ричард... Давайте вспомним недавние события. Интрига получилась у кого-то филигранно. Все продумано до мелочей! Обработали глупую бывшую любовницу. Вошли в доверие, поговорили, грамотно нажали на слабые места. Применили магическое воздействие.

«Женщина, – подумала я, но промолчала. – Это могла быть только женщина». Император между тем продолжал:

– И вот – действие записано на кристалл. Его подсунули ненаследному принцу. Замечательно – но ничего необычного. Кроме одного – Ричард в тот момент уже не отличал правду от лжи... Совпадение? Повезло? Или кто-то прекрасно знал, что Верд настолько уязвим именно сейчас?

– Для того чтобы на это рассчитывать, необходимо было это заранее подготовить... – включилась я в мозговой штурм.

– Яд? Заклятие? – предположил Крайом.

– Что было до этого? – Я вопросительно посмотрела на обоих.

– Что? – требовательно воззрился на меня Фредерик.

– Кентерберийская змейка. Я ее как-то ликвидировала, следовательно, спутала противнику все карты. Расчет был на полное поражение. Значит, вариант с кристаллом – запасной?

– Получается, что так, ваше величество. – Крайом одобрительно кивнул в мою сторону.

– А что говорят маги?

– Что такое воздействие силами магии, известной нам, невозможно.

– То есть они ничего не понимают! Ричард прав – надо что-то делать с консультантами по магии. Изучать эту змею, магию других миров. Странно, что они совсем ничего не нашли. Распорядитесь, пусть копают глубже, – недовольно фыркнул император.

– Слушаюсь, ваше величество! Правда, это не совсем мое ведомство... – Больной виновато опустил глаза.

– А чье? – вмешалась я.

– Род Либреверов – потомки придворных магов. Это традиция. Но, боюсь, Удо Либревер, с которым вы уже имели честь познакомиться в тот памятный день, – не самый сильный представитель своего рода. – Император развел руками.

– Или не самый преданный, – заметила я.

– Что вы имеете в виду? – Император налил себе стакан воды. Он был очень бледен. Я понимала, что нашу дискуссию пора заканчивать – мужчины выглядели все хуже.

– Ваше величество, вам пора возвращаться в постель, – осторожно

начала я.

– Вы удивительная женщина, Вероника. Умная, проницательная, образованная. Самоотверженная, готовая к самопожертвованию и... неисправимая эгоистка! Как в вас все это сочетается? Магия вашего мира? – Фредерик хитро сощурился.

– Эгоистка?! Я? С чего вдруг!

– Ага! Я знал, что вас это заденет. Еще раз подумайте о вашей безопасности. Только думайте не только о себе. Но об этом после. А сейчас, пожалуйста, закончите свою мысль – это очень важно.

– Я имела в виду, что отсутствие информации может быть не только по причине некомпетентности. Если ничего не нашли, есть смысл задаться вопросом – а искали ли вообще? Только поймите меня правильно – я никого не обвиняю. Но давайте обратимся к истории. Обязательно должны быть союзники при дворе. А все нити ведут к отсутствию необходимых знаний по магии. Либо это действительно самое слабое звено, либо звенья кто-то расшатал. Намеренно.

– Я вас понял... – Император кивнул. – Теперь сегодняшнее покушение. Крайом, выяснили, куда исчез ненаследный принц Тигверд после того, как побеседовал с вами?

– Никто не знает.

– А вот это плохо. Получается, что в мой дворец имеет доступ человек, желающий моей смерти.

– Странно, что никого не нашли, дворец прочесывали качественно, – расстроено вздохнул граф Крайом.

– Или не нашли никого, потому что он или она в ближайшем покое превратился... в какого-нибудь гвардейца. Или повара, – тихо сказала я.

Крайом посмотрел на меня с уважением.

– Что? Не ожидали... – усмехнулся император. – А ведь именно миледи Вероника первая сказала, что у нас по всем историческим приметам – попытка переворота.

– Миледи, я в восторге. – Оказывается, можно почтительно поклониться, полулежа в кровати. По крайней мере, у графа Крайома это получилось.

– Пустое, – отмахнулась я.

– Вернемся к Ричарду, – нахмурился Фредерик. – Что-то я за него переживаю... И не чувствую я его совсем. Миледи, вы, конечно, оскорблены и можете не верить, но я настаиваю – мой сын под сильнейшим заклятием. И не отдает себе отчета в своих действиях.

Я злобно посмотрела на его величество, но ничего не сказала.

– Все же до конца воздействовать на него не смогли, иначе он убил бы миледи и, скорее всего, что-нибудь бы учинил потом с собой, – уверенно сказал граф.

– Я думаю, что его чувства настолько сильны, что он не смог причинить вред любимой, – возразил император.

– Воздействие такого уровня... – прошептал граф. – С кем же мы схлестнулись? И как этому противостоять?

– С завтрашнего дня всех, кто вхож во дворец, мы переподчиним непосредственно мне. Пусть дают магическую клятву – помимо клятвы верности. И я сделаю так, чтобы эту клятву никто не мог разорвать. Этим мы обезопасимся против воздействия неизвестного мага на разум тех, кто меня окружает. Заодно и прочитаем придворных. Жаль, что Ричарда носит непонятно где... Милфорду будет тяжело. К тому же он уступает в силе сыну. А вы... поправляйтесь и ищите.

– Это ведь кто-то, вхожий во дворец? – спросила я.

– Похоже на то, – ответил граф.

– А если сделать на базе вашей крови оповещалку...

– Как это? – не поняли меня маги.

– Ну, какой-нибудь поиск кровных родственников. И развесить по дворцу. Пусть пищит, если кто-нибудь появится. Или – лучше – записывает на магический кристалл.

– Не бывает магии крови. Это все глупости и страшилки! – задумчиво сказал Фредерик. – Кровь – это не стихия.

– Жаль. А нюхачи... – вспомнила я. – Кровь имеет свой запах? Можно ли по запаху отличить императорскую кровь от другой?

– Возможно... – задумался император.

– Тогда надо брать по капле крови у всех, кто вхож во дворец, – скривился Крайом.

– Еще немного – и я на это соглашусь, – ответил Фредерик. – Хотя привлекать армейцев для операции против аристократии как-то не принято.

– А совершать покушения на императора – это принято? – рассердилась я. – А потом сваливать на Ричарда?!

– По большому счету, – поддержал меня граф Крайом, – мы можем никого и не извещать о привлечении армейцев. Я смогу взять это на себя, ваше величество.

– Отношения с армией на сегодняшний момент далеки от идеальных, – поморщился император.

– Вы всегда можете им сказать, что это делается для того, чтобы вернуть доброе имя командующего Тигверда, – добавила я. – Насколько я

понимаю, они вам столицу в рекордные сроки перенюхают. И перетрясут. Заодно вы выразите свою уверенность в невиновности сына.

– Не лишено смысла. Я подумаю, – ответил император.

– Отчаянные времена требуют отчаянных мер, – процитировала я кого-то то ли из военных, то ли из политиков.

– Не такие уж они и отчаянные, – пожал плечами Фредерик.

Граф Крайом фыркнул.

– Вижу, мой дорогой друг, вам уже значительно легче, – внимательно посмотрел на него повелитель. – А теперь, собственно, зачем мы к вам пожаловали...

– Слушаю, ваше величество! – подобрался начальник охраны.

– Мне было бы приятно, если бы вы объяснили миледи, – император кивнул в мою сторону, – почему ей не стоит покидать дворец.

– Да я уже и так поняла, – вздохнула я тяжело. – Только что я со своей жизнью делать буду?

– Главное, чтобы эта самая жизнь у вас была, – отрезал император. – Все остальное мы решим.

– Вы так протестуете потому, что хотите завтра попасть в Академию, где преподаете? – со знанием дела спросил у меня граф Крайом.

– Да, – не стала спорить я.

– Портал откроют, гвардейцы вас сопровождают, – кивнул мне Крайом. – Я думаю, это вполне решаемо.

– Только надо метки подчинения им сделать, – протянул император.

– И заехать за ноутбуком ко мне домой.

Мужчины уставились на меня недовольно.

– Что? – посмотрела я на них удивленно. – У меня же лекции, а там все материалы...

– Хорошо, – смирился император, – вы с охраной за ноутбуком и личными вещами, а мне необходимо вызвать на личную аудиенцию придворного мага – Удо Ливребера. Пока на личную аудиенцию...

Глава 20

Внезапно я поняла, что хочу есть... Плохая из меня великосветская дама... Имеются: спальня, граф и император – оба в пижамах, я – томная. И голодная-а-а.

– Ваше величество! – Я дождалась паузы в мужском разговоре и вмешалась. – Вы все хотели, чтобы я попросила чего-нибудь для себя.

И император, и начальник его охраны воззрились на меня удивленно. Мужчины... Сначала наобещают женщине, а потом...

– Все, что в моей власти, – торжественно сказал его величество.

– Можете распорядиться насчет ужина? – поинтересовалась я.

Фредерик переглянулся с графом Крайомом – и спальню потряс хохот.

– И что такого смешного я сказала? – строго посмотрела я на них.

– Из всех вариантов, которые я просчитывал, когда обещал вам это... – император махнул рукой, – ужин в расчет я не брал.

– А вы всегда просчитываете варианты, когда что-то обещаете? – тихо и серьезно спросила я.

– Да. – Черные глаза императора смеялись. – К сожалению. Но с вами я всегда просчитываюсь.

– Ваше величество, – быстро сказал начальник охраны, – вы позволите поговорить с моей семьей? Мне бы хотелось их успокоить.

– Конечно, – кивнул его величество. – Я пока распоряджусь. А то миледи Вероника подумает, что я не радушный хозяин. И обманщик, не выполняющий своих обещаний.

– Вовсе я так не думаю, – проворчала я.

Ужинать мы устроились в спальне у графа Крайома. Странно, но его семейство, которое лично я приглашала остаться на ужин, поспешило удалиться. Судя по тому, как мужчины накинудись на еду, они точно не обедали. Да и завтрак, видимо, тоже пропустили...

В самый разгар нашего праздника насыщения в дверь постучали.

– Входите, – откликнулся его величество.

– Мой император! – Милорд Милфорд только что шаг не печатал.

И если оба раненых – что император, что его начальник охраны – были белые до синевы, то начальник контрразведки был серый. По всей вероятности, и у него день удался...

– Новости? – резким, каркающим голосом спросил император.

– Отряд только что вернулся с Запретных земель, повелитель.

– Запретных земель?! А точнее? – Император побледнел еще больше, хотя это, казалось, невозможно.

– Кентерберийские болота. – Милфорд произнес это с трудом, будто у него в горле пересохло.

– Но... почему там? – Фредерик сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Миледи Вероника... Она видела его там.

– Хвала стихиям, миледи не пострадала. И? Не томите, Милфорд! Что вы все вокруг да около – что с моим сыном? Докладывайте немедленно! Или вас всех там искушали кентерберийские змеи?

– Принц Тигверд действительно там.

– Состояние?

– Магия ему подчиняется. Он не стал с нами разговаривать, просто выстроил портал и вышвырнул нас в империю.

– Странно. Эти земли сами по себе высасывают силы из мага, – задумчиво протянул Крайом.

– Ия удерживает защитный кокон. – Милфорд бросил на меня извиняющийся взгляд. Взгляд я поймала, подцепила приличный кусок сочной курицы, щедро обмакнула его в соус и, не теряя с беднягой Милфордом визуального контакта, отправила вкусняшку в рот...

– Водная тварь с водными тварями всегда договорится, – гневно проговорил император. – Ну ничего. Я сам, лично займусь этим. Придется напомнить Владыке Иру, чем он мне обязан.

– Мой повелитель, – склонил голову начальник охраны. – Простите, но для вас сейчас Запретные земли – смерть.

– Большинство моих людей – в госпитале, – согласился Милфорд. – Целители вливают в них энергию, чтобы гвардейцы не потеряли магию. А были мы там от силы десять минут – и нас просто пропустили.

– Благодарю за заботу, господа. Я тронут... Милфорд, свободен.

– Ваше величество, – вскинулся милорд.

– Вы что-то хотите спросить? – насмешливо поинтересовался у него повелитель.

– Я разыскиваю моего друга... с какой целью?

– Найти его, что в этом непонятного.

– Найти? Или подвести под плаху?

– А что, если и так?

– Тогда я бы вас попросил...

– Осторожно... очень осторожно подбирайте слова, которые хотите при мне сказать, милорд, – заскрежетал император. – Что?

Этот рык относился ко мне. Я смотрела на Фредерика укоризненно, и он поймал мой взгляд.

– Можно покормить милорда Милфорда? – кротко попросила я. – Мне кажется, что от усталости и голода он плохо ведет светские беседы.

Император зафыркал. Сначала недовольно, потом насмешливо.

– Кормите, – проворчал он.

Хорошо, что приборов было в избытке – не пришлось посылать на кухню за тарелкой и вилок с ножом.

– Еще бы и алкоголя, – мечтательно протянул император.

– А вам разве можно после ранения? – удивилась я.

– В том-то и дело, что нельзя.

– Слушайте, а кто следит, чтобы вы все хоть относительно правильно питались? – спросила я у графа Крайома.

– Понятия не имею. – Начальник охраны растерянно посмотрел на императора. Тот ответил ему таким же взглядом.

– Вы так скоро начнете кидаться друг на друга. С такими нервотрепками, крепким алкоголем и нерегулярным питанием, – подытожила я.

– Я – деспот и тиран, – гордо провозгласил император. – Мне положено кидаться. Вон и друг моего сына считает, что я Ричарда казнить задумал. – Эти слова император уже пробурчал под нос, не отрываясь от еды.

– Он так не думает, – поспешила сказать я. – Он просто переживает.

– А я? Я не переживаю?! Я не знаю, где мой сын, что с ним. Поэтому и отправил начальника своей контрразведки найти Ричарда. – Фредерик в сердцах кинул вилку на стол.

– Простите меня, повелитель, – отставил еду Милфорд.

– Пустое, – махнул рукой император.

Расходились спать ближе к полуночи. Мы с его величеством дошли до двери моих покоев.

– Спокойной ночи, – коротко наклонил он голову. – Я отдам приказ, чтобы к вам завтра с утра подошел распорядитель. Скажете ему, что вам необходимо.

– Я завтра рано уеду. У меня первая пара в девять утра. А мне еще надо домой зайти – переодеться и собраться.

– Телепортами это все не так и долго – не в ваших пробках стоять, – пожал плечами император. – Он зайдет в семь.

– А можно после работы? Я с утра плохо с людьми общаюсь. Тем

более в понедельник.

– Воля ваша.

– С другой стороны, все, что мне надо, – это мой саквояж, но он остался в Питере. А еще – я бы познакомилась с имперскими газетами.

– А эта гадость вам зачем?

– Любопытно.

На этом мы и распрощались.

Утром я попала на занятия вовремя. Студенты, видимо, смирились с тем, что преподаватель предмет свой любит, трудностей не боится и просто так не отцепится. На удивление вели себя прилично. И к семинару были готовы.

А после работы охрана доставила меня во дворец. Меня уже ждал управляющий двора, некий господин Хорм. Не знала бы, что это слуга – подумала бы, что герцог как минимум. Или даже член августейшей семьи. Если поставить рядом с ним Ричарда или Брэндона, так те попроще будут. Да, наверное, и Фредерик тоже.

– Миледи, – низко поклонился он. – К вашим услугам.

Мда... Сколько надменности, презрения и ненависти можно показать в учтивом низком поклоне... Надо будет слезно попросить господина Хорма научить меня... Буду так раскланиваться с маркизой Вустер!

– Добрый день, – аккуратно поздоровалась я.

– Приказ его величества выполнен. Ваш саквояж доставлен. Как и газеты.

– Прекрасно, спасибо.

– Какие будут распоряжения, миледи?

– Газеты – свежие, завтрак – в семь тридцать. Ужин – в семь. И покажите мне, пожалуйста, где кухня.

– Что? – Видимо, таких просьб ему еще слышать не доводилось. – Как это?

– Мало ли, вдруг мне есть захочется... Или же нападет фантазия блинов напечь. Не поднимать же всех. Кстати, сковородки на кухне приличные есть?

– Вы как себе это представляете? – презрительно отозвался господин Хорм. – Гостья... императора – и на кухне. Да... При императоре Максимилиане такого бы не было. Тогда все знали свое место. И девки по императорскому дворцу не бродили с распущенной волосней. И уж тем более распоряжений не отдавали.

– Может быть, тогда императора кормили вовремя? – язвительно поинтересовалась я. – А то, как ни встретишь его величество – он то не

завтракал, то не обедал, то не ужинал?

– Вы и так – пощечина всему, что есть в империи, – величественно изрек старик, – сидели бы вы в своих покоях и не выходили бы на люди свой позор показывать.

– Лучше скажите, кто заведует тем, чтобы его величество кушал регулярно, четыре раза в день?

– Да какое твое дело? – взвизгнул господин Хорм.

– Если вы отвлечетесь от своих обличительных речей и оскорблений в мой адрес и вспомните все же, кто есть кто, то ответите на мои вопросы. И мы с вами подумаем, как все организовать, чтобы и его величеству, и его окружению было комфортно.

– Вот при батюшке императора Фредерика... – опять завелся управляющий двора.

– Видимо, император Максимилиан не питался вообще. Или ходил для этого по придворным. – Я смотрела на Хорма в упор, в лучших традициях психологических тренингов, целясь в переносицу. Показалось мало, и я представила, что он мой ученик и не выучил историю... Видимо, перестаралась. Старик не выдержал и заорал:

– Ты что – всерьез решила, что если постель милорда Верда на императорскую поменять, можно во дворце распоряжаться?

– Вот вы мне скажите, уважаемый... А у вас приказ какой? – нежно улыбнулась ему я.

– Выполнять ваши распоряжения. – Лицо у господина Хорма стало такое, словно он уксуса хлебнул во славу империи.

– Вот и выполняйте, – так же ласково посоветовала ему я. – А в мои отношения с императором Фредериком и принцем Тигвердом не лезьте, мы сами как-нибудь разберемся.

На пороге моей гостиной послышались негромкие, но выразительные аплодисменты.

Мы обернулись. Старика знатно перекосило – это был император. Собственной персоной. Распорядитель согнулся в низком поклоне.

– А вот скажите мне, – проскрежетал Фредерик, – как бы с вами поступили при моем благословенном всеми четырьмя стихиями правильном батюшке за такие разговоры?

– Позорная отставка. И рудники за оскорбление члена императорской семьи, – чуть слышно ответил распорядитель.

– Отлично. Значит, вы отдаете себе отчет в своих поступках.

– Ваше величество! Но ведь так все равно нельзя. Фаворитка должна знать свое место. И она не может вести себя как первая дама двора. Как

ваша супруга! – уже не мог остановиться старый служащий.

– И вот почему меня называют тираном? – обратился Фредерик ко мне. – У меня иной раз складывается ощущение, что вокруг меня – абсолютная вольница. И каждый делает то, что ему вздумается. И более того, оскорбляет людей, которых я считаю своими. Тем самым оскорбляя меня как повелителя. И хозяина.

Старик рухнул на колени.

– Просто прислуга слегка одичала от невнимания, – пожала я плечами.

– Слушайте, – у императора загорелись глаза, – а вы можете сотворить то же чудо, что и в поместье сына?

– Еда вовремя?

– И пирожки, – мечтательно прикрыл глаза император.

– Вот вы точно еще не ужинали, – нахмурилась я.

– Но я сегодня обедал! – похвастался Фредерик. – Ирвин сказал, что он подаст в отставку, поднимет бунт и уйдет лечить верхушку Османского ханства, если я не съем суп.

– Зачем же до такого состояния доводить замечательного специалиста? – удивилась я.

– Некогда было! Кстати, Крайому тоже досталось, – наябедничал император.

– Хорошо, ваше величество, я согласна. Только у меня будет одно условие.

– Вот так сразу, – нахмурился Фредерик.

– Я вам напишу, в какие часы вы кушаете, а вы – приходите. И едите. Несмотря на занятость, совещания, мероприятия и прочие события. И не доводите меня до бунта. А то мы его поднимем вместе с господином Ирвином. И будет вам на завтрак полезная овсянка. На воде. И без соли.

– И на черном знамени восставших будет миска с кашей.

– Именно, – кивнула я. – Как символ правильного питания...

Мы переглянулись и захохотали.

– А кто вам будет помогать? – спросил император. – Вы же еще работаете в академии.

– Вот этот милый человек и будет, – кивнула я на коленопреклоненного распорядителя.

– Я намерен его наказать, – нахмурился Фредерик.

– Я тоже, – широко улыбнулась. – Поэтому будет логично, если он поступит в мое распоряжение.

– Вы правда считаете, что это достойная замена каторги?

– По крайней мере, этот человек искренен, и я знаю, чего от него

ждать, – пожала я плечами. – А там посмотрим.

– Только я хочу предупредить господина Хорма относительно его искренности... – сказал император так, что даже у меня прошлось морозом по коже.

– Простите, ваше величество, – проговорил управляющий.

– Ужинать? – спросила я.

– Давайте, – согласился Фредерик.

Я распорядилась, чтобы накрыли стол в малой столовой. Возражений от любителя строить императорских фавориток не последовало. Старик рванул из моей гостиной, как резвый молодой сайгак.

Мы же с императором чинно расселись по креслам – и принялись ждать, когда нас позовут.

– Вероника, только одно замечание, – обратился ко мне Фредерик. – Если с вами еще раз посмеют говорить в таком тоне, то пойдут и позорные отставки, и ссылки, и – для особо непонятливых – рудники. И я не желаю, чтобы вы хоть как-то кого-то защищали передо мной в этом вопросе.

Я задумалась. Потом спросила:

– Слушайте, а у вас в империи нет такого понятия, как общественно полезная работа? Суток на пятнадцать.

– Как для кадетов Военной академии?

– Если уж на наследного принца и его свиту благотворно влияет покраска казарм и уборка отхожих мест, то почему бы не предоставить такую возможность и дворцовой прислуге? При необходимости.

– Миледи... Я в восторге.

– А еще – в качестве особого наказания – назначать на работы прилюдно. И наряжать в какие-нибудь яркие комбинезоны. Оранжевые, скажем.

– Хороший способ избавиться от старого распорядителя и прочих имперцев, кто с тоской вспоминает правление моего батюшки, – хмыкнул Фредерик.

– Почему избавиться? – удивилась я. – По-моему, хорошая альтернатива, когда и наказать надо, а на рудники ссылать пока вроде и не за что. Или не хочется.

– Потому что этих ревнителей приличий удар хватит. Ровно на том моменте, когда на них комбинезон прилюдно надевать будут.

Я замолчала. Как-то не подумала, что такое унижение для жителей империи, особенно для той ее части, что ценили статус больше всего на свете, будет равняться смертному приговору.

– Что вы опечалились? Неужели переживаете за жизнь и здоровье

всяких высокомерных дураков?

– Я не люблю жестокости.

– Это империя, миледи Вероника, – пожал он плечами. – И я – император. Но можете мне поверить, я тоже не люблю жестокости. Но...

Фредерик покачал головой.

– Мой батюшка, император Максимилиан, был великий человек. И для него единственным мерилom всего было величие империи Тигвердов. Окружающие его люди оценивались лишь с точки зрения полезности или бесполезности для его грандиозных планов. Он желал – ни много ни мало – вернуть империи ее исконные земли. То, что эти земли очень и очень давно отошли соседним государствам и особой необходимости в них не было... его интересовало мало. То, что постоянные локальные войны и грызня с соседями поставили империю на грань экономической катастрофы... Это тоже не повод отказываться от великих планов. К тому же наша армия действительно не знает поражений – это факт.

Фредерик поднялся, обошел мою гостиную.

– Но он был велик. Вот только наследник его все время разочаровывал. И историей любви с наследницей обедневшего рода Рэ. И рождением внебрачного сына. И признанием сына.

– А ваша матушка?

– Что матушка? – не понял он.

– Она поддерживала вас?

– Матушка была – прежде всего – императрицей. Еще – женой своего мужа, великого императора Максимилиана. На то, чтобы быть мне матерью, у нее просто не оставалось времени. Да и потребности особой, как я понимаю, не было.

– Грустно.

– К сожалению, это не грустно, это как раз нормально для великой империи Тигвердов, – с насмешкой проговорил Фредерик. – Поэтому я...

В дверь осторожно постучали.

– Да, – отозвалась я.

Слуга, ежесекундно кланяясь, отчитался, что ужин подали.

– У меня к вам просьба, – обратился ко мне император, когда мы поели и перешли с кофе в гостиную – уже императорскую. – Не читайте сегодняшние газеты.

– Там гадость какая-то про меня?

Фредерик кивнул.

– Слушайте, а как у вас деспотия уживается с такой свободой слова? –

удивилась я.

– Как-то уживается, – пожал плечами император. – Газеты и журналы – сами по себе. Если дело не касается государственной безопасности, то каждый волен делать то, что приносит больше денег.

– А прогосударственные издания?

– Военные. И политические.

– А вот это вы зря. Их же не читает большая часть населения. Надо что-то красивое, яркое. Со сплетнями о высшем свете. Но с нужными вам сплетнями. Формирующими общественное мнение. А так... Вы самоустранились, а люди – существа любопытные. Сплетни любят...

– Прогосударственный журнал со сплетнями? Никогда не думал об этом.

– Именно. И вот там было бы написано не то, что ваша любовница, которую вы отбили у собственного сына, провела ночь не только с вами, но и с вашим начальником охраны. А потом и с примкнувшим к вам милордом Милфордом... А что-нибудь более полезное для вашего и моего имиджа.

– Что такое имидж? И откуда вы знаете, что написано на первых полосах?

– По поводу первых полос – догадаться не сложно. А имидж... Это то, как вы формируете общественное мнение вокруг нужных вам людей. И, если вы его не формируете, его формируют за вас.

Так прошла неделя. Слуги во дворце строились даже быстрее, чем в поместье у милорда Верда. Гораздо проблематичнее было заставить императора следовать уговору и все-таки являться в столовую. Особенно в обед, когда меня во дворце не было.

Завтракали мы вместе. Я еще обязала являться к нам в компанию милорда Милфорда и графа Крайома. Обед его величество, как правило, если и посещал, то по принуждению. Но это я натравила на него главного целителя. А ужинали мы вдвоем.

Еще я организовала в одной из проходных комнат буфет. Заклинание стазиса сделало свое дело, и продукты не портились. Ну правда, не выгуливаясь же на кухню. Дворец слишком большой. Устать можно.

Так постепенно все вошло в колею.

Глава 21

Вот за что мне нравился Императорский дворец – так это за систему водоснабжения. И организацию помывки. В моих покоях, например, был небольшой такой, метров на десять, бассейн. В одном углу размещалось «лежбище для котиков» – как это я называла – неглубокое место, где можно было понежиться в струях воды, бьющих из стенок. Рядышком прямо из потолка также лилась вода.

Один недостаток – все это настраивалось не рычажками, как у нас, а силой мысли. Хочешь воду похолоднее или с другой интенсивностью – представь. Сначала я мучилась – местные чудеса меня решительно не слушались, словно издевались. Но к концу первой недели я приноровилась и стала получать удовольствие.

Сегодня я решила устроить бунт. После работы я вытребовала право отправиться в гипермаркет. В Санкт-Петербурге. Никогда не думала, что прогулка с тележкой между стеллажами может доставить такое удовольствие. Потом, сразу после того, как меня переместили во дворец, предупредила охрану, что хочу побыть одна. К ужину тоже не выйду. Зачем? Моего стратегического запаса на несколько дней хватит. И все как на подбор – вредное и вкусное.

Еще я купила себе несколько книг – веселых и «макулатуристых». Надо бы все-таки посетить и книжный магазин в империи. Тот самый, где мы были с Ричардом. Наверное, продолжение детектива, которым я увлеклась, уже издали. А то первая часть закончилась на самом интересном.

Я проплыла свои положенные сто метров – и отправилась мыть голову. Стояла, зажмурившись, под нежно ласкающими струями воды – и вдруг почувствовала на своей спине чьи-то обжигающе-горячие ладони. Странно, но у меня даже не возникло сомнения, кто это.

– Ричард, – сказала я недовольно, преодолевая острое желание прижаться к его нахальным рукам. – Что ты здесь делаешь?

– А с чего вы взяли, – сказал у меня над ухом чужой голос, – что это незаконный сын императора?

Я захлебнулась воплем и рванулась из чужих рук. Конечно же, поскользнулась и рухнула в воду, подняв целый столб брызг.

– Вы не ушиблись? – вежливо поинтересовался принц Брэндон, сверкая знакомыми черными глазами.

– Какого черта! – заорала я. – Убирайся!

Я создаю защитный кокон – но он словно и не замечает моей защиты.

– Вас тоже заводят игры в преследование? – неторопливо пошел на меня парень.

– Вы не смеете!

– Отчего же? – Неуловимо быстрое, смазанное движение – и он опускается рядом со мной, его руки хозяйничают по моему телу, я кричу и выворачиваюсь. Но он сильнее. Намного сильнее.

– Пусти... – Почему-то мне кажется, что это не на самом деле, что это во сне... Рвусь изо всех сил, кричу так, что кажется, еще немного – и я сорву голос.

Он только смеется:

– Что же вы? Подстилка брата, обманывающая его с отцом. Подстилка отца, изменившая ему с братом. Разве вы не хотите еще одного представителя императорского рода. Для коллекции?

– Брэндон, – прошу я того, кто впечатывает меня в кафель купальни. – Не надо. Пожалуйста.

– Отчего же? – рокошет он. И я понимаю, что он не торопится, потому что забавляется моим ужасом. – Из-за вас брат пошел на отца, а император приказал его убить. Все это из-за вас!

– Принц Брэндон, – изо всех сил я пытаюсь говорить спокойно, – посмотрите мне в глаза.

– Я вас уничтожу.

Я изворачиваюсь, беру его лицо в свои ладони – пристально смотрю в черные глаза – точно такие же, как у Ричарда. Как у Фредерика.

– Я не верю, что у такого отца может быть сын-насильник, – говорю я тихо-тихо. – Это же не вы. Это просто не можете быть вы... В вашей семье мужчины нежные, удивительно трепетно относящиеся к женщинам. И вы такой же. Вы просто не можете этого сделать...

На долгое-долгое мгновение мне становится страшно, мне кажется, что ничего не прекратится – и Брэндон, отмерев, продолжит.

Но он вдруг начинает моргать – из взгляда уходит похотливость, ожесточение и ненависть. Появляется растерянность, словно он не понимает, ни где он, ни с кем.

– Я под заклятием, – быстро говорит он, перекачивается, освобождая меня. – Бегите. И зовите на помощь. Сейчас вас услышат.

Я вскакиваю – только не поскользнуться, только не поскользнуться. Боюсь поворачиваться к сыну императора спиной – мне все кажется, что, как только я это сделаю, он на меня набросится.

Начинаю звать – сначала едва слышно, потом громче и громче:

– Ричард! Помоги мне!

– Быстрее, – стонет наследник. – Это сильнее меня. Я долго не смогу противиться...

– Ричард! – кричу я. – Где же ты!!!

Оказываюсь у выхода из купальни, бегу прочь, захлопываю дверь. Спальня, гостиная. Слышу за спиной рычание. Кричу изо всех сил – почему меня никто не слышит? Где моя охрана, в конце концов? Почему Ричард не пришел мне на помощь?

– Вероника? – раздается знакомый голос. – Что случилось? Ты кричишь? Ты плачешь?

– Ричард! – Я кидаюсь к нему на шею, начинаю целовать. – Ты пришел... Он пытался...

Рычание за спиной уже не пугает меня до сумасшествия, я понимаю, что меня защитят.

– Брэндон? – голос у меня над головой выражает даже не гнев, а какое-то бесконечное удивление.

– Отец... – насмешливо отзывается сын императора.

– Что? – И я понимаю, в чьих объятиях я нахожусь.

Поскуливая от ужаса, начинаю высвобождаться.

– Что здесь происходит? – скрежещет император Тигверд.

– Брэндон под заклятием, – шепчу я. – Помогите ему.

Меня аккуратно задвигают за спину – что-то такое в моей жизни уже было... И я через пелену слез вижу, как император неторопливо идет к своему сыну.

– Брэндон, – приказывает он, и все вокруг вибрирует от мощи, разлитой в этом голосе. – Сын. Приди в себя.

– Что в этой шлюхе такого, что из-за нее ты схлестнулся с Ричардом, а теперь собираешься убить меня?

При звуках его голоса, в котором плещется ненависть пополам с презрением, я начинаю отступать. Шаг за шагом – пока не касаюсь обнаженной спиной холодной стены.

– Вздор, и ты это знаешь... Просто приди в себя. Ты можешь...

– Объясни мне – что в ней такого? – кричит молодой мужчина.

Я закрываю руками лицо и сползаю вниз по стенке.

– Брэндон, мальчик мой... Ты должен сам. Я не буду снимать с тебя заклятие, я могу уничтожить твою способность к магии нашего рода.

– Ненавижу вас всех! Вот скажи, зачем я тебе? Слабый сын от нелюбимой женщины!

– Брэндон, борись. Это не ты. Это не твои мысли.
– Ты ошибаешься, отец. Эти мысли как раз мои...
– Хорошо. Ты ненавидишь меня за мои чувства к этой женщине...
Давай же! Зацепись за них. Найди себя в этой ненависти и отмети все, что тебе нашептали, все, что тебе внушили. Ты сильный, ты можешь сопротивляться и ты должен победить!

– Может, я не хочу!
– Ты хочешь доказать мне, Ричарду – да и всему миру, – что ты истинный наследник. Самый сильный маг империи. И первый шаг к этому начинается с того, что ты победишь того, кто наслал на тебя это заклятие. Ты останешься собой. Ты – мой наследник, принц Брэндон.

– Зачем?
– Это твоя судьба. Судьба будущего императора.
Повисло молчание – давящее, гнетущее. В жуткой тишине слышно было лишь хриплое дыхание младшего представителя императорской фамилии.

Потом наследника выгнуло дугой – он закричал. Что-то слетело с него с гулким хлопком и рассыпалось. Брэндон упал на колени.

– Поздравляю, – спокойно сказал император. – Ты преодолел заклятие черной страсти. Это еще никому не удавалось...

– Миледи Вероника, – прошептал молодой человек. – Я не...
– Нет, – ответила я, задыхаясь от слез. – Нет. Вы на какое-то время пришли в себя и дали мне убежать.

– Слава стихиям...
Император посмотрел на нас и отправился в мою спальню. Там он пробыл недолго. Вышел, опустился рядом со мной на колени, положил рядом халат, протянул стаканчик со знакомым уже запахом успокоительного.

– Простите... Я опять не защитил вас... – Император был бледен.
– Кто-то взялся за вас всерьез, Фредерик... Кто-то хочет довести дело до конца, когда же вы это поймете? – Я стучала зубами, меня трясло, но мне хотелось донести до императора, что последнее время он был слишком самонадеян.

Он резко поднялся, отошел к сыну, раздался хлопок, и они исчезли. Я натянула халат. Мыслей не было, чувств не было. Одна засасывающая пустота, что разрасталась внутри с каждой минутой.

Я прошептала себе:
– Ричард не пришел.
Я так и не вылезла из этого угла. Я с ним сроднилась, я в него

вросла... Почему-то сегодня замечательное, проверенное лекарственное средство Ирвина на меня не действовало. Время от времени я пыталась на себя рычать, ругая себя за размазанность. Вспоминала вдруг, что голова у меня так и осталась намыленной – надо встать. Надо. Надо...

– Миледи? – в дверь заглянула Оливия. – Я могу зайти?

– Откуда? – У меня получилось глухо, и горло перехватило.

– Его величество распорядился.

– Спасибо...

– Миледи... Что с вами?

Истерика качнулась в другую сторону – меня пробил смех.

– Я так думаю, что со мной все в порядке, – отсмеявшись, я смогла начать говорить.

– У вас голова в мыльной пене... А давайте-ка мы ее смоем. Вы покажете, где ванная?

Меня передернуло.

Оливия смотрела на меня, недоумевая.

– Конечно, надо смыть шампунь. Пойдем. – Я поднялась и вылезла из своего угла.

Служанка помогла вымыть голову. Идею о том, чтобы накрутить волосы на папильотки, я отвергла – еще не хватало завтра на работу явиться овцой. Потом студенты будут гоготать. Не объяснишь же им, что я живу не то что на два дома – на два мира...

Оливия расчесывала мне волосы специальной расческой, которая сушила волосы. Попутно она рассказывала мне о поместье:

– Вилли все время спрашивает, слышно ли что-нибудь о вас. Мы не прекратили ему еженедельные выплаты, надеюсь, милорд, когда вернется, не будет против. Его мама так и работает у нас горничной. Бедный Джон теперь и уборкой заведует. Ворчит больше, чем обычно. Переживает. Каталина расстраивается, что в поместье пусто. А вы не знаете...

Тут она осеклась. Поняла, что у меня про милорда Верда спрашивать не стоит.

– Я не знаю, где он, Оливия, – устало проговорила я. – Он только известил меня в очередной раз, что между нами все кончено.

– А как мальчики?

– Хорошо, – улыбнулась я. – Пауль собирается принимать участие в соревнованиях Академий по фехтованию. Рэм... это Рэм. Он, как обычно, очень серьезен. И отвечает за все. Феликс теперь тоже в Академии – в госпитале.

– Да что вы!

– Он – чудесный. Только печальный. Он был тяжело ранен – и только-только учится ходить. Ему помогает главный императорский целитель, Ирвин. Мне кажется, они подружились.

– Я надеюсь, что вы вернетесь. – Расческа замерла в воздухе.

– В любом случае, как эта ситуация разрешится, мы с мальчиками заедем вас навестить. Я обещаю.

– Спасибо, миледи...

– Оливия, тебе, должно быть, пора домой?

– Его величество приказал, чтобы я была с вами до его особого распоряжения.

– Все дело в том, что я не собираюсь тут оставаться. – Я сначала сказала, а потом поняла, что это – выход.

Не озирайтесь в купальне, не метаться взглядом по спальне и гостиной, вспоминая, как бежала и звала на помощь. Не вздрагивать при виде угла, в который забились, как побитая собака...

Домой.

И пусть император говорит что хочет, пусть убеждает, что только здесь я в безопасности, – видела я эту безопасность.

– Мне надо поговорить с его величеством, – подскочила я.

– Миледи, может завтра?

– Немедленно.

Оливия опять проявила чудеса расторопности – и собрала меня за четверть часа. И это при том, что меня нарядили в местное платье.

Я вышла в коридор. Как-то излишне многолюдный для этого времени суток. Охрана и гвардейцы смотрели на меня сочувственно. Какая-то дама наградила откровенно насмешливым взглядом. И то и другое было одинаково противно. Я дошла до кабинета императора – решила спросить у Карла, секретаря его величества, где Фредерик, чтобы не бродить по дворцу в поисках утраченного времени. Но приемная оказалась пустой. Я услышала голоса – и тихонько приоткрыла дверь.

– Скажи мне, Фредерик, чего ты хочешь от девочки? – раздался голос Крайома с какими-то необычными интонациями. Словно он – старый, опытный сержант, который распекает зеленого новобранца.

– Жену для Ричарда, – вздохнул голос, в котором я узнала императорский.

– И что ей это даст? Шепот за спиной? Покушения? Интриги? Твоих придворных, которые готовы будут растерзать ее?

– Слушай, – раздалось бульканье – император явно наливал что-то крепкое по рюмкам. – Я ведь ничего не путаю? Такой разговор ведь уже у

нас был? Только касался он не моего старшего сына, а меня.

– Тебе было двадцать, – печально сказал начальник охраны. – Ты был молод. Влюблен. И счастлив. Твоя избранница ждала ребенка.

– И ты привез мне приказ отца: оставить мою любимую. И уговаривал последовать ему.

– Ты был нужен империи – как правитель, а не как частное лицо. А твой отец лишил бы тебя престола. Поэтому я уговорил.

– Да... А я это допустил. – В голосе императора послышался скрежет. – Скажи ты мне, мой самый верный друг... Как тебе живется с этим?

– Тяжело. Но ни на тот момент, ни на все последующие... жена, мелкопоместная дворяночка, тебе была не нужна.

– Замолчи! – прошипел Фредерик. И даже мне стало страшно.

– Прости. Это больно. Это жестоко. Но это – правда.

– И из-за этой правды мой любимый сын никогда не станет императором.

– И снова возвращаемся к Веронике...

– Она будет женой Ричарда.

– Фредерик, – укоризненно проговорил начальник службы безопасности.

– Я все сделаю для того, чтобы мой сын был счастлив...

– Например, не поспешишь к Веронике на помощь потому, что думаешь – она дозовется до Ричарда?

– Да, – тихо сказал Фредерик. – Я сделал это. И сделаю еще раз, если придется.

– Ты не должен так поступать.

Император помолчал, а потом проговорил:

– Все-таки, хотя Брэндон очень силен, мне иногда жаль, что старший сын не станет императором. А уж с такой императрицей... Она выстроила бы всех так же легко, как организовала наше четырехразовое питание.

– Но она застала Ричарда с другой.

– Бред полный. Или это был не Ричард, а морок какой-нибудь. Либо – это что-то очень сильное... С другой стороны, можно, конечно, подправить Веронике воспоминания...

– И ты это сделаешь?

– Как пойдет. Но я очень надеюсь на то, что они помирятся сами, без моего вмешательства.

– Слушай, а как все-таки смогли зачаровать твоего сына?

– Не знаю. И наши маги не знают.

– Что-то не нравятся мне наши маги последнее время... Похоже, пора их разгонять.

– Миледи Вероника говорит то же самое...

– Да молодец девчонка, кто ж спорит? Думаешь, я за ней не наблюдаю, не вижу, чего она стоит, или против имею что? Нет. Я не о том, Фредерик... А императрица... Боюсь, место потеряю... – Мужчины рассмеялись. Потечески, по-доброму. Снова послышался звон и бульканье.

– Разгонять, говорите... А кем заменять? – голос императора звучал устало, но заинтересованно.

– Есть у меня задумка.

Потом повисло молчание, и спустя время Фредерик проговорил:

– Кентерберийская змейка... Поправь меня, если я где-то искажу факты. Итак, все, что знаю и помню. Во времена одержимых ее укусу подвергали намеренно и весьма успешно. Справиться с одержимыми – магами, не способными контролировать свою силу, было иначе невозможно. Была организована экспедиция в теневые миры, откуда и притащили эту гадость.

– Все верно. Несколько яиц заморозили в стазисе и оставили в лаборатории. Но потом ситуация вышла из-под контроля. Часть яиц похитили, змеи разбежались, и часть поселилась в болотистой местности Запретных земель. Так появились Кентерберийские болота, – подтвердил начальник службы безопасности.

– Я попрошу предоставить мне все материалы того дела, – проговорил император.

– Надо архивы поднимать – это было больше тысячи лет назад.

Я стояла и слушала. Мне было плохо, я хотела домой. Но я бы тоже не отказалась порыться в бумагах, о которых говорил Фредерик. Я буду защищать себя и своих детей – хватит! С сегодняшнего дня начинаю собственное расследование. Я найду эту сволочь.

Глава 22

Сказать, что я была в бешенстве, – это ничего не сказать. Значит, ментальное воздействие, если я не покорюсь. Значит, любыми путями подложить меня под Ричарда! Добрый папа у моего бывшего жениха – нечего сказать. Видимо, в детстве игрушек мало дарил, сейчас компенсировать собрался!

Хватит!

Я выдохнула, зашла в комнату, улыбнулась Оливии, позвонила в колокольчик, вызвала слуг.

Попросила подготовить комнату моей личной служанке и покормить ее. Выпроводила всех. Уселась за стол в гостиной и стала писать Фредерику.

«Я к вам пишу – чего же боле...» Ага... Сейчас, сейчас...

«Ваше Величество!

Выражаю Вам огромную благодарность за гостеприимство и заботу. Пожалуйста, поймите меня правильно. Я хочу покоя и одиночества.

На этом остаюсь вашей покорной слугой – Вероника.

P. S. Возвращаю документы на поместье и титул. А также карточку с деньгами.

P. P. S. Прошу Вас, не гневайтесь на Оливию – она не в курсе моей задумки. Я отправила ее спать, чтобы она не помешала».

Положила записку на кровать. Марево портала вспыхнуло даже прежде, чем я успела подумать, как буду выбираться из дворца.

Я шагнула, решив, что надо поговорить с Ричардом. И неважно, хочет он этого или нет. Я хочу.

Хочу знать, во что мне верить. В конце концов, я имею право знать. Имею право на свободу. От обид, надежд, недосказанных слов. Пусть придется испытать боль. Пусть сильную. Но в последний раз. Для того чтобы жить дальше, нужна определенность.

Я вышла – и хмыкнула. Ну, надо же... Знакомая полянка в лесу перед тем самым домиком – убежищем охотника. Избушка-избушка... Опять ты ко мне задом или как?

Ночь.

Распахнула дверь, позвала:

– Ричард, ты здесь? Нам надо поговорить.

Домик был пуст. Не горел очаг. На мохнатой шкуре не спал мужчина. Я сделала несколько неуверенных шагов. Скрипнул пол. Огонь в камине вспыхнул, но никто так и не появился. Дом приветствовал меня, как друга. Стало хорошо. Тихо. Одиноко.

Уютное, сладкое, долгожданное одиночество. «Спасибо!» – мысленно поблагодарила я это место за щедрый подарок. Осторожно опустилась на шкуру, погладила теплый мех. Пальцы тонули в пушистых ворсинках, которые искрились и переливались в отсветах огня. На мгновение что-то вспыхнуло алым, будто искорка в черных глазах милорда Верда...

Я наклонилась, чтобы разглядеть, и не поверила своим глазам – помолвочный перстень рода Рэ! Темно-синий камень в оправе горел, как огонь.

Мне стало его жаль... Лежит тут. Один. Брошенный. Я тоже одна, кстати... Нет, я, конечно, рада своему одиночеству. Но раз уж мы тут одни, почему бы нам не поговорить? В конце концов, это даже невежливо, не завести светскую беседу...

– Тебя тут выкинул Ричард? После того, как я ушла?

Мне показалось – или камень мигнул?

– Знаешь, как меня ни убеждали и император Фредерик, и владыка Ир, что ты просто вещь, я в это не верю. Такое впечатление, что у тебя есть разум. А уж сколько упрямства...

Перстень заискрил – словно засмеялся.

– Я ведь права? – сказала и ощутила себя сумасшедшей.

Замигал медленнее.

– Давай так, – медленно сказала я, – один раз мигнешь – это «да». Два раза – это «нет».

Мигнул один раз – сердце забилося часто-часто.

– Ты ведь живой?

Мигнул один раз. Потом, через паузу – еще два.

– И да и нет... – подытожила я. – Ты специально тогда таскал меня по спальням? Чтобы я затосковала по Ричарду и пришла к нему?

Мигнул один раз.

– Ты можешь влиять на меня?

Два раза. «Нет». И как мне показалось – возмущенно.

– Но ты хочешь, чтобы мы с Ричардом остались вместе? Да... Ну, кто бы сомневался...

Перстень выдал целый всполох огоньков.

– Ты злишься на нас?

Всполох продолжался.

– Переживаешь?

Мигнул один раз.

– Здесь появлялся Ричард?

Снова одно мигание.

– Когда?

Перстень сначала не отреагировал – ведь на мой вопрос нельзя было ответить однозначно «да» или «нет». Потом заискрил.

– Что-то случилось? С ним что-то случилось в этой избушке?

Судя по ответу, я догадалась правильно.

– Тут была Ия?

Опять попала.

Неужели его действительно заколдовали? Неужели все произошло так, как утверждали император Фредерик и Крайом?

Ну конечно! Заколдовали. Одного из сильнейших магов. И так несколько раз подряд... Бред!

– Хочешь, чтобы я тебя забрала? – поддавшись порыву, спросила я у перстня. – Да... Хочешь... Ладно, иди сюда... Но учти – это ничего не значит! Я все равно не стану невестой принца Тигверда... И, кстати, если не хочешь со мной поссориться – прекрати его защищать.

Такое ощущение, что перстень задумался – даже мигать перестал. Я ждала. Потом камень, словно нехотя, мигнул один раз.

– Я могу отнести тебя в поместье Ричарда или отдать его отцу... Хотя, наверное, нам пока разговаривать не стоит... Почему не стоит? – похоже, я стала как-то понимать выразительное мигание. – Зла я на него.

Мигнул два раза. Потом, через паузу – еще два раза.

– Знаешь, мне очень плохо... Но все равно – спасибо.

Вытерла глаза, какая-то я сегодня слезливая. Надо брать себя в руки. Взяла кольцо, покрутила в нерешительности между пальцами. Посмотрела в черно-синий глаз, спросила:

– Надеть?

Один раз.

– Можешь перенести меня к Ричарду?

Снова один раз.

Я сосредоточилась и попыталась убрать портал, который все еще мерцал в домике. Не получилось.

– И вот почему? – возмутилась я. – То все легко, то ничего не выходит. А если и выходит, то я не понимаю, как именно?..

Марево портала погасло, а камень в перстне опять запылал огоньками.

– Смейся... Действительно, я выгляжу забавно... Ладно. – Я надела перстень на указательный палец. – Надо поговорить с Ричардом – и спать. А то у меня завтра пять лекционных пар, а я тут глупостями всякими страдаю.

Камень загорелся ровным сильным пламенем. Все замерцало вокруг меня – голова закружилась, ноги подкосились. Я упала на колени.

Когда чуть пришла в себя, то обнаружила ту же избушку. И ту же темень вокруг.

Огонь погас. И в перстне, и в камине. Совсем.

– Что происходит? – спросила я.

Камень в перстне оставался камнем. Сапфир как сапфир – только крупный. Никакой азбуки Морзе.

– Видимо, что-то пошло не так, – подвела я итог. – Ладно. На сегодня, пожалуй, хватит. Мне бы еще домой попасть. И чтобы ни с кем не пришлось общаться...

Я не знаю, это перстень помог или у меня самой получилось – но ночь прошла спокойно. Только с платьем и корсетом пришлось помучиться. Шнуровка на спине все-таки предполагала наличие прислуги. Или кухонных ножниц, которыми все это можно разрезать. Самое главное при таких упражнениях на гибкость – не порезаться. И мне это удалось!

Сон без сновидений, подъем ни свет ни заря. Тщательные сборы. Думая о том, что надо поторопиться, посмотрела в окно. Поняла, что все это время, пока я была в империи Тигвердов, в Питере шел снег – и машину придется откапывать. Или ехать на общественном транспорте.

Сделав большой глоток кофе, я оделась и выскочила из квартиры. Чего-чего, а снега вокруг моей машины не было. Это была хорошая новость. Зато присутствовал император Фредерик. Захотелось поинтересоваться: неужели он сам, своими ручками мне машину от снега отгребал? Посмотрела на хмурое лицо, решила, что спрашивать не стоит...

– Доброе утро, – кивнул мне он.

– Доброе, – кивнула я ему, раздумывая, делать ли реверанс или я навернусь на скользком асфальте двора. Решила обойтись без риска для здоровья – просто подошла и встала рядом с ним.

– Я не мог ни дозваться до вас, ни войти к вам.

– Я не хотела этого.

– Мне было тревожно...

– Не стоит, ваше величество.

- Вы все слышали.
- Совершенно верно.
- Как вам это удалось?
- Зашла в кабинет узнать у секретаря, где вы... Узнала не только это.
- Уволю Карла, – прорычал император.
- Ваше величество... – усмехнулась я. – Оставьте секретаря в покое.

Он-то тут при чем?

- Он находится в приемной, чтобы...
- Отсекать ненужных вам людей.
- Вероника, вот зачем вы так...
- Я наконец-то поняла, что происходит. Подслушивать, может, и нехорошо, зато весьма полезно.

– Вероника...

– Ваше величество. Пожалуйста. У меня занятия. Я не хочу опаздывать.

– Я открою вам портал, – раздраженно взмахнул он рукой.

– Кроме того, меня крайне угнетают подобные разговоры, – посмотрела я ему в глаза. – А мне надо войти в аудиторию спокойной, сосредоточенной и, в идеале, незаплаканной.

– Ника... Пожалуйста. Я не прощу себя, если все испорчу и лишу Ричарда даже шанса на примирение с вами.

– Ричард сам все замечательно портит! – Я поправила выбившуюся из прически прядь, и... император увидел перстень. Черт!

– Я клянусь вам силой огня, что никогда не применю к вам ментального воздействия. И не собирался. Это я сказал... от отчаяния. Я понимаю, как это выглядело тогда. Но я бы действительно этого не сделал. Вы не различаете правду и ложь, Вероника... Если бы вы могли, мне сейчас было бы проще... Но разве не вы говорили о том, что в вашем мире умеют верить и доверять? Чувствовать сердцем, а не нюхать? Так покажите мне то, о чем вы говорили! Посмотрите мне в глаза – я лгу?

Я смотрела в его глаза, а видела глаза Ричарда. Слышала его голос. Он звал. Звал на помощь. А я не верила. И ничего не могла с этим поделать... А император продолжал говорить:

– Я вчера ведь почувствовал, что вы зовете на помощь. Но я услышал, что вы зовете Ричарда. И подумал – так тому и быть. Он придет вам на помощь. Героический и сильный. Вы помиритесь. И простите меня.

Я вытерла слезы, размазывая тушь. Ну что ж ты будешь делать. Все-таки достал.

– Ваше величество... Фредерик. Хватит. Пожалуйста... Дайте мне

время. Я верю вам. Но мне нужно побыть одной. В моем мире так... восстанавливаются.

– Хорошо. Могу я спросить про перстень?

– Долго же вы терпели, – улыбнулась я.

– Не хотел вам мешать разобраться в себе.

– Сразу скажу – это ничего не значит.

Император как-то светло улыбнулся, но тут же встревоженно проговорил:

– Но теперь, когда мы все выяснили, я должен знать, где мой сын.

– Этого я не знаю. Но, возможно, ему нужна помощь. Вы должны найти его.

– Я связался с Владыкой Иром. Наши совместные усилия ничего не дали... Кентерберийские болота пусты. Змеи тоже исчезли. Болота – язва империи, с тех самых пор как... Впрочем, это не важно. Важно, что змей там нет – ни одной. Мы все проверили. А вывести их пытались поколениями! И никто не мог справиться с этой задачей.

– Возможно, были те, кто не очень-то и хотел избавляться от возможности уничтожить мага? – Я посмотрела на Фредерика. И подумала о том, что абсолютная власть почти всегда слепа в своем могуществе и тотальном контроле...

Император меня не услышал. Он думал о сыне.

– Вероника... Ричарда нет в мире империи. В вашем мире его тоже нет. Его... нет нигде.

Глава 23

Над Питером стоял туман. Уже несколько дней. То легкий, обволакивающий точно кружевом, то густой, как молочный кисель. Яркие-оранжевые вечерние всполохи фонарей и нервные огни светофоров намекали, что придет весна – а вместе с ней вернутся и краски в город. Но пока в это верилось с трудом.

Весна... Никогда так ее не ждала...

Уговорить себя, что все будет хорошо. Дни станут длиннее, а ночи короче. Скоро, очень скоро в город прилетят теплые ветра, принесут с собой что-то новое. Возможно, лучшее.

Под усиленной в несколько раз охраной (распоряжение императора) родители и сыновья получили разрешение свободно перемещаться между мирами. Мама с папой носили артефакты перехода в специально приобретенных для этого чехольчиках и воспринимали их как еще один мобильный телефон. Феликс ходил. Он еще уставал, но коляска была забыта. Пашка учился в Академии, но на фехтование ходил и в школу Олимпийского резерва тоже. Я часто всех видела, и от этого было спокойно и тепло.

Следующим днем после отбытия из империи я пришла на работу. Сдала в отел кадров больничный лист. Ни к кому не обращалась, просто пожелала перед саквояжем, чтобы он там появился. Если пойдут проверять в поликлинику – так тому и быть.

Отвела занятия, сходила в магазин. Поняла, что с деньгами напряженка. Все подорожало, а от имперских денег я отказалась. И вообще, подходил день икс – надо было платить КАСКО за машину. А это, как обычно, засада... Зато это мои, родные, до боли знакомые проблемы, а это значит, что скоро все вернется на круги своя.

И вот я прикидывала, «у кого бы перезанять, чтобы потом переотдать» – мультик такой был, про Мاسяню...

Имперцы больше не появлялись.

Все-таки хорошо, что моя работа связана с преподаванием. Видишь вокруг себя людей. Сначала равнодушие в глазах, потом легкий интерес, смешанный со скепсисом, дескать, «давайте посмотрим, что нам тут расскажут». А ты им ставишь нарезку из хроники Великой Отечественной войны. А не почему. И не к дате. Просто так. Просто чтобы помнили и было о чем поговорить. А потом задаешь свой любимый вопрос:

– Кто знает, когда советская авиация в первый раз бомбила Берлин?

Наблюдаешь с улыбкой, как народ роет в Интернете. И – я люблю этот момент – они находят, что восьмого августа сорок первого года.

И такое изумление в глазах...

– Я сама так же удивилась, когда об этом узнала, – говорю я им. – Была в Александро-Невской лавре и перед входом в собор увидела могилу командира одной из эскадрилий. Тоже сначала не поверила. Представьте. Восьмое августа. Бездна же полная. Сорок восьмой день войны. Отступление. Абсолютное превосходство немецких армий. Танки со свастикой. Вражеские самолеты в небе... А тут... Бомбежка Берлина. Еще наши раскидали газету «Правда» и листовки...

Увлекаешься процессом, отслеживаешь внимание аудитории. Красота.

Дорога домой сегодня превращалась в аттракцион «увидь вовремя соседнюю машину и успеешь затормозить». Все кругом были нервные и раздраженные, город стоял в пробках. Я ползла даже медленнее, чем обычно. Хотелось включить радио, услышать еще кого-то, кроме своих мыслей, но отвлекаться было опасно.

На очередном светофоре я вдруг поймала боковым зрением какую-то невысокую смазанную тень, что, проскочив под колесами машин правого ряда, метнулась под мой «пыжик».

«Собака, что ли?» – Я остановилась, включила аварийку и выскочила на дорогу.

– Совсем вольтанулась? – поприветствовал меня из открытого окна мужик, который стоял следом за мной. – Дура!

– И вам доброго вечера, – буркнула в ответ и наклонилась посмотреть, что там ко мне прибежало.

Это все-таки оказался щенок. Длинные, болтающиеся до земли уши, перепуганные глазенки, неуклюжесть подростка и большие, «серьезные» лапы крупной собаки.

– Иди сюда, дурачок. Иди, не бойся. А то нас с тобой совсем оббибикали...

Щенок пошел на мой голос, сначала неуверенно, потом быстрее и быстрее. Я вытащила его из-под машины. Не обращая внимания на грязь, прижала его к себе и распрямилась. Чтобы уткнуться прямо в грудь подошедшего близко мужчины.

– Ричард? – не веря своим глазам, спросила я.

– «Что ж, камин затоплю, буду пить, хорошо бы собаку купить...» – пробормотал мужчина, один в один похожий на Ричарда Фредерика Рэ,

ненаследного принца Тигверда. Только потрепанного, похудевшего и заросшего щетиной.

Это был он... Это был Ричард! Выглядел странно... Как бомж, но какой-то ненастоящий. Как из кинофильма. Длинное мешковатое пальто, вязанные перчатки без пальцев, свитер, треники, щегольски закинутый за плечо длинный вязанный шарф... До маминых шедевров, конечно, далеко, но сойдет. Эдакий бомжара царских кровей. И щенок этот. Пес породистый – это видно. И как они друг друга нашли? Рыбак рыбака видит издалека... Два потерявшихся принца. Ну вот что? Что мне с ними делать?

– Так, – я взяла его свободной рукой и потащила в машину. – Пошли со мной. Потом будем разбираться.

– Ты знаешь, кто я такой? – удивленно спросил меня мужчина. И глаза его приобрели осмысленный вид.

– Знаю, Ричард. А теперь давай уберемся с проезжей части.

Я открыла ему заднюю дверь со стороны водителя, подождала, пока он неловко утрамбуется – длинные ноги некуда было девать, – и сунула ему в руки щенка.

– Твоя собака? – спросила я его, когда мы, наконец, тронулись.

– «Под вечер холодного дня ты стала казаться женой...»

– Надо же, ты запомнил стихотворение, которое я тебе читала...

– Это ты мне сказала слова, что сводят меня с ума? – печально спросил он. – Ты – ведьма?

– Нет, – улыбнулась я.

– Тогда кто?

– Всего лишь брошенная тобой невеста.

– Я помню твое лицо, – прошептал мужчина. – Оно мне снится. Надо же... Я не помню себя. Не помню свою жизнь. Но я помню тебя.

– погоди, – остановила я его. – Не отвлекай. И так видимость плохая. А мне налево поворачивать.

Когда я припарковалась и стала выходить из машины, ко мне подскочил гвардеец из охраны империи.

Ричард зарычал и выпрыгнул из машины, загородив меня собой. Собачонок выскочил вслед за ним и издал похожий звук.

Защитники благородных кровей!

– Спокойно, – положила я руку на плечо Ричарду. – Это – свои. Возьми лучше щенка.

Я обошла их и остановилась перед охранником, который отлетел от меня на несколько шагов и теперь поднимался с земли.

– Что вы хотели?

– Миледи Вероника! Это же принц Тигверд! – обрадованно заявил гвардеец.

– Именно так, – согласилась я с очевидным.

– И что прикажете делать?

– Доложите кому там положено, что сын его величества обнаружился.

– А откуда?!

– Без понятия. А сейчас, с вашего позволения, мы пойдем в дом. Все замерзли...

– Простите, миледи...

– Все в порядке. Милорд, – позвала я Ричарда. – Пойдемте.

Вытащила с заднего сиденья ноутбук. Подумала: чем я буду кормить милорда? Да и собаку?

– Почему мне кажется, что меня зовут не принц Тигверд? А как-то короче? – спросил у меня Ричард, пока мы с ним ехали в лифте. Интересно, но он не выказывал никаких сомнений или страхов, столкнувшись с благами неизвестной цивилизации.

– Милорд Верд привычнее? – спросила я у него.

– Пожалуй, так правильнее.

– Ричард Фредерик Рэ, милорд Верд, – назвала его именем, которым он представился мне первый раз.

– Фредерик – имя отца. А Рэ – род матери, – задумчиво откликнулся он. – И Рэ... Так меня называет всего один человек... Но я не помню его.

– Так тебя называет друг...

На этом мы и приехали.

– Феликс! – позвала я, заходя в дом. – У нас гости.

– Мам? – выглянул он из комнаты и неприязненно скривился, увидев Ричарда. И тут же расплылся в довольной улыбке, когда вокруг него запрыгал щенок.

– Привет! – опустил он к нему. Щенок запутался в ушах и лапах и растянулся на полу. – Откуда такое чудо?!

– Не поверишь, – я скептически разглядывала свое испачканное пальто, раздумывая, в чем я пойду завтра на работу, – из-под колес.

– А... – он оглядел Ричарда, но все-таки сдержался, – милорд?

– Приблизительно оттуда же...

По лицу сына можно было прочесть, что щенка, конечно, в дом тащить было надо, а вот с принцем я всяко погорячилась.

Тут раздался звонок в дверь.

– Да, – обреченно сказала я в домофон, понимая, что это пришла ученица.

– Вероника Евгеньевна! – радостно поприветствовали меня. – Это Алла.

– Заходи... – оглядела живописную группу в прихожей. – Милорд. Вы можете искупать щенка, вытереть его, а потом вымыть ванну – и искупаться сами? Одежду сложите в мусорный мешок. Феликс, покажи, как включается вода, и дай полотенце побольше.

– А почему это собаку будет купать он? – недовольно пробурчал сын.

– Потому что ты, солнышко, пойдешь в магазин. Всех надо покормить.

– И... милорда?

– Феликс, перестань.

– Вот придут Рэм или Паша – они его вообще на дуэль вызовут, – поделился со мной зловещими планами братьев Феликс.

– Этого только не хватало, – проворчала я.

– По-видимому, я нежеланный гость в вашем доме... – начал Ричард.

– То, как сложились наши отношения, не отменяет того, что вы дали мне и моим детям убежище в вашем доме. Когда мне некуда было идти и не к кому обратиться за помощью, – посмотрела я в его черные глаза и увидела там смятение. – Поэтому...

Раздался звонок в дверь.

– Феликс,пусти Аллу. И дай ей тапочки. Милорд, берите щенка – и за мной.

Так... Девочке-ученице – задания, Ричарду – одежду. Феликсу – список продуктов для человеческого питания, которые надо купить. Деньги. И главное – не перепутать, что кому.

Позвонить приятелю – страстному собачнику и уточнить, чем лучше кормить ушастого принца. Принц... Попытались выяснить, что за порода. Мои устные описания специалиста не вдохновили – пришлось фотографировать шоколадное, ушастое и длинноногое на телефон. К великому восторгу моего знакомого, выяснилось, что это щенок гончей святого Губерта – достаточно редкая порода. Точно принц!

– Странно, что без ошейника, – удивленно сказал приятель. – Надо поспрашивать, может, кто ищет.

– Это моя собака, – гордо сообщил всем Ричард, услышав наш разговор.

Знакомый тем временем продиктовал список продуктов. И мы на этом распрощались.

Так, теперь быстро кинуть сыну эсэмэску, что надо купить куриную печень, творог и гречку – щенку. Не кормить же зверушку помидорами, огурцами и куриным филе – которые я заказала для людей.

Выдохнуть, прибежать на кухню, извиниться перед ученицей за бедлам. Попытаться вести занятие. Успеть перехватить Пашу, который вернулся с тренировки. Судя по решительному выражению лица, его о прибытии милорда Верда известил Феликс. И сын рвался выяснить отношения.

– Я категорически запрещаю тебе подходить к гостю, – энергичным шепотом прошипела я. – Тем более пока у меня ученица, которая, мягко говоря, не в курсе всех подробностей моей жизни. Так вот, мне хочется, чтобы она и дальше была не в курсе.

Потом встретить милорда и щенка у дверей ванны и отвести в свою комнату.

– Побудьте пока здесь.

Выразительно посмотреть на Пашу и обвешанного пакетами Феликса – и взглядом пообещать им все казни сразу, если они сунутся за закрытую дверь.

Вернуться к занятию. Извиниться. Довести его. Проводить девочку – забыть забрать у нее деньги.

Я вошла в комнату к мальчишкам и спокойно сказала:

– Милорд Верд – мой гость. И я требую, чтобы вы отнеслись к нему как к моему гостю. К тому же он нездоров и, кажется, потерял память. Поэтому все ваши наскоки сейчас – это попросту бессмысленно. Он ничего не помнит.

– Так давай я расскажу ему, как ты плакала. Как он тебя оскорбил... – взвился Павел. – Расскажу, как ты умирала на снегу! Как я пытался вас помирить, а он... просто исчез!

– Сынок, пожалуйста. Перестань. Мы отложим все это, пока он не поправится.

– Я в Академию, – холодно и недовольно ответил мне Паша – и исчез в мареве портала.

– А я на кухню – кулинарить, – вздохнула я. – Феликс, поможешь?

– Ага, – не обрадовался он.

– Милорд, – заглянула я в свою комнату. – Как вы?

– Что же я такое натворил? – поднял он на меня глаза.

– Все потом.

Минут через сорок все было уже почти готово: каша с печенкой для собаки остывала – щенок уже подстанывал. Я дожаривала курицу. Салат Ричард уже дорезал – оказывается, принцы прекрасно моют и режут овощи. Феликс сливал макароны.

Тут раздался звонок в дверь.

– И кто это еще? – спросила я и пошла открывать.

Глава 24

Щенок опередил меня и теперь вертелся около двери, пытаясь сурово порывивать. Я рассмеялась, подхватила его на руки и распахнула дверь.

– Вероника... – за дверью оказался император Тигверд. – Что с Ричардом?

– Добрый вечер, ваше величество, – ровно проговорила я.

– Сердитесь, – посмотрел на меня Фредерик.

Щенок решился-таки. Храбро, но тихонько и аккуратно зарычал на гостя.

– Даже так? – посмотрел на меня император Тигверд.

– Ричард в квартире. Проходите. Сейчас дам вам тапочки.

– Благодарю, – промолвил Фредерик.

Надо признать, что милорд Верд выглядел уже лучше – горячая ванна и чистая одежда творят чудеса. Жаль, что в доме не было бритвы – может, стало бы совсем хорошо.

– Что с ним? – спросил у меня император.

– Вы кто? – спросил у императора его старший сын.

– Без понятия, – ответила я, оглядела всю честную компанию и спросила: – Ужинать будем?

Щенок разразился у меня на руках жалобами – дескать, давно пора! Он просто умирает с голоду, и самое главное – спасти его, маленького и несчастного.

Я рассмеялась, взяла свежескупленную миску и выдала длинноухому и толстолапому очарованию ужин. Налила воды. Поставила рядом.

Оглядела мужчин – они смотрели на меня с таким же вождением, что и щенок. У него, конечно, получалось умильней, но это не потому, что Феликс, Фредерик или Ричард не старались.

– Вот только двенадцати перемен блюд у меня нет, – иронично посмотрела я на императора.

– Пустяки, – отмахнулся он. – Я сегодня опять не обедал.

– Вы добьетесь, что Ирвин уедет в Османское ханство.

– Ирвин. Ханство. Не помню, – задумчиво проговорил Ричард, а его отец беспомощно посмотрел на меня.

– Просто ужинаем, потом решаем, что будем делать, – распорядилась я.

Разложила еду по тарелкам. Уселась, стала есть, стараясь все-таки

жевать, а не заглатывать, как удав. Может, присутствие членов августейшей семьи обязывало, может, боязнь испортить желудок... Кто знает. Щенку было не до политесов – он вкусно громыхал новехонькой железной мисочкой и на такие пустяки, как любовь, предательство и недоверие, не отвлекался.

– Ричард, – после ужина обратился император к сыну. – Я думаю, нам не стоит злоупотреблять гостеприимством миледи Вероники. Нам надо отправляться во дворец. Пусть вас обследуют целитель и придворный маг.

Раздался хлопок – император Тигверд исчез. Фигура Ричарда на мгновение стала размытой, нечеткой. Но практически тут же приобрела прежние очертания. И с моей кухни он никуда не делся.

– Не понял, – протянул снова появившийся император. – Ричард, что происходит?

– Я никуда не уйду, – упрямо поджал губы его сын.

– Но... – опешил император.

– Все, что я знаю – вот эту женщину, – и он кивнул на меня. – Я искал ее. Я шел к ней. Я остаюсь.

И все это так безапелляционно. С прежними интонациями. Меня почему-то это порадовало.

– Ричард, ты не можешь здесь оставаться, – провозгласил император.

– Не вам это решать, – ответил ему сын.

И лицо у Фредерика стало очень и очень обиженное. Меня это – опять же – сильно порадовало. И развеселило. Мысленно я поаплодировала ненаследному принцу Тигверду.

Император при этом бросил на меня недовольный взгляд. Ричард – решительный. Как будто он в бой шел.

Пока они спорили, я налила себе и Феликсу чаю, выяснила у сына, все ли уроки он сделал на завтра. Съела конфетку, вытерла салфеткой мордочку щенку, в брылях у которого было полно каши...

Император никак не мог смириться с мыслью, что ему кто-то не подчиняется.

– Миледи Вероника, – обратился он ко мне через какое-то время, – да скажите же ему!

– Может, ему действительно надо остаться, пока не полегчает? – тихонько спросил у меня Феликс. – Какой-то он... бездомный.

Мысль мне показалась здоровой. По крайней мере, можно было ложиться спать. И обо всем подумать завтра.

Но у Фредерика были другие планы на вечер.

– Мне неловко вас беспокоить, но могу я попросить вас о помощи? –

обратился он ко мне снова.

– Какого рода?

– Вы не перенесетесь со мной во дворец?

– Если вы обещаете, что тут же отправите меня домой.

– Хорошо, – недовольно протянул он. – Я обещаю.

Он подал мне руку, миг – и мы – все трое – во дворце. В привычной обстановке своего кабинета император внимательно посмотрел на Ричарда, пытаюсь определить, что с ним.

– Интересная структура заклęcia, – с интересом посмотрел на сына Фредерик. – Замкнутая на Веронику.

И он перевел взгляд на меня.

– И кто его... так? – внимательно оглядела я Ричарда, который за этот вечер побил все рекорды по странному поведению.

– Я так понимаю – он сам. Ричард, я прав?

– Я был с русалкой. Она прекрасна, но я не люблю ее. Ей подчинялись змеи. Змеи высасывали силу – ровно столько, чтобы я не умер, но и сделать ничего не мог. Я должен был быть счастлив, любить ее так же сильно, как и она меня. Но я не мог. Я помнил лицо другой женщины – ваше лицо. Любовь нельзя получить насильно. Ее нельзя уничтожить заклęcием...

– Очешуеть, – процитировала я сына. В данном случае словечко было более чем к месту. Слишком много чешуйчатых в этой истории.

– Вас угнетает, что я стремлюсь к вам?

– Да уж не радуется... – стала злиться я.

– Миледи Вероника, – раздался голос императора, внимательно прислушивающегося к словам сына. – Можно вас на пару слов? Пока принца Тигверда осмотрят целитель и придворный маг?

– Конечно, ваше величество, – кивнула я.

– Принц Тигверд, – задумчиво проговорил Ричард. – Все-таки это не мое имя.

– Твое! – взвился Фредерик.

– Ваше величество... Пожалуйста, – попросила я.

В комнату вошли Ирвин, с которым мы радостно улыбнулись друг другу. И придворный маг, величественный старик Удо Либревер. Лицо, заросшее густыми белоснежными бровями и роскошной, как у Деда Мороза, бородой, при виде меня почему-то недовольно скривилось... Вот те раз – а ему-то я чем не угодила?

– Господа, – обратился к ним император. – Выясните, что с моим сыном. Миледи Вероника, прошу вас. Мне необходимо с вами поговорить.

Мы с ним направились к выходу.

Его секретарь Карл встретил нас поклонами. Мне показалось – или при виде меня в его глазах мелькнуло облегчение...

– Ваше величество... А что происходит? – спросила я, как только мы оказались у него в кабинете.

– Если мои подозрения подтвердятся, то Ричард от вас не отойдет. Даже если мы его запрем и, скажем, наденем сдерживающие артефакты – он все равно к вам перенесется. Только с каждым разом его сознание будет все более и более угнетено, а состояние будет ухудшаться.

– И что со всем этим прикажете делать?

– Вероника... Я буду вынужден просить вас об одолжении.

– Каком именно?

– Ричарду надо быть с вами... Пока мы не придумаем, что делать. Или пока он сам не придет в себя.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что ему надо быть со мной?

– В идеале...

– Нет, – отрезала я.

– Вы про занятия любовью? – скривился он.

Я злобно рассмеялась. Хотела сказать что-нибудь совсем уж мерзкое – про то, что отдала бы все, чтобы никогда не встречаться ни с ним, ни с Ричардом... Но закрыла глаза – и не смогла. Я жива. И, скорее всего, благодаря именно этой встрече. Дети живы. Феликса вылечили. Я узнала – как это бывает, когда самозабвенно любишь. Когда самозабвенно любят тебя... А то, что все так получилось... В жизни – все бывает.

– Как я могу помочь Ричарду? – тихо спросила я.

– Спасибо вам...

В дверь аккуратно постучали.

– Да, – откликнулся император.

– Ваше величество, – заглянул секретарь. – Там принц Тигверд... беспокоится.

– Пойдемте, – пропустил меня вперед император. – Если его обездвигили – это не очень хорошо.

– Мой повелитель! – поприветствовал нас придворный маг. – Принц Тигверд под сильным заклятием!

– Это мы и так знаем. – Император внимательно осмотрел присутствующих.

Маг вытянулся перед нами, как солдат на плацу, а Ирвин усадил Ричарда в кресло, уселся рядом на табурет и что-то тихо рассказывал пациенту, ни на кого не обращая внимания. Я заметила, что, как только я вошла, напряжение стало покидать сына императора.

– Что вы предлагаете? – между тем спросил император у придворного мага.

– Попытаться снять заклятие, – без тени сомнения ответил маг.

– А вы разобрались, кто именно его ставил?

– Судя по тому, что милорд одержим этой женщиной, – придворный маг кивнул на меня, – она и ставила.

Император фыркнул, я возмутилась – да что же это такое... И почему я должна эти глупости выслушивать вместо того, чтобы спокойно лечь спать? Или отправиться в бассейн плавать?

– Вздор, – вдруг сказал Ричард, отвлекаясь от беседы с целителем Ирвином. – Я проклял себя сам. И пока я не разберусь со своей памятью, я не позволю снять это проклятие. Все, что я помню, – это то, что эта женщина является самым близким человеком для меня. И я останусь рядом, если она позволит.

– Вот видите, ваше величество, ваш сын сам не понимает, что говорит...

– А вы почему-то упорствуете в неверных выводах, – нахмурился император. – И возникает ряд вопросов. Я попрошу вас завтра утром явиться в мой кабинет на личную аудиенцию. Запишитесь у Карла. Свободны.

Маг вышел, наградив меня злобным взглядом.

– Спасибо, – поблагодарил Ричард отца. – А то я начал чувствовать себя сумасшедшим.

– Ваше величество... – вмешалась я. – Простите, но надо что-то решать. Я очень устала.

– Конечно, – внимательно посмотрел на меня император. – Простите. Я бы хотел вам предложить пожить в поместье у Ричарда. Приблизительно так же, как вы жили до вашей помолвки.

– Все замечательно... – иронично поклонилась я. – В роли экономки я неподражаема – и все это знают. Однако мне это будет неудобно. Работа. Ученики. Мои сыновья, которым надо еще объяснять, почему они не должны кидаться на принца Тигверда...

– Паша, Рэм и Феликс, – проговорил Ричард. – Так зовут наших сыновей. Правильно? Только Феликса я сегодня увидел впервые?

– Совершенно верно, – кивнула я. И он довольно улыбнулся. И я почему-то не стала говорить, что сыновья – не наши. А только мои.

– Вот видите – это я помню. Только я не понимаю, что случилось? Я почувствовал сегодня, что Паша... Белокурый мальчик, который в Академию порталом ушел? Это ведь он был?

Я кивнула.

– Что Паша был разгневан. На меня.

– Я объяснюсь с сыновьями миледи сам, – решил император. – И в кратчайшие сроки.

– Милорд Верд, будьте моим гостем, – подытожила я, в надежде на то, что, раз мы все тут так хорошо понимаем друг друга, можно, наконец, отправиться спать...

– Как вы все разместитесь в вашей квартирке? – недовольно протянул император. – Вы, мальчики, Ричард. Целитель, прислуга?

– И щенок, которого надо как-то называть, – пробурчала я. – Ваше величество, есть поговорка у нас: «В тесноте, да не в обиде». Мое жилье – это то гостеприимство, которое я могу предложить вашему сыну. Без прислуги он как-нибудь обойдется. Целитель будет его навещать. Расположиться милорд сможет в комнате с Феликсом. На выходные, когда из Академии будут прибывать мальчишки, будем что-то решать.

– Я согласен, – быстро сказал Ричард.

– А я – нет, – холодно сказал император. – Я решил, что вы сегодня же переберетесь в нормальные условия. Ладно, пусть в вашем мире...

– Нет, – ответила я.

– Почему?

– Потому что я этого всего и не заработала, и не заслужила. И я не содержанка вашего сына. Пожалуйста, запомните это и не обижайте меня.

Глаза императора полыхнули алым. Ричард встал между нами.

– Успокойтесь оба! – приказал он.

Мы с Фредериком вздохнули одинаково – зло и длинно.

– Ваша гордыня, – промолвил император, – просто смешна. И нелепа.

– Ваши попытки манипулировать мною – оскорбляют!

– Все, – решил Ричард. – Довольно.

И обратился ко мне:

– Миледи, вы не откажете мне в гостеприимстве?

– Добро пожаловать в мой дом, – чуть склонила голову я.

Глава 25

Ночь. Не сплю. Плачу...

Что я только не делала: и уговаривала себя, и ругала, и успокоительные пила, и завтрашние лекции себе читала, – а успокоиться и уснуть так и не удалось. Ни уснуть, ни перестать плакать.

Вот что за глупая размазня! Дурында картонная!!!

На этой мысли у меня разыграло чувство противоречия, и я отправилась на кухню варить кофе. Ну и какая разница, что сейчас полчетвертого утра? Хуже уже все равно не будет.

Включила подсветку – и уютно, и не разбужу никого. Есть блага цивилизации, к которым я имею слабость. К ним относятся подсветка, теплый пол и кофеварка. Магия моего мира! Заправила кофеварку – и села ждать, принюхиваясь к запаху кофе. Сижусь. Колдую.

– Ты же обычно, когда не спишь, пробираешься на кухню апельсиновый сок делать, – раздался от двери негромкий задумчивый голос Ричарда. – Не кофе?

Только тяжело вздохнула. Да... Наколдовала...

– Тебе неприятно мое общество?

– Ваше высочество, идите... спать, – проворчала я.

– Ты плачешь, от тебя исходит такое чувство горечи. Такая боль потери... Было бы странно, если бы я мог уснуть.

Злобно фыркаю:

– Если тебе так плохо рядом со мной, чего ж ты от своей хвостатой умницы-красавицы сюда притащился?

– Я думал, что все будет по-другому, – печально заметил Ричард, проходя на кухню и усаживаясь рядом со мной. – Я найду женщину, которая мне все время снится. Пойму, кто я такой. Вернется память. И станет легче.

– И как? Стало?

– Я нашел тебя. Понял, что люблю...

– Постой. Ты же говоришь, что ничего не помнишь.

– Я не помню свою жизнь. Не помню нашу жизнь. Не помню, кто такой Ричард Фредерик Рэ, милорд Верд.

– Принц Тигверд, – поправила я его.

– Тем более принц Тигверд. Но я знаю, что я люблю тебя.

– Кофе будешь? – поднялась я.

– Что?

– Кофе тебе налить?

– Давай, – грустно улыбнулся мужчина.

– Скажи мне, – когда я стояла к нему спиной, мне было намного легче с ним разговаривать, – а ты не помнишь в своей жизни на изумрудном болоте такого момента...

– Постой, – перебил он. – А ты откуда знаешь, что это было болото? И что оно было изумрудным?

– Один раз я туда попала – хотела тебя увидеть.

– И ты видела меня с Ией.

Кивнула, не поворачиваясь.

– Прости, я не помню ту жизнь.

Я отставила чашку:

– Как это удобно... То тебя заколдовали, то ты не помнишь. И в любом случае – ты не виноват!

Поднялась, чтобы уйти.

– Ника, – нежно перехватили меня. – Почему же не виноват? Виноват. И, самое главное, я понимаю, что уже ничего не исправить. Мне осталось только просить о прощении. И целиком зависеть от того, какое решение ты примешь. Но пока я жив, я буду это делать. Каждый день.

– Отпусти.

Объятия мгновенно разжались. Я посмотрела на него и не поверила. Нежные и грустные глаза. Теплые, сильные, ласковые руки. Красивые слова, клятвы, обещания... Все это уже было. И верить... не получается. Хочется. Но не получается. Покачала головой и пошла к себе.

– Ника, расскажи мне все, что произошло между нами. Пожалуйста, – раздалось мне в спину.

– Мне бы не хотелось этой беседы, – ответила я, не поворачиваясь.

– Почему?

– Ты должен вспомнить. Сам.

– Я тебя обидел? Было ведь еще что-то, кроме домика на болотах?

– Да, – не стала спорить я.

– Я тебя оскорбил?

– Не без этого.

– А причина?

– Ревность, – как можно равнодушнее ответила я. – Спокойной ночи, Ричард.

Завтрак. Казалось бы, трапеза, которая должна была проходить

спокойно. Однако безоблачной она была только для пока еще безымянного щенка. Он съел свою порцию каши, добровольно дал выбрать остатки из складок на морде, придающих умилительно-трогательное выражение. Успел вытереть об меня слюни и гречку, послушать, какой он свиноморд. Порадоваться этому.

Щенок освоился. Осознал, что его любят и на улицу не выгонят. Карие глаза сияли счастьем, толстые лапы наступали на длинные уши, – и все мы начинали невольно улыбаться, глядя на это шоколадно-золотистое чудо.

Тем не менее люди в квартире были напряжены. Феликс посматривал на милорда Верда, не зная, как реагировать на его присутствие. Мои распоряжения, в отличие от Паши или Рэма, он игнорировать еще не умел. Но по всему было видно, что дело это наживное...

Ричард был каким-то потерянным.

Что касается меня... Я просто очень, очень хотела спать.

Однако надо было поторапливаться. Я выскочила в коридор – увидела испорченное пальто, про которое вчера благополучно забыла. Вслед за мной вышел и Ричард.

– Можно с тобой?

Я опешила. Вот только его на моей работе и не хватало.

– За щенком присмотрит Феликс – я его попросил. Просто... – он помолчал, потом продолжил: – Я все равно перенесусь вслед за тобой. Я пытаюсь этому противостоять, но пока ничего не могу с собой поделать.

– А во что тебя одеть? – смирилась я с его присутствием. – Ты же не можешь появиться в таком виде.

Ричард щеголял с голым торсом.

– Мне что-то передали вчера из одежды.

– Пойдем посмотрим. Только побыстрее.

Мы нашли в саквояже, который выдали милорду Верду, белье – обычное, земное, не имперские длинные портки. Кроме того, там были и джинсы, и свитер, и ботинки, и пальто. Одевался командующий Тигверд быстро, по-военному. Так что на работу я не опоздала.

Войдя в аудиторию, Ричард стал невидимым... Просто медленно растворился в воздухе. Красиво. Вот что за человек? Даже это у него получается красиво... Или все дело в том, что я влюбленная дура?

Милорд сел подальше, чтобы на него никто не наткнулся. Я только вздохнула. Не люблю, когда на занятиях посторонние. Чувствуешь себя уже не так – скованно. Но... что поделаешь?

После пар – хорошо, что у меня их сегодня было всего три, – мы доехали до магазинчика, где я любила запастись мясом и творогом. Там они, в отличие от супермаркетов, были похожи на настоящие.

– Знаешь, что я еще помню? – выдохнул мне на ухо Ричард.

– Что? – Я стояла над прилавком и размышляла, как купить все, что нам надо, и уложиться в те деньги, которые я могла позволить потратить.

– Я помню, как ты жарила мне и мальчишкам блинчики. Это было счастье...

– Ричард, прекрати. – Меня обуяла такая злоба, такое отчаяние... – Ты, конечно, тоже пострадал. Но это не отменяет того факта, что ты сам от всего этого отказался.

– Знаю, – опустил он голову. – И меня это сводит с ума.

Он решительно забрал пакеты из тележки, мы вышли из магазина. И тут Ричард поинтересовался, как мне лучше получить деньги на хозяйство – наличкой или на карточку. И это прозвучало так обыденно... Что я не могла не возмутиться.

– Ричард, как-то для человека, потерявшего память, ты слишком хорошо ориентируешься в мире, который для тебя вроде бы чужой?!

– Так я же память потерял, а не мозги, – спокойно ответил он мне. – И прекрасно понимаю, что жить за твой счет мне... мягко говоря, не положено.

– А что так?

– Это унижительно!

– Вот, пожалуйста, запомни все, что ты чувствуешь сейчас. Потому что мы обязательно вернемся к этому разговору, как только ты все вспомнишь. И когда это произойдет, я обязательно расскажу тебе, как унижительно, когда в империи Тигвердов все в магазинах запуганы тобой и мне не дают расплатиться за собственные покупки!

– Мы же об этом разговаривали уже. Правда, ты не так сильно гневалась...

– Было дело.

– И как я тебя уговаривал?

– Сначала ты говорил, что вычтешь эти покупки из моей зарплаты...

– Ты на меня работала?

– Да. Прислужой.

– Как-то я плохо представляю тебя в виде прислуги, – хмыкнул он. – Вот в роли командира – это да...

– Я была очень хорошей экономкой! – обиделась я.

– Должно быть, я по тебе с ума сходил... – Он долго смотрел мне в

глаза. Потом с усилием отвел взгляд и спросил: – Ладно. Сначала я говорил что-то про твою зарплату. А потом?

– Потом я стала твоей невестой.

– Невестой, – грустно усмехнулся он. – Я не помню подробностей. Но я помню ощущение счастья...

– Я не возьму денег. Ни от тебя. Ни от твоего отца.

– Ника...

Для того чтобы отзаниматься со своими двумя учениками вечером, я влила в себя столько кофе, что булькала уже, как кофейник в поместье милорда Верда.

И как только ученики ушли, я разделась, рухнула на кровать и отключилась. Снилось мне всякая белиберда: я сижу на камне возле поместья, Ричард стоит рядом и ест малину. Потом мы с ним танцуем вальс вокруг этого же камня... У меня кружится голова. Я обнимаю его и шепчу: «Кажется, я жду ребенка». Он злобно смотрит мне в глаза и отвечает: «У меня ублюдков не будет». Кладет мне руку на живот. Я кричу, вырываюсь – но ничего сделать не могу. Он сильнее. Он намного сильнее...

Проснулась вся в слезах.

Снова завтрак.

– Тебе снятся кошмары?

– Да, – не стала таиться я.

– С моим участием?

– Да.

– Ника, ты ведь понимаешь, что это все неправда? – Он говорил это так горячно, словно нам снился один и тот же сон.

– Возможно. Но сейчас мне надо идти, а то я опоздаю.

– Я постараюсь сегодня остаться дома, чувствую себя лучше.

– Уверен?

Он упрямо кивнул.

Я пришла вовремя. Да и занятия прошли спокойно. А вот когда я вышла в коридор, меня уже ждали.

– Миледи Вероника, – поприветствовал меня Ирвин.

– Добрый день, – улыбнулась я ему. – Вот уж кого не ожидала увидеть.

– Вам неприятно мое общество? – огорчился целитель.

– Как раз наоборот. Пойдемте, я угощу вас кофе. Или пообедаем вместе?

– Пообедаем. Только, с вашего позволения, я заплачу.

– Да за ради бога...

Мы сидели в уютной кафешке неподалеку от Академии и ели уху. Вот что мне всегда лень готовить – так это рыбу. Но в приготовленном кем-то виде я ее очень и очень уважаю. На десерт я заказала кофе, а Ирвин – чай. Он крутил чашку в руках, очевидно, не зная, как приступить к разговору.

– Какие прогнозы у принца Тигверда? – спросила я.

– А? – удивленно посмотрел на меня целитель. Потом решительно произнес: – Неплохие. Только ему надо общаться с теми, кого он знал... Не только с вами.

– Надо будет милорда Милфорда пригласить, они же друзья. И, может, кого-то из его армейских подчиненных. И в поместье обязательно отвезти.

– Замечательные идеи, миледи, – рассеянно одобрил целитель, явно думая о другом.

– Ирвин. Я думала, вы дадите мне рекомендации, как быть в данной ситуации.

Ирвин уставился в свою чашку. И окончательно смешался.

– Слушайте... Вы меня пугаете сегодня. Что случилось?

– Император...

– Что с ним?

– Он... – смущенно проговорил целитель, – мертвецки пьян. И, как мы все поняли, не собирается выходить из этого состояния.

– И вы это сообщаете мне – почему?

– Миледи Вероника, – прижал Ирвин руки к груди. – Всеми стихиями заклинаю... Помиритеесь вы с ним. Поговорите! Пожалуйста!

– Что? – взвилась я. – Ирвин, при всей моей к вам симпатии... Я не намерена общаться с его величеством.

– Я не только целитель его величества... – тихо проговорил Ирвин. – Я еще и самый верный его слуга.

– Послушайте, – попыталась я достучаться до целителя. – Я...

– Миледи Вероника, пожалуйста, выслушайте меня! Он сидит, уставившись в одну точку. Выгнал всех. И пьет. С того момента, как принц Тигверд ушел за вами из дворца.

– Теперь еще скажите, что это я виновата!

– Миледи Вероника, я этого не говорю. Я сказал, что будет чудесно, когда вы помиритеесь.

Я только фыркнула.

– Жизнь не всегда добра к людям с даром. И мир, в котором ты живешь, не всегда считает, что у тебя дар. Иной раз люди уверены, что ты – это исчадье тьмы. И тебя надо казнить. Сжечь... Как и всю твою семью за

то, что они укрывали тебя и не выдали властям...

Я не сразу поняла, что Ирвин говорит о себе.

– Так вы не из мира империи? – проснулось у меня любопытство.

– Нет. Империя Тигвердов – родина, которая приняла меня. У нас же, в моем мире, любая магия – под запретом. А я был слишком сильный, чтобы хорошенько скрывать свой дар. Да и слишком гордый, чтобы это делать. Мне хотелось доказать, что я – это не зло.

– И вы стали лечить людей.

– Я всегда это делал – просто не мог иначе. А женщина, которой я вылечил дочь, и написала на меня донос. Странно так – сначала она валялась у меня в ногах и молила помочь. Клялась, что она сделает все, чтобы меня отблагодарить. А потом точно так же она валялась в ногах у инквизиторов. И каялась.

– Может, она боялась, что пострадает ее семья?

– Ее дочь приговорили к костру точно так же, как и меня. Сказали – раз девочка испытала на себе влияние магии, то лишь очистительный огонь ее спасет. Вместе с нами приговорены были две моих сестры. И мама. Отец к тому времени умер...

– И каким образом вы спаслись?

– Император Фредерик. Он услышал мольбы моей мамы. Ее тащили последней – и она пыталась объяснить своим знакомым, соседям... всем жителям городка, что я – хороший мальчик. И не заслужил смерти. Она уже даже не плакала – она выла.

Я представила картину и содрогнулась.

– Император очень хороший и справедливый человек. Он не смог пройти мимо. Вытащил нас всех. Так мы оказались в империи Тигвердов. Я закончил Академию. Со временем стал главным целителем.

– А как его величество оказался в вашем мире? Возле вашего городка? – задала я вопрос, чтобы отвлечься от ужасной картины казни, что стояла у меня перед глазами.

– Он иногда уходит из империи – путешествует. Он так отдыхает. Несколько дней. И всегда строит портал так, чтобы не знать, куда его занесет. В тот раз его занесло к нам.

– Понятно...

– Вероника, я вас прошу.

– Не думаю, что ему станет лучше, если я поговорю с ним, – вздохнула я.

– Но вы по крайней мере попытаетесь?

– Слушайте, у вас целая империя имперцев. И целители прекрасные –

что вам стоит его вывести из этого состояния?

– У него бывает такое. С того момента, как погибла миледи Милена – возлюбленная императора и мать Ричарда.

– Я поняла, – кивнула я.

– И в таком состоянии он дает приблизиться только старшему сыну.

– Но Ричард и сам в таком состоянии, что...

– Вот именно, миледи.

– А с чего вы взяли, что мое появление окажет благотворное воздействие?

Ирвин улыбнулся одними глазами.

– Хорошо... – сдалась я. – Давайте навестим его величество. Только если что – идея была ваша. И я вас ему сдам, если что, и вины испытывать не буду! Только позвоню, ученика перенесу на другой день.

– Да, миледи, – обаятельно улыбнулся Ирвин. – Пойдемте.

Он расплатился за обед. Хлопок – и мы оказались во дворце.

– А где, кстати говоря, его величество? – остановилась я.

– В своем кабинете.

Я вспомнила, как подслушивала. Вспомнила, что подслушала, и поморщилась.

Мы прошли через приемную – пустую, как и тогда, несколькими днями раньше. Ирвин распахнул передо мной дверь.

– Ваше величество, – заглянула я с чувством, что захожу в пещеру к саблезубому тигру.

Глава 26

– Вероника?! – удивился император. – Надо же... Не думал, что допьюсь до того состояния, когда вы мне будете мерещиться.

– Как-то вы слишком хорошо изъясняетесь для «мертвецки» пьяного человека... – нахмурилась я.

– Вас Крайом уговорил?

– Нет. Не он. И кроме него, есть добрые люди, – решила я все-таки не сдавать целителя.

Я остановилась на пороге кабинета. Мда, мебели как-то поуменьшилось – точнее, кабинет был пуст. За исключением книжных шкафов да пейзажа на стене, ничего не осталось. Сам император расположился на ковре перед камином. Три огромные, глиняные, оплетенные лозой бутылки перед ним. В руках он меланхолично вертел небольшой серебряный кубок. Вид помятый. Кружева на манжетах поникли, капилляры в глазах полопались. Запой по-имперски... Красавец...

Тем временем император перекинул бутылку, набулькал себе чего-то.

– Ваше здоровье, – бодро поднял он кубок.

Я решительно прошла в кабинет.

– У вас – дворцовый переворот, – укоризненно проговорила я. – На Брэндона и Ричарда кидают заклятие за заклятием, пробивая защиту, при этом ничем не обнаруживая себя. Их невозможно поймать, им невозможно противостоять. Надо отловить умельцев! Прошерстить весь дворец! Аристократы ваши... уроды. А вы пьете!

– Пью, – печально и равнодушно заметил Фредерик.

– И с чего вдруг?

– Все бессмысленно.

– О как!

Я посмотрела на императора, который впал в философский настрой. Было как-то... странно.

– И что вы стоите над душой? – сварливо спросил Фредерик. – Присаживайтесь.

Покачала головой, дернула за шнурок, вызывающий слуг. Поймала на себе любопытствующий взгляд его величества.

– В империи Тигвердов есть коньяк? – спросила я у него.

– Что? – удивился он.

– Вина я не хочу, настойки тяжелые, сладкие – в результате портится

фигура и болит голова. Ужас, который вы с Ричардом пьете, я не потяну. Погибну. А алкоголя в кровь нужно. Думаете, только у вас эти дни получились отвратительные?

После осторожного стука к нам заглянула служанка.

– Миледи? – Она прямо-таки изумилась, увидев меня. Странные они тут все. По-моему, вид императора Фредерика, занимающегося пьянством в кабинете, откуда он выкинул всю мебель, должен вызывать большее недоумение, чем женщина в черном деловом костюме на высоких каблуках. Хотя... Им тут виднее, конечно.

– Будьте добры... – начала я.

– Миледи будет... – вмешался император – дальше шло какое-то длинное название на языке, которого я не знала.

– Две бутылки, – из вредности уточнила я. – Апельсиновый сок. Побольше. Бутерброды. И скажите на кухне – пускай поставят тесто на пирожки. Мы с его величеством будем ужинать.

– И говяжий бульон. Как тогда – в поместье у сына, – добавил мечтательно император.

– Именно, – кивнула я. Потом посмотрела на него с подозрением и спросила: – Ваше величество, когда вы ели в последний раз?

– У вас, по-моему.

– И что-нибудь существенное его величеству, – распорядилась я. – Прямо сейчас, – и отпустила служанку.

Разулась – ноги устали в уличной обуви, скинула жакет. И уселась перед императором на ковер, скрестив ноги по-турецки. Как хорошо, что я сегодня на работу пришла в брюках.

– Слушайте, вы долго намерены в меланхолии пребывать? – спросила я осторожно.

– А что? – недовольно посмотрел на меня Фредерик.

– Просто, если у вас тут смута начнется, мне надо детей забрать, а то они в вашей Академии значатся как родственники вашего сына. Как вы думаете, какой у них шанс уцелеть?

– Вы знаете, что изображено на этой картине? – спросил Фредерик меня через какое-то время.

– Замок. Яблони в цвету, – пожала я плечами. – Красиво.

– Сейчас там... пепелище.

– Пойдите. – До меня стало доходить. Я вспомнила, что мне рассказывал Ричард. – Это... замок рода Рэ?

Император кивнул:

– Как вы понимаете, я не могу себе позволить, чтобы у меня – хоть

где-то – был портрет возлюбленной. Я император. Владыка своей страны. Но не владыка самому себе. Поэтому этот пейзаж – все, что у меня осталось от моей любви. И еще – если долго играть на рояле ее любимые мелодии – она приходит...

Что тут скажешь...

В дверь тихонько постучали.

– Заходите! – отозвалась я.

Получив разрешение, в комнату зашел слуга, поклонился, закатил тележку с едой. Недоуменно посмотрел на императора возле камина. Потом его любопытствующий взор остановился на мне. Я скривилась. Он понял намеки. Огляделся, пытаясь сообразить, где ему сервировать стол.

– Оставьте, мы сами, – облегчила я его муки.

Слуга подкатил столик к нам поближе:

– Ваше величество. Миледи. – Поклонился и вышел.

– Я кажусь вам жалким? – усмехнулся Фредерик. – Я... Да и Ричард тоже... Мы вас разочаровали. Оказались не такими надежными. Не такими сильными... И оказалось, что любить нас... весьма проблематично...

– Перестаньте, – попросила я. – Как вы там говорили Крайому? Вам такие стоны не к лицу.

Между тем я открыла бутылку с коньяком – пренебрегла недовольным взглядом императора, который не успел обо мне позаботиться. Налила в бокальчик. Сказала:

– Ваше здоровье. – И выпила. – Надо было это еще вчера сделать. Может, проспала бы...

Император рассмеялся.

– Не знаю, как связано употребление алкоголя со сном. Я вот эти ночи не спал.

– Пили, ваше величество?

– Именно.

Я передала ему тарелку, на которой были жареное мясо и овощи. Фредерик стал есть. Сначала медленно, словно нехотя, потом все с более и более возрастающим аппетитом.

Я заглянула в свой бокал. Длинное чего-то там на непонятном языке было густым, чуть маслянистым, по цвету действительно напоминающим наш коньяк. Судя по ощущениям, напиток был не менее крепкий, только с сильным запахом вишни и травяным привкусом – что-то вроде мелиссы.

– Вкусно. Как это называется?

– Родагрибер. Напиток Османского ханства – если перевести его название, получится что-то вроде: «Да будет мир». Его пьют после

заклучения договоров и просто если кто-то решил помириться – бутылку ставят на стол.

– Выпьете со мной? – предложила я, кокетливо помахивая кубком. Сделала глубокий вдох. Немного повело. И такая любовь внутри – к Ричарду, императору, его покойной супруге. Да. Родагрибер не так-то прост. Надо будет выпросить пару бутылочек. Мало ли с кем мне приспичит помириться – все бывает.

– Ваше здоровье, Вероника, и да будет мир! – Император кивнул, вытер остатки гномьего самогона краем рубашки и плеснул себе из бутылки. Потом продолжил. Было видно, что говорить ему не просто, но он все же решился: – Я сам взошел на трон в результате дворцового переворота, Вероника.

– Что? – удивилась я.

– Заговор. Заговор, в результате которого император Максимилиан и моя достопочтенная матушка лишились магии. Отец был вынужден передать престол мне.

– Никогда бы не подумала, – посмотрела я на него.

Император кивнул. Мы с ним разлили алкоголь по емкостям и выпили.

– А император Максимилиан... Он теперь не маг?

– Отчего же? – удивленно посмотрел на меня император. – Я не хотел войны. Я хотел победы. Поэтому на моего отца распространяется одно старинное, но очень действенное заклятие – он маг до того момента, пока он не перемещается в этот мир.

– Но это не может ему помешать действовать с помощью наемников.

– Его проверяли в первую очередь, – с улыбкой посмотрел на меня император. – Еще осенью, когда было первое покушение на Ричарда. Я говорил с ним. Это не он. Как вы знаете, в магии приоритет имеет сильнейший. Бывший император слабее меня как маг. Поэтому я его прочитал.

Я поежилась:

– Как-то все... Не по-человечески.

– Зато очень по-имперски, – кивнул Фредерик. – Здесь не любят детей. Здесь ценят хороших наследников. А я предупреждал отца: я буду образцовым сыном, лишь пока моя семья в безопасности.

– А ваша семья?

– Это Милена и Ричард, – ответил император и выпил.

– Погодите. А Брэндон? – возмутилась я. – А его мама?

– С... покойной императрицей у нас были... тяжелые отношения. Моя любовь к другой женщине, ее любовь... к другому мужчине. Два

несчастливых человека рядом. Во имя какой-то абстрактной идеи. Благой, я не спорю.

– Какой идеи?

– Мира между нашими странами. Империя Тигвердов всегда воевала с Османским ханством. И вот мой отец – император Максимилиан... И ее отец – великий хан – решили положить этому конец. И два человека оказались женаты.

– Так бывает, – кивнула я, вспоминая земную историю.

– Только мира так и не получилось. И года не прошло, полыхнула новая война – теперь уже за приданое юной жены принца Фредерика Тигверда. Потом – после очередного заключения мира – ряд пограничных конфликтов.

– Жалко...

– Бессмысленно.

– А почему так произошло?

– Потому что два владыки не собирались сохранять мир. Он им был просто нужен на тот момент – каждому по своей причине. В Османском ханстве набирала силу партия мира. И хан был вынужден сделать вид, что пошел на уступки. У нас... отец искал повод для войны, чтобы не выглядеть агрессором. Да и наследника от меня надо было завести. Я – к тому времени – не устраивал его абсолютно.

– И тогда появился Брэндон, – прошептала я.

– И за это я вытребовал право для Ричарда быть Тигвердом, – опустил голову Фредерик. – Вы не находите, что это нелепо – жизнь одного за родовое имя для другого...

– Теперь я понимаю, что имеет в виду Брэндон, когда говорит, что однажды выскажет вам все, – вздохнула.

– Думаю, он говорит не об этом.

– А о чем еще?

– Он искренне считает, что это мы с Ирвином уморили Анабель.

– Анабель – это?

– Мать Брэндона. Моя супруга.

– Вы же не хотите сказать, что все это затеял ваш младший сын? – испугалась я.

– Вы думаете, если он уверен в том, что я убил свою жену, то единственной реакцией может быть заговор?

– Вы – император. Вам виднее, – осторожно заметила я.

– Я говорил с ним. Он слабее меня. Я его прочитал – наследник не участвует в заговоре. И я не убивал свою жену, – вздохнул Фредерик. –

Просто так совпало, что я практически одновременно лишился и жены, и любимой.

– С ума сойти... – Я выпила. И посмотрела на пейзаж.

– Когда я говорил, что Тигверды – неприятные люди, я не лукавил.

Мы вздохнули и выпили.

– Что будет теперь с вами и Ричардом? – спросил меня Фредерик.

– А вы по-прежнему вмешиваетесь.

– Изо всех сил стараюсь этого не делать, – склонил голову император. – Кстати, как вам удалось остаться незамеченной тогда в приемной? Я вас не почувствовал.

– Не знаю, – честно ответила я.

– А что вы чувствовали, когда подслушивали?

– Ярость. Практически с самого начала.

– Значит, вы силой эмоций заблокировали мою магию. Очень интересно.

Пожала плечами – ему интересно... А мне вот нет. Совершенно.

– В скором времени прибудет один маг. Очень сильный. Умный и преданный мне лично. Вы не откажетесь с ним поговорить?

– Не откажусь. Надеюсь, он не станет утверждать, что это я заколдовала вашего сына.

– Конечно, не вы. Если, конечно, любовь не рассматривать как магию.

– Фредерик, – скривилась я.

– Уже по имени, – улыбнулся он. – Уже приятно.

– Рада служить вашему величеству, – ядовито ответила я.

– Вы простите меня?

Я прислушалась к себе. Задумалась. Ярость за несколько дней поутихла. Как и обида – жгучая, детская... И я задала себе вопрос: а я бы смогла остаться в стороне, если бы несчастлив был Пашка, Рэм или Феликс? Конечно, память избраннице я подчищала бы вряд ли... Но вот так – чтобы совсем в стороне? Особенно если бы я могла что-то изменить? Вздохнула. И протянула Фредерику руку.

– Спасибо, – растроганно сказал он, осторожно пожимая кончики моих пальцев.

– Простите и вы меня. За ожерелье.

– Милфорд рассказал о вашей выходке, – кивнул Фредерик.

– Я не имела на это права. Колье мне не принадлежит.

Фредерик рассмеялся:

– Но получилось символично – имперские жемчуга невесты... И на бутылку... как это у вас называется?

– Коньяк, ваше величество. – Я улыбнулась.
– Мне понравилось. Ричард тоже оценил.
– Это когда? Когда он в небе над замком после приема летал?
– Брэндон был в восторге, – хмыкнул император. – Заявил мне, что теперь понимает, почему ему всегда старшего брата ставили в пример.
– Слушайте, я все хотела спросить. А дамы от лошадей в небе... не пострадали?
– Вы имеете в виду нервную систему или?.. – хитро прищурился император.
– Или...
– Лошади сильно испугались. Поэтому...
– Чувствую себя отмищенной, – прижала я руки к груди.
– Вас очень обидели наши... дамы?
– Фредерик, я давно уже решила для себя, что мир делится на две очень и очень неравные половины. Есть близкие. Они рядом, максимально близко. Они – самые дорогие. И я радуюсь им. Я обижаюсь на них. Иногда... – я посмотрела на Фредерика, – они могут делать очень больно. А есть весь остальной мир. И он вместе со всеми вашими придворными дамами может катиться...

Тут я вспомнила, что нахожусь в Императорском дворце. И закрыла себе рот ладонью. Во избежание, так сказать.

– А Ричард? – спросил Фредерик тихо-тихо.

Вот не зря народная мудрость говорит: что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Промолчать я не смогла:

– Я подпустила его недопустимо близко. Наверное, из-за моей растерянности. Я оказалась в непонятной, пугающей ситуации. В другом мире. А он казался таким надежным. Таким... незыблемым, что ли... Нежным...

Я закрыла глаза, пытаюсь взять себя в руки.

– Вы злитесь на него?

– Я всегда злюсь только на себя.

– И в чем же ваша вина?

– Не надо делать того, что делать не надо.

Я налила и выпила еще.

– Не понимаю, – честно ответил император.

– Я изначально отдавала себе отчет в том, что идея со свадьбой – просто глупость. Меня – пришлую, безродную... еще можно терпеть в роли любовницы императорского сына. Но в роли супруги! Я вас умоляю. Даже если бы у вас не было заговорщиков... Был бы и кристалл с записью... И

что-нибудь еще позамысловатее... Неважно – это была бы графиня Олмри или кто другой... Что-нибудь да придумали бы.

– То есть вы считаете, что Ричард не в состоянии защитить ту, что ему дорога?

– По крайней мере, пока это у него плохо получается.

– И мой двор до последнего будет бороться, чтобы этого не случилось.

– Конечно. И ваш управитель, который утверждал, что я вызов всему обществу, – это лишь рупор. Причем не самый умный, потому что сказал все в открытую.

– Занятно, – проскрежетал император. – Посмотрим, что с этим всем можно будет сделать.

– Не хочу расстраивать ваше величество, но ни-че-го.

Тут в коридоре раздался шум – словно кто-то прорывался, проламывая оборону. Крики, лязг оружия, хлопки заклинаний.

– А вот и Ричард решил присоединиться к нашей познавательной беседе, – с довольным видом протянул император.

– Надо распорядиться, чтобы принесли еще один прибор, – меланхолично отозвалась я, допивая рогагрибе... коньяк – и сразу наливая еще.

Глава 27

Дверь снесло мощным хлопком заклинания... Но, видимо, труженики феодализма во дворце работали на совесть: все задрожало, но устояло.

Дальше мы лицезрели явление принца Тигверда мне и императору. Бледное от гнева лицо, полыхающие алыми костерками глаза. Длинные волосы перетянуты черной банданой – на манер пиратов, что придавало Ричарду вид зловещий, грозный и беспощадный.

Это произвело впечатление, поэтому мы с Фредериком подняли навстречу друг другу кубки и выпили. Чокаться в империи было не принято, но и не отметить такое событие было нельзя.

– Доброго вечера, – поприветствовал сына Фредерик.

Ричард шагнул в комнату.

– Принесите милорду приборы, – негромко приказал император народу, который скромно жался в коридоре.

– Кстати, что там с пирожками? – добавила я. И спросила у Ричарда: – Милорд, вы обедали?

Он как-то судорожно дернул плечом, разглядывая наши посиделки на ковре. И явно пытаюсь что-то решить для себя.

– Присоединяйтесь, ваше высочество, – насмешливо посмотрел на него император. – Признаться, я ожидал вас раньше.

– Что происходит? – зарычал Ричард.

– Сейчас объясню. – Император залпом допил остатки гномьего самогона, поставил кубок рядом с собой. – Ты выставил Веронику из дома, предварительно разорвав помолвку за три дня до свадьбы. Твою невесту пытались убить сразу, как она покинула твой дом. Еще ты ей продемонстрировал свои игрища с любовницей. Не пришел на помощь, когда твою любимую пытались убить. Я ничего не забыл, Вероника?

– Нет, – сказала я осипшим голосом.

– Вот как, – проскрежетал принц Тигверд. – И это именно то, что миледи Вероника не желала мне рассказывать?

– Именно. Так что должен тебе сообщить, что помолвка расторгнута, и при желании твоей *бывшей* невесты я быстро найду ей такого мужа, который сумеет сохранить свое сокровище.

Ричард замер. Я неодобрительно покачала головой.

– Как же это противно и унижительно, – проговорила я. – Вот уж действительно, «чем больше познаешь людей, тем больше нравятся

собаки...».

И император, и его сын посмотрели на меня с одинаковым выражением лица. Недовольно и надменно.

– Что? Я, кстати, недавно собаку завела...

– Это мой пес, – заявил Ричард.

– С чего вдруг? Он мне под колеса кинулся – я его спасла.

– А я весь день лужи по квартире вытирал. И кашей кормил.

– Еще скажи, что ты ее варил, – фыркнула я.

– Варил, – надменно ответил ненаследный принц. – Даже вон платок надел на всякий случай, чтобы волосы в еду не попали.

– Вы еще не поженились, а уже имущество делите, – рассмеялся император.

Теперь мы с Ричардом смотрели на него с негодованием.

Стук в дверь – принц Тигверд был вынужден посторониться, пропуская слуг со столиком на колесах. Румяные пирожки выглядели очень аппетитно.

– Что будешь пить? – спросил император у сына, когда посторонние вышли.

– Гномий, как обычно, – не задумываясь ответил Ричард, усаживаясь с нами у камина. И тут же улыбнулся оттого, что хоть что-то вспомнил о своей жизни. Потом посмотрел на нас с императором – и улыбка погасла.

– Ну вот... – не могла не прокомментировать я. – Про алкоголь в своей жизни вспомнили. Можно сказать, что жизнь налаживается...

– А еще я не забыл про главную женщину в своей жизни...

Я тяжело вздохнула – налила себе бокал. Сама. Пополнее. Выпила.

– Ричард, – обратился к сыну император. – До покушения ты лучше всех умел читать людей. У тебя получалось даже лучше, чем у меня. Истинные чувства, эмоции, воспоминания. Воспоминания никто не может прочесть. Представители твоего рода по матери считают прошлое. Не все, конечно. Но Милена могла. Она была очень сильной колдуньей. Видимо, поэтому твои способности – сильнее и многогранней. Тебя невозможно было обмануть. От тебя ничего нельзя было утаить... Потом с тобой что-то случилось – ты не помнишь, а мы не знаем... Но ты эту способность утратил. А сейчас?.. Мы перед тобой – попробуй нас прочесть. Я сниму свои блоки, чтобы ты точно знал – это все правда. Тебе с кого удобнее начать?

Принц Тигверд выпил то, что у него было в кубке, и уставился в огонь.

– Вероника... – произнес он мое имя, словно пробуя на вкус вино. – Злость. Боль. Почему тебя так раздражает, когда я сосредоточенно смотрю в

пламя камина?

– Плохие воспоминания, – нахмурилась я. Потянулась к бутылке, налила еще. Выпила. Может, отпустит?

– Кто я для тебя?

Я вспыхнула таким негодованием, что он вздрогнул.

– Сильные чувства. Я чувствую даже ненависть, но почему-то направленную не на меня, – прошептал он.

Закрыла глаза. Потом почувствовала, что он гладит меня по щеке.

– Ненавидишь себя за то, что все еще любишь, – посмотрел он мне в глаза, и в его взгляде плескалась нежность – бездонная, как океан.

– Ты еще спроси, изменяла ли я тебе, – прошипела я.

– Кто такой Брэндон? – вдруг спросил он.

– Твой брат. Младший, – быстро ответил император. – Наследник империи Тигвердов.

– Почему Ника боится оставаться во дворце, что произошло у нее в ванной комнате... – Ричард посмотрел мне в глаза, я не отвела взгляд. И опять увидела, как он вспыхивает, как пламя. – Брэндон связан с этим так, как я думаю?

Я посмотрела на Ричарда с ужасом. Когда он говорил мне, что знает, когда ему говорят правду, а когда – ложь, я воспринимала это... Как-то не всерьез. Мало ли кто что чувствует. Когда он говорил, что в личной жизни это – проклятие, я посмеивалась. А вот теперь я поняла, насколько он все чувствует... И осознала – да, это проклятие.

– Ты сочувствуешь мне? – чуть улыбнулся он.

– Это, должно быть, действительно тяжело... Знать, что люди о тебе на самом деле думают. И что на самом деле... чувствуют.

– Так что с Брэндоном? – Взгляд его, направленный на императора, потяжелел.

– Он был под заклятием, – ответил ему отец.

– Убью, – прокрипел старший сын.

Я взяла Ричарда за рукав, развернула к себе. Долго смотрела в опять ставшие алыми глаза и тихо сказала:

– Нет.

И постаралась передать – не знаю, в мыслях ли, в воспоминаниях ли, как его младший брат переборол на несколько минут заклятие, выпустил меня и сказал: «Зовите на помощь». Еще я вспомнила, как бежала через комнаты и звала его, Ричарда. А он не приходил.

Потом мы расцепили взгляды, и я тихо застонала. Голова, казалось, лопнет.

Почувствовала пальцы Ричарда на своих висках.

– Прости, – прошептал он.

– Вызови Ирвина, – распорядился Фредерик. – Ты не умеешь лечить, ты можешь только забрать боль себе.

– Не нужно, – скривился принц Тигверд. – Я это заслужил.

– Воля твоя, – поморщился его отец.

– Вы так же воспринимаете людей, как и Ричард? – спросила я императора.

– Не настолько ярко, – отрицательно покачал головой Фредерик. – И я ставлю мощные щиты, чтобы не сходить с ума, воспринимая чувства и эмоции окружающих. Особенно без необходимости... Ричарду придется заново этому учиться. Но его способности, без сомнения, вернулись. И это хорошо.

– А если люди не хотят, чтобы их мысли и чувства читали, вы можете взломать защиту?

– При необходимости – конечно. Но лучше всех это делает, без сомнения, Ричард.

Пока мы вели беседу, Ричард уже пришел в себя.

– Вероника, можно мы поговорим с его величеством наедине? – попросил он. – Я бы не хотел читать его в твоём присутствии.

– Хорошо, – кивнула я. – Только сделайте мне портал домой – я устала.

– Можно тебя попросить...

Надо же... Никогда не видела милорда Верда или принца Тигверда смущенным. Надо признать, ему идет.

– О чем? – Во мне некстати проснулось пьяное благодушие.

– Ты могла бы подождать меня здесь, в соседней комнате? Просто если ты далеко... Я теряю контроль над собой. Просто схожу с ума.

– Но ты же оставался дома все то время, пока я работала. И потом... Я перенеслась сюда – ты явился не сразу.

– Держался. И щенка оставить было не с кем... Я дождался Феликса.

– Разве только потому, что ты не бросил щенка, – рассмеялась я. – Но я во дворце ночевать не желаю.

– Идет.

Поднималась я с трудом. Регир... вер... бер... как там его, был замечательным: и пился легко, и доброты по отношению к миру и людям прибавлял. Только ноги потом держали плохо. Но я изо всей силы старалась идти ровно. Старалась. И вроде даже получилось.

К кабинету императора примыкала небольшая уютная гостиная, где я и расположилась. Прилегла на диванчик и сладко заснула.

Спустя какое-то время почувствовала, что меня берут на руки. Прижалась к теплому, родному телу. Обняла плечи. Ричард легко поцеловал в волосы, скользнул губами по щеке. Улыбнулся, шепча на ухо: «Пьяная женщина – доступная женщина, да?! Я помню...» И мне стало легко и хорошо – я засмеялась ему в ответ, коснулась его губ. Запустила руки в его совсем уж отросшие волосы. И бурлящее ликование заполнило все мое существо, когда я услышала, что его дыхание становится тяжелым. Рваным.

Поцелуи с Ричардом, от которых я схожу с ума... Как же мне их не хватало... Помню, что должна на него злиться и не должна его целовать... Задумываюсь об этом. Чуть прикусываю его губу. К сожалению, Ричард тоже вспоминает об этом – потому что он отстраняется и хрипит:

– Ника, ты же меня завтра за это ненавидеть будешь...

– Буду! – хочу ответить я, но у меня нет сил. И я засыпаю.

Потом бурчу недовольно, потому что меня опять будят. В квартире кто-то лаает. И топают четыре лапы. И это странно. Кто это?

– Что с мамой? – слышу обеспокоенный голос Феликса.

– Все хорошо. – Я слышу, что Ричард, у которого я дремлю на руках, улыбается. – Открой дверь в ее комнату, я ее уложу.

Он доносит меня до кровати, укладывает, легко гладит по голове. Я тянусь за его рукой.

– Я тебя люблю, – шепчет он и уходит.

Пытаюсь злиться на него... Но вместо этого глупо и счастливо улыбаюсь. Сплю.

Мне это снится или у нас на кухне действительно мужские посиделки? До меня доносятся голоса Ричарда, Феликса и... императора. Этот-то у меня на кухне откуда?

– Уснула? – тихонько рокошет он.

– Она что – пьяная? – возмущается звонкий голос Феликса.

– Ш-ш-ш-ш, – хором шипят на него Фредерик и Ричард. – Не разбуди.

И Фредерик, явно успокаивая моего сына, говорит ему:

– Сегодня – можно...

– Принц Тигверд, – все равно злится Феликс, – что вы опять затеяли?

– Не шуми, – отвечает ему Ричард. – Давай все завтра...

– Держи корзинки, Феликс, – снова слышу голос императора. – Тут я приказал собрать готовой еды. Там есть кувшинчик глиняный, поставь ей рядом с кроватью – с утра пригодится.

– Может, на какую-нибудь кладовку заклинания стазиса наложить и забить ее продуктами? – задумчиво говорит Ричард. – Еда не будет портиться... Только я не помню, как это делать.

– Ты с бытовой магией никогда не дружил, – тихо смеется император. – Так что память тебя не подводит. Ты просто этого не умеешь.

Утром я раскаивалась. Было тошно. Не так чтобы очень, но все-таки... В организме была засуха – она, правда, быстро ликвидировалась с помощью волшебного средства, оставленного императором. А вот на душе было смутно и тревожно. Куда несется моя жизнь?..

Хорошо еще, что сегодня суббота и на работу не на...

Суббота?!!

Мальчишки должны прибыть из Академии на выходные...

Тишина в доме показалась не зловещей даже. А мертвой.

Я вскочила с кровати, быстро оделась – выскочила на кухню. Никого. Пробежалась по квартире – никого. Сумки, где был мобильник, не обнаружила. Схватила куртку, выскочила на улицу.

– Паша, Рэм, Феликс... Где вы? – закричала я во весь голос, словно они меня могли услышать в огромном городе.

Поняла, что меня начинает трясти от панического страха. Если они решили вызвать Ричарда на дуэль, как и грозились... А если...

– Мам, – раздался у меня за спиной голос запыхавшегося Паши. – Что случилось?

Я резко развернулась и увидела всех пятерых. Мужчины выглядели заполошно. Словно бежали изо всех сил. А щенок... он был в новеньком ошейнике. На новеньком поводке. Счастливо прыгал и крутился вокруг меня.

– Никого не было дома – я испугалась, – пробормотала с огромным облегчением.

– Неужели ты думаешь, что молодым людям в моем сопровождении могло что-то грозить? – голос принца Тигверда звучал обиженно.

– Я не успела подумать. Я просто испугалась. А вы бы могли догадаться и оставить мне записку.

– Прости. Моя вина. Я не сообразил.

– Его высочество выволок нас из дома, – ехидно наябедничал Паша, – потому что мы могли тебя разбудить.

– Вы шумели, – строго сказал принц Тигверд.

– Мы вас вообще-то на дуэль вызывали, – обиженно отозвался Рэм.

– Что? – гневно посмотрела на него я и недовольно – на всех остальных.

– Ты чего контору палишь? – прошипел Паша.

– Чтобы я этих глупостей не слышала! – рассердилась я.

– Спокойно, мам... Не услышишь, – пообещал Паша, делая честные

глаза.

– Я запрещаю вам что-то предпринимать на этот счет.

– Вероника, прости, – вмешался Ричард, – но это – мужские дела. И мы в них разберемся.

– Что? – Я была готова его убить. Вот тут же. Не сходя с места.

Щенок это почувствовал и отступил за мальчишек, поглядывая на меня своими умильными глазками.

– Доверься мне, – продолжил принц Тигверд.

Мне показалось или даже Рэм посмотрел на него с сочувствием?

– Так, – я заговорила не сразу, но цензурно. Горжусь своей выдержкой... – Молодые люди и щенок. Домой. Лапы этому созданию помыть и вытереть. Пока не кормить. Там у него по плану – творог с яйцом. Но только через час. Милорд Верд... Мне с вами надо поговорить.

– Вы не слишком легко одеты? – спросил он у меня.

– Не беспокойтесь, – сухо ответила я ему.

– Вы злитесь на меня?

Мы пошли с ним в сторону детской площадки, на которой, в честь мокрого снега и пронзительного ветра, никого не было.

Начнется в этом году весна хоть когда-нибудь?!

– Злюсь, – не стала спорить я.

– За вчерашний вечер?

Я посмотрела в его черные глаза и против воли рассмеялась.

– Что? – напрягся он.

– Ричард, ты меня несколько раз бросил. Разорвал помолвку, грозился убить. Тебя собираются вызвать на дуэль мои сыновья, которые против тебя – комары против слона... А ты переживаешь, злюсь ли я из-за вчерашнего поцелуя?

– Переживаю, – кивнул он.

– Не переживай. Поцелуй был изумительным...

– Вероника... Я не знаю, как все исправить, но буду стараться. А наши сыновья... Ты же прекрасно понимаешь, что им ничего не грозит.

– А если дуэль?

– Если мы все-таки не договоримся с ними и я вынужден буду... То опасность будет грозить только мне. Я даже обороняться не стану. Во-первых, они абсолютно правы. А во-вторых... Они же – наши.

– И что теперь делать?

– Ты переживаешь за меня? – с надеждой спросил он.

– Да, – вздохнула я и плюхнулась на качели. – Ничего не могу с собой поделать! Уж больно натура жалостливая...

И Ричард стал меня раскачивать.

Глава 28

Я сделала лишь глоток кофе, когда раздался требовательный звонок в дверь.

– Бабушка и дедушка! – громко и торжественно объявил Паша. – Помоему, мам, сейчас тебя воспитывать будут.

Посмотрела на Ричарда, который вместе со мной был на кухне, – я завтракала, он читал какие-то документы. Как я поняла, подглядывая краем глаза, это были чьи-то дела или досье.

– Привет, – вымученно улыбнулась я, выходя в коридор навстречу родителям.

– Добрый день, – раздался за моей спиной голос принца Тигверда.

– Телефон не берешь, к нам с мальчишками не едешь, – возмутилась мама, игнорируя моего несостоявшегося жениха. – Что? Ричард объявился – ушли в подполье?

– Мам, – протянула я.

– Спасибо, хоть Фредерик заглянул, объяснил все.

– Хочу, чтобы золотая рыбка была у меня на посылках, – пробормотала я.

– Я буду разговаривать с тобой. С молодым человеком побеседует твой отец, – не оценила моей иронии и знания русской классики маменька.

– Я уже говорил сыновьям Вероники: в том, что произошло, – только моя вина. И я готов на все, чтобы загладить ее, – решительно проговорил Ричард.

– Ага... – злобно поджала губы мама. – Пока могу сказать вот что, молодой человек: вы мне не нравитесь.

Ричард покорно поклонился – не споря и не оправдываясь.

– Мам, кофе будешь? – примирительно спросила я.

– Буду, – раздраженно ответила мама.

– Проходи, что мы в прихожей столпились.

– Мы, пожалуй, поговорим на улице, – решил отец.

Ричард ему лишь коротко поклонился, и они направились к выходу.

– Что ты дергаешься? – ругала меня мама на кухне. – Не съест его папенька твой. Так, малость потреплет. И вообще, что ты за него переживаешь?

– Ой, мам... – замахала я руками. – И сама не знаю. Убить готова. Была. Ненавижу... наверно. А жалко.

– Вот какие мы – русские бабы, – философски вздохнула мама.
И мы с ней хором протянули:
– Дуры жалостливые...
И так же хором расхохотались.
– А мне, если честно, Фредерик нравится больше. Надежный он. Заботливый, – шепотом сказала мама. Подумала и добавила. – Но возраст...
– Да... – вздохнула я. – Мне еще только с императором взаимоотношений не хватало.
– А что? – подбоченилась мама – Женщина ты у меня видная. Вся такая... Прекрасная. Интеллекта, правда, многовато.
Я зарычала.
– Слишком много. Когда не надо, – продолжила мама.
– Ага... Если вспомнить мое первое и, надеюсь, единственное замужество... То, думаю я, действительно много, – иронично отозвалась я.
– Ты была молодая. Гормоны заиграли, – пожала плечами мама. – Зато результат превосходный.
– Паша-то? Это да...
– А что сейчас?
– Ни за что.
– «Ни за что» в плане замужества? Или вообще?
– Не знаю, мам. Голова кругом.
– От поцелуев?
– Прекрати... Вот что за неуместное веселье? Я страдаю...
– Безмерно...
Переглянулись – и рассмеялись.
– Так. Ладно. Пошла я распоряжения по гарнизону выдавать.
– В плане? – удивилась я.
– Мальчишек я заберу – тут размещать их негде. Вы с Ричардом завтра приглашены на обед.
– Мам, это сводничество.
– Ничуть.
– Расскажи, расскажи. Только вилку возьму – лапшу с ушей снимать. Вас с отцом небось император и попросил.
– И что тут такого? Пообщаетесь, успокоитесь. Фредерик говорил, что у сына какие-то важные встречи в понедельник в империи, сразу после твоей работы. Ему надо подготовиться.
– Угу, – насмешливо посмотрела я на нее.
– Кстати, Фредерик просил нас повлиять на тебя...
– Все-таки он плохо меня знает.

– Не без этого, – рассмеялась мама.

– И в чем надо влиять на меня?

– В отношении денег, покупки новой квартиры и принятия имперского титула. Он утверждал, что ты – графиня.

– Нет, – отрезала я. – Я не заслужила и не заработала ничего из этого списка. А принимать все это лишь потому, что я понравилась сыну императора Тигверда, – это и унижительно, и дурно.

– Вот приблизительно так же мы ему и ответили. А как, кстати говоря, у тебя с деньгами?

– Каско мне обещали разбить на четыре платежа. На химчистку я найду, – махнула я рукой.

– А что ты химчистить собралась?

– Пальто, – сообщила я. – За щенком под машину залезла, потом он меня изгваздал.

– Деньги не трать, – посоветовала мама. – Собачьи слюни – они все равно не выведутся.

– Ладно. Перекручусь как-нибудь.

– Мааааам, – раздался голос Паши – из детской. Сын явно продемонстрировал то, что подростки активно грели уши во время нашего разговора. – А мне новая форма нужна. В школу Олимпийского резерва.

– Надо было тоже на улицу идти беседовать, – проворчала я.

– Сколько денег надо? – крикнула в ответ бабушка.

– А чего вы перекрикиваетесь, как в лесу... – Я была недовольна.

– Много, – огорченно продолжил кричать Павел, почему-то не желающий идти к нам на кухню. – Мы эти вещи не смогли с помощью саквояжа сделать.

– Вот ведь... – огорчилась я.

– Да ладно... Выручим, – пожала плечами матушка. – Не брать же тебе денег у Ричарда, в самом деле. Ты права – это дурной тон. Если учесть тот факт, что он в тебя влюблен.

– Мааааам!

– И это – хорошо!

– Перестань.

– У тебя странные понятия о любви, милая, – покачала головой мама. – Ты полюбила. Полюбили тебя. А дальше – как получится. Он – не подарок, так и у тебя характер тот еще.

– Мам, ты вообще за кого?

– Я? За мир во всем мире. И за то, чтобы рядом с тобой был приличный человек.

Я лишь невесело усмехнулась.

– Что? Сирого и убогого на всю голову любить сложнее?

– Да дело же не в этом...

– А в чем?

– В доверии.

– Он не поверил тебе. Ты не поверила ему. Так что этот тест вы запороли оба. Квиты. Подыграли недругам. А что касается всего остального – он считает твоих мальчишек своими. Ты хочешь от него ребенка. А все остальное – приложится.

– У тебя, мам, странное...

– Оно у меня – правильное. Посмотри на Наташу...

– Как она, кстати?

– Пришла в себя, – тепло улыбнулась мама. – Много пишет.

– И ты мне так ненароком пытаешься объяснить, что у нее вот – горепечаль, а у меня – так, глупости только?

– Я пытаюсь объяснить, что за своего мужчину надо порвать всех на тряпочки!

– Ты хуже императора Фредерика.

– Ника-Ника... Взрослая же женщина. Многодетная мать – а дурочка...

– Нью-нью! – иронично закатила я глаза.

– Терпеть не могу! – фыркнула мама и удалилась строить мальчишек.

Ха! А то я не знаю... Использую этот прием лет с тринадцати, если надо прервать общение с маменькой.

Отец вообще задерживаться не стал. Посмотрел на меня, улыбнулся. Поцеловал. Спросил:

– С матерью насплетничались?

Дождавшись моего кивка, велел всем выходить строиться. И мы с Ричардом остались одни. Не считая щенка.

– Ника, – качнулся он мне навстречу.

– Ричард, нет, – резко бросила я, злясь на бешеный стук собственного сердца. На то, что щеки полыхнули жаром. И почему рядом с ним я себя ощущаю девчонкой семнадцатилетней?

– Прости. – Ричард привалился спиной к двери, которую только что и запер.

Я отправилась со щенком в свою комнату. Поняла, что Ричард пойдет следом, и смутилась при виде своей незаправленной кровати. Пошла в детскую. Там был его диван...

Кухня.

Ричард по-прежнему стоял в коридоре.

– Скажи мне, а что ты помнишь об империи Тигвердов? – спросила я его.

– Ни-че-го, – донеслось из коридора.

– А из своей жизни?

– Тебя и мальчиков.

– А детство? Или юность?

– Ничего конкретного, но приятных воспоминаний вроде бы нет.

– Ричард, давай отправимся в поместье, где прошло твое детство.

Может, что вспомнишь.

– Что-то мне подсказывает, что я туда не хочу, – проскрипел он. Потом долго молчал и добавил: – По-моему, там пепелище.

Я вспомнила, что во время восстания в Западной провинции, которое подавлял милорд Верд, было совершено нападение на его дом. Маму его тогда убили.

Поднялась, подошла, обняла. Прошептала:

– Прости.

– Ника... Это ведь жалость?

– Скорее сочувствие.

Он нахмурился.

– Скажи еще, что оно тебя унижает, – рассердилась я.

И отошла.

– Похоже, я знаю, с кем можно проконсультироваться обо мне, – раздался спокойный голос Ричарда.

– С господином Джоном Адерли, – насмешливо сказала я. – Тоже мне загадка.

– Мы с ним уже виделись.

– А где ты с ним встречался?

– Ты не будешь сердиться, если я скажу, что он приходил сюда, в твою квартиру?

– Не буду, – улыбнулась я. – Странно, что все четверо: и он, и Каталина, и Оливия, и Натан – сюда не переселились. Они переживали за тебя.

– Я не вспомнил их. Но почувствовал, что они очень тепло ко мне относятся. И к тебе тоже. Пойдем в империю? – и он вопросительно посмотрел на меня. – У Джона и спросим, куда бы нам отправиться.

– В любом случае надо заехать в поместье и переодеться. В джинсах, наверное, не стоит разгуливать.

– Ты права. А я как-то об этом и не подумал.

– Надо же... А именно ты отчитывал меня, когда я вышла из дома без шляпки и перчаток.

– И без теплой одежды... – Он стремительно шагнул вперед и обнял меня. – Как я мог. Я не могу себе представить, как вытворил такое: выставить тебя – в метель...

– Ты был не в себе.

Я замерла. Не отталкивала его, но и не обнимала его в ответ.

– Я не должен тебя обнимать?

– Дождись хотя бы, чтобы я напилась. Так мне будет легче.

– Ты не можешь простить. И не желаешь, чтобы все повторилось, – опять прочитал он меня. – Но вместе с тем ты переживала за меня, когда приехали твои родители.

– Что ты хочешь услышать от меня? – взвилась я. – Что я отношусь к тебе лучше, чем ты, наверное, этого заслуживаешь? Да, это так. Только не надо пытаться на меня давить. Это и раньше, когда у нас была практически идиллия, раздражало меня до крайности. А уж теперь...

– Как все запутано... – вздохнул он. – Отправляемся?

– Давай, – кивнула я, тоже на самом деле не желая ссориться. – Но у меня один вопрос.

– Какой?

– Мама сказала, что я в понедельник сразу после работы отправляюсь с тобой в империю. У тебя там какие-то совещания.

– Да. Надо успокоить военных, сообщить всем заинтересованным лицам, что со мной ничего не случилось. Проблема еще в том, что я никого из них не помню. Поэтому и учу сейчас по документам, как кого зовут.

– Так вот – такие моменты не грех и со мной обговаривать. Ладно бассейн, в который я никак не попаду. Так у меня после работы ученики. Двое. И вообще...

– Это бестактно. И просто безобразие. Что-то я вместе с памятью растерял еще и хорошие манеры. Да и здравый смысл.

– Не думаю... Вот это – поступок из тех времен как раз. Отдать приказ – и быть уверенным в его исполнении.

– Тебя это разозлило?

– Нет. Но больше так не делай. С учениками я сейчас договорюсь. Надо их разбросать по неделе.

На этом мы и отправились в империю Тигвердов. В поместье милорда Верда.

После ахов, вздохов, всеобщей радости, скакания щенка вокруг людей и людей вокруг щенка. После моих распоряжений и рычания милорда... мы

стали собираться. Как ни странно, в длинное платье с завышенной талией я облачалась с радостью. Соскучилась, что ли? Оливия помогала, поэтому собралась я быстро.

– Миледи, – обратился ко мне Ричард, когда мы встретились на господской половине.

Я так и оставила за собой комнаты экономки. Вспомнила, как Ричард протестовал, как был недоволен. Когда-то. Как я проявила упрямство. Как милорд Верд смеялся, что до свадьбы он, так уж и быть, потерпит. А уж потом... А потом не до комнат стало...

– Да, милорд. – Сейчас, когда он был в своей прежней одежде, кидалось в глаза, как сильно он похудел.

– Вы позволите пригласить на ужин милорда Милфорда? – спросил Ричард.

– Конечно, – улыбнулась я. – Я с радостью с ним повидаюсь.

– Джон! – позвал Ричард своего камердинера. – А назовите мне место в империи, которое мне нравится.

– Укрепрайон Западной провинции шестнадцать дробь двадцать пять! – бодро отрапортовал отставной солдат.

– Что? – возмутился Ричард.

– Вы так всегда говорили, когда возвращались из инспекций по стране, – не понял его реакции камердинер. – Еще отмечали, что там настолько хорошо все подготовлено – душа радуется. Хоть проверяй, хоть нападай.

Я закатилась. Отсмеявшись, сказала:

– Джон, мы с милордом собрались на прогулку. Нам бы какое живописное и приятное место, где не очень много народу.

– Вот это я не знаю, миледи, простите. Вот про гарнизоны, по которым мы с милордом мотались, – это пожалуйста. А про отдых... – Задумался, потом добавил: – Милорд камень любит здесь неподалеку...

– Знаю я этот камень, – рассмеялась я и вспомнила, как я на нем лимарру ела, а мимо милорд на Громе проезжал.

Ричард молчал. Был он насупленный и мрачный.

– Джон, – обратилась я к камердинеру, пока его хозяин думал свои мысли. – Как вы считаете – в такой одежде милорда можно выпускать на встречи и совещания, которые начнутся с понедельника?

– Нет, миледи, – поклонился слуга, глядя на меня просто с обожанием.

– И как этот вопрос разрешить?

– Милорд согласится заехать к портным?

– И мне, кстати, пальто новое заказать надо, – протянула я. – Преподнесите

не пережило встречи со щенком.

– Мы же хотели отправиться... на свидание, – тихо проворчал мне на ухо Ричард. – Как-то, в моем понимании, свидания и поход по магазинам – не одно и то же.

– Мы все равно пока не знаем, куда пойдем, а привести тебя в порядок надо. А то скажут, что ты все это время в замке Олден сидел. На воде и хлебе.

– А ты откуда знаешь про самую мрачную государственную тюрьму? – удивился принц Тигверд.

– Насчет мрачности не знаю, мне там понравилось, очень красиво, – не согласилась я. – И комендант – добрейшей души человек.

– Значит, подземелий и одиночных камер тебе не показывали, – хмыкнул Ричард.

– Мне вполне хватило вида твоей бывшей любовницы, – проворчала я.

– Не злись. Пожалуйста...

Я не стала отвечать, а снова обратилась к камердинеру:

– Джон, как у вас принято? Костюмы старые подгоняют по фигуре или новые отшивают?

– В случае с милордом – стоит отшить новые. Изменился крой воротника... Да и рукава другой формы носят.

– Понятно – нельзя, чтобы милорд выглядел не блестяще, – согласно кивнула я.

– Вот мне почему-то кажется, – нахмурился принц Тигверд, когда мы уже ехали в карете, – что я особо не напрягался из-за кроя воротника. Раньше.

– Мне это тоже почему-то кажется. – Мне стало смешно.

– Тогда почему?

– Во-первых, вы сейчас будете в центре внимания. И на вашу одежду посмотрят. И оценят.

– А во-вторых?

– Это моя страшная месть за понедельник. И, кстати, за свое пальто я буду платить сама.

– Не получится, – построил кровожадное лицо милорд.

– Это еще почему?

– Ты же сама сказала, что, пока я без памяти, ты этот разговор поднимать не будешь. Значит, пока я свой приказ не отменю.

– Ричард, – рассердилась я. – Как ты не поймешь! Меня это унижает.

– А насколько дорогая каска тебе нужна? И как головной убор может быть связан с машиной?

– Что? – сначала не поняла я, а потом стала смеяться.

– Я, конечно, рад, что ты смеешься – у тебя смех замечательный... Но.

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – вытерла я глаза. – КАСКО – это такая страховка на машину. Ты платишь деньги на год вперед, и если что-то случается с машиной – ее украли или ты ее разбила, то тебе или чинят машину, или возвращают деньги.

– А если с машиной ничего не происходит?

– Значит, компании повезло – и они просто оставляют эти деньги себе.

– Замечательный способ отбора денег у населения, – восхитился сын императора. – У нас до такого не догадались еще. А ты зачем платишь?

– На всякий случай.

– В принципе, тебе без надобности.

– Да, конечно... А если угонят?

– Как угонят, так и на место поставят. Или я тебе новую куплю.

– Ричард... хочешь по голове сумочкой? Там монеты, поэтому я должна достучаться...

– Не понимаю твоей реакции.

– Хочешь со мной ругаться – продолжай в том же духе!

– Почему нет? Почему нельзя купить тебе машину, если вы на них там ездите? Почему нельзя купить тебе квартиру, если эта явно тесная? Почему ты так заупрямилась насчет титула?

– Ричард, вот расскажи мне – на каком основании я буду принимать от тебя или твоего отца подарки?

– Просто так.

– Как шубу с царского плеча? Или под обеспечение моей доброжелательности или благосклонности к тебе?

– Ника, что ты такое говоришь? Это... и несправедливо, и унизительно!

– Так вот – не надо унижать меня. И я не буду отвечать любовью за любовь.

– Продукты готовые можно приносить? Или ты тоже гневаться будешь? – через очень длительную паузу сказал принц Тигверд.

– Продукты – с дорогой душой. Тем более что мне готовить действительно некогда.

– Кстати, раз уж разговор пошел на такие серьезные темы... Мне сказали, что через месяц состоится бал в честь дня рождения Брэндона. Мы там обязаны быть. Ты позволишь заказать тебе платье?

– Там я буду... можно сказать, по работе. Следовательно, одежду ты мне выдать можешь.

- И драгоценности.
- Согласна. К тому же я не собираюсь забирать себе твои фамильные серьги и кольцо. Только вот... – смутилась я.
- Перстень.
- Я искала тебя. А нашла его брошенным, в той лесной избушке...
- Спасибо. – Он снял перчатки и склонился над моими руками.
- Что-то такое уже было, – поморщилась я. – И... мне, пожалуй, стоит отдать тебе перстень.
- Ни в коем случае. Он твой.
- Тогда я сразу хочу уточнить. То, что я его ношу, не делает меня твоей невестой.
- К сожалению, – отвечал он, продолжая прижиматься лицом к моим рукам.
- И ты это понимаешь?
- Ника, просто носи кольцо и ни о чем не думай. Главное – ты под защитой. Хотя, как мы все понимаем, не идеальной.

Глава 29

– Понимаю, почему я постарался забыть свою жизнь, – проворчал принц Тигверд, присоединяясь ко мне в карете.

Я смотрела в окошко кареты, улыбаясь про себя:

– И что же такого ужасного было в твоей жизни?

– Не считая того, что меня заслуженно называют «имперским палачом»? Я прочитал свое досье.

– Ты же считал и считаешь, что это твой долг? Разве не так?

– Так-то оно так, но иной раз я думаю, что мне следовало бы выполнять свой долг... менее ответственно.

– Ты такой, какой ты есть...

– И тебя не смущает, что в некоторых местностях мной пугают детей?

– Ричард. Ты – военный. Пожалуй, самый высокопоставленный в империи. И все свои звания ты добывал не на дворцовом паркете. Следовательно, в одних местах твоим именем будут детей называть – потому что там ты спаситель... А в других – проклинать. Потому что там ты был врагом... А с учетом того, что ты, как я понимаю, плохо ничего делать не умеешь...

– Спасибо тебе.

Я хотела погладить его по щеке. Но удержалась.

– Полагаю, сегодняшние расстрояства, милорд, связаны не с вашей военной деятельностью? – шутливо спросила я.

– Есть нечто, что хуже военной деятельности. Намного хуже. Это – примерка, – закатил он глаза.

– Да? – удивилась я. – А мне понравилось.

Не говорить же ему, что я купила только пальто. Два. Уж больно они в этом мире красивые. Кашемир, из которого их шьют, – просто чудо! Настоящая магия – легкий, теплый и практически не пачкается. Все остальное время мы болтали с хозяйкой магазина. И пили кофе с пирожными.

– Кстати, платье для бала я заказала. Но меня уговорили, что синее – это перебор.

– И почему тебя отпустили быстрее, чем меня? – возмутился Ричард.

– Наверное, потому, что вы – слишком знатная персона, чтобы уделять вам меньше времени.

– Как это?

– Ты же принц.

– Как только я зашел в магазин, я приказал все сделать как можно быстрее. И подчеркнул, что очень тороплюсь!

– А вдруг вы кокетничали?!

– Кто? Я?!! – в священном ужасе воскликнул принц Тигверд.

Я рассмеялась.

– Мы так и не решили, куда мы отправимся на прогулку, – заметил Ричард.

– Может, пойдем по Роттервику гулять? – предложила я. – Только завтра уже.

– Знал бы, что у портных столько времени потеряю, – ни за что бы не согласился. А что такое Роттервик?

– Столица империи Тигвердов. Город заботливых портных.

Он укоризненно посмотрел на меня:

– Сегодня проехали – ничего не помню. Вот укрепрайоны вспомнил сразу – как только Джон упомянул, крепость Олден – тоже. А столицу не помню.

– А твой дом в столице помнишь?

– Я помню темноту. Как мы срывали друг с друга одежду... Как ты первый раз стала моей. Абсолютное счастье. И почему-то не было горячей воды – в ванной было холодно.

– Было такое... – с сожалением сказала я. – И как раз в твоём столичном доме.

– Ника...

– Интересное у тебя беспмятство, – нахмурилась я. – Очень уж избирательное.

– Ты же не думаешь, что я тебя обманываю.

– Нет, не думаю... Ты слишком... высокомерен для этого.

Карета резко остановилась – я с недоумением посмотрела на Ричарда.

– Милорд? – донесся до нас голос Натана. – Что-то случилось?

– Все в порядке, – проскрипел его высочество.

Принц Тигверд дождался, пока распахнули дверцу, вышел сам и подал руку мне. Мы были уже неподалеку от поместья.

– Камень? – спросил у меня Ричард.

– Отлично. Давай пройдемся.

Мы шли молча. Я наслаждалась теплым днем, пригревающим солнышком. Природой, которая понимала, что весна – это все-таки весна.

– В следующем году надо распорядиться, чтобы в стазис заложили лимарру, – тихо сказал Ричард.

– Все-таки очень... Очень странная у тебя память, Ричард.

Я посмотрела на него очень внимательно. Поджала губы. Очень выразительно. Но... Я ему верила.

Милорд Милфорд пришел не один. Его сопровождал незнакомый мне мужчина, высокий и плечистый, как, впрочем, и все аристократы империи. С пронзительными синими-синими глазами. И... коротко стриженный.

– Это бунт, – пояснил Милфорд, вздохнув.

Мужчина на замечание отреагировал спокойно – просто улыбнулся. Спокойно и уверенно. Мол, все верно, миледи, бунт, не обращайтесь внимания... Ричард смотрел на вновь прибывших благодушно.

– Миледи Вероника, позвольте вам представить... – начал было Милфорд. Но его бесцеремонно перебили.

– С вашего позволения, милорд Швангау, – поклонился аристократ.

Начальник имперской контрразведки скривился, будто проглотил лимон. Аристократ довольно посмотрел на него. Потом перевел взгляд на Ричарда, который смотрел на все происходящее скорее с любопытством.

– Очень приятно, – ответила я. И протянула руку.

Мне пожали кончики пальцев – совсем на земной манер.

– Швангау... – посмотрела я на него с интересом. – В нашем мире есть такой замок. В Баварии, кажется.

– А еще где-то есть руины, – улыбнулись мне. – С таким же романтическим названием.

За ужином мы не обсуждали ни состояние здоровья Ричарда, ни состояние дел в империи.

– Как мы познакомились? – спросил у милорда Милфорда Ричард.

– В Военной академии, – улыбнулся тот. – Мы подрались.

Я рассмеялась:

– Вот с чего начинается дружба.

– Поначалу я примыкал к кадетам, поддерживающим герцога Борнмута и барона Кромера, – с виноватым видом сообщил Милфорд.

– Тебе по происхождению было положено к ним примыкать, – заметил милорд, который предпочел вымышленное имя родовой фамилии.

– Именно так, – не стал с ним спорить начальник контрразведки.

– А что произошло потом? – стало любопытно мне.

– Первые учения в боевых пятерках, – тепло улыбнулся Милфорд. – Весь первый курс выбросили в лесу. Восточная провинция. Зима...

– Гилмор, Вустер, Вернер и я, – задумчиво проговорил Ричард.

– Вы как-то сразу сбились в четверку.

– Трое безродных и маркиз Вустер – самый, пожалуй, слабый магически.

– Над ним издевались аристократы. И он примкнул к вам.

– Он был бы прекрасным лекарем, – горько проговорил Ричард. – Но не военным. Хотел доказать, что он сильный... Всем. Родственникам, кадетам, нам всем... И ему это удавалось все десять лет, пока мы учились... А в первом же настоящем бою мы не смогли его вытащить. И он погиб.

– А тогда... – заговорил Милфорд. – Кадеты первого курса организовали вам ловушку. Точнее, ставили ее как раз на маркиза – били по самому слабому.

– А ты нам помог.

Милорд Милфорд склонил голову.

Доедали мы в тишине. Милфорд, Ричард и я были погружены в свои раздумья, а синеглазый милорд Швангау внимательно наблюдал за нами сквозь длинные ресницы.

Потом перешли в гостиную. Ричард уселся в свое кресло и замер. Словно бы его здесь, в этом доме, и не было.

– Скажите, – обратилась я к милорду Швангау. – Вы же не считаете, что это я заколдовала Ричарда?

– Нет, – улыбнулся он. – В вас бурлит магия эмоций. Вы действительно на какое-то время можете стать очень сильной. Вам необходимо учиться, если захотите когда-нибудь воспользоваться этим потенциалом. Он велик, это правда. Но так изысканно сплести заклинание, так долго его удерживать... И предусмотреть практически все, чтобы не дать его снять... Я уверен, что его накидывал на себя сам милорд Верд. Я прав?

Ричард кивнул.

– Мы ведь с вами никогда не были друзьями? – спросил он у мага.

– Скорее, мы обоюднo друг друга недолюбливаем, – ответили ему. Милфорд нахмурился.

– Но вы – верный слуга моего отца.

– Более того, – иронично поклонился ему милорд Швангау. – На мне заклятие подчинения. Если я замыслю что-либо против императора или его семьи, то лишусь жизни.

Я вздрогнула.

– Миледи, не стоит. Я все это заслужил, – склонил голову аристократ.

– Вы кого-то убили?

– Нет, – легко улыбнулся он. – Мятеж моего рода. Я жив только по прихоти императора Тигверда.

– Раймон, не смей так говорить, – поднялся Милфорд.
– Отчего же, Эдвард, если это правда?
– Раймон и Эдвард Шир... – вдруг произнес Ричард. – Братья. Старший – маг. Наверное, самый могущественный в нашей империи. Младший – начальник контрразведки. Отказавшийся от имени взбунтовавшегося отца.

– Именно так, – согласился милорд Швангау. – А теперь, с вашего позволения, я посмотрю, что с вами.

Несколько долгих-долгих минут. Ничего эффектного не происходило, просто маг внимательно смотрел то на Ричарда, то на огонь в камине.

– Странно одно, – проговорил он тихо, однако я вздрогнула.
– Что же? – не отрывая взгляда от огня, спросил милорд Верд.
– Что вы, Тигверд, еще живы.
– Думаю, меня просто трудно убить.
– Кентерберийские змеи – неприятная вещь.
– Рано или поздно ты перестаешь замечать их укусы.
– Обычно маг не доживает до того момента, чтобы не обращать на них внимания, – невесело усмехнулся милорд Швангау.
– Не буду спорить с этим.

Милорд Швангау задумался. Еще раз посмотрел на Ричарда, на огонь в камине... Казалось, он цепляется синим взглядом за что-то неуловимое и ищет ответы в пламени огня. От этого человека веяло силой. Силой, знанием, профессионализмом. Странное ощущение. С одной стороны, он нервировал, становилось неудобно. С другой, я понимала, что надежнее человека просто не найти. Да, император знал, что делал, когда выбирал нового консультанта. Интересно, что стало с Либревером?

– Первое нападение змеи ослабило магию. Не просто ослабило – практически ее лишило. Какое-то время вы были не опаснее младенца. Я имею в виду магически. Поэтому все дальнейшие нападения срабатывали. И каждый раз вы, милорд Верд, выживали. Но смогли восстановиться со временем – и это совершенно уникально. Объяснить это можно только мощнейшей защитой рода. Я имею в виду магию, о которой практически ничего не известно, магию вашего рода по матери.

Швангау прошелся по комнате, уселся в кресло и, казалось, задумался. Потом, потерев лицо руками, продолжил:

– Чкори – народ, обладающий тайными знаниями. Секреты передаются по роду из уст в уста. Навыкам обучают только своих. В основном потому, что отсутствие родства по крови приводит к фатальным последствиям. В истории мы можем найти множество примеров. Чкори

готовы делиться знаниями – но это бесполезно. Более того – опасно для мага, не обладающего их способностями. Совсем другое дело – полукровки. Магов-полукровок очень мало – чкори, как правило, заключают браки между собой. Я знаю только одного мага, обладающего подобным потенциалом, – герцогиня Рэймская. Но ее отец – не Тигверд. Вы – уникальное явление, милорд Верд, и подробно объяснить все я не берусь. Но, на мой взгляд, произошло следующее...

Маг встал, взял кубок, сделал несколько глотков. Подошел к камину – огонь вспыхнул, как будто одобряя и подбадривая. Я затаила дыхание, впитывая каждое слово этого почему-то пугающего меня человека. Он же продолжал спокойно и уверенно:

– После того как вы практически восстановились от первого укуса, вас покусали снова. Вы не видите того, что вижу я. Укусы кентерберийских змей остаются на всю жизнь – это затемнения или разрывы на узоре. Узор – потоки магии, окутывающие тело с ног до головы. Он никогда не повторяется, как всем известно.

На этом он замолчал. Милфорд закончил объяснение, за что я была ему очень благодарна:

– В вашем мире, Вероника, это отпечатки пальцев. Насколько я знаю, ваши ведомства устанавливают личность именно так. У нас же существует база магических узоров. Но видеть и сличать их могут только маги, специально вырабатывающие в себе эту способность с детства.

– Так же, как нюхачи? – поинтересовалась я, несмотря на то что внутри стало не по себе...

– Примерно так. – Мне показалось, Милфорд посмотрел на меня укоризненно.

– В первый раз вы действительно получили что-то вроде... защиты, – продолжал маг, рассуждая скорее про себя.

– Иммунитет, – вставила я неожиданно для себя, но на меня, слава стихиям, как тут принято выражаться, никто не обратил внимания...

– Повторные укусы сначала ослабили, но потом неожиданно дали дополнительный ресурс! Из затемнений они превратились во вспышки – вспышки дополнительной энергии. Именно поэтому заклятие, которое вы навесили сами на себя, получилось таким сильным... Но в тот момент, когда вы были ослаблены, с вами поработали.

– Я не помню. Помню только, как оказался на болоте и как стал терять силу. – Ричард смотрел на огонь и казался совершенно равнодушным к выводам сильнейшего мага империи – личного консультанта императора Тигверда.

Швангау подошел к Ричарду, прикрыл глаза. Какое-то время маг молчал, потом произнес:

– Сложное плетение – водяное, но не наше, не стихийное – более... изощренное. Русалка... Заклятие на подчинение и на страсть. У нее ведь не получилось?

– Нет, – отрицательно покачал головой Ричард. – Я не люблю ее.

Глава 30

За завтраком Ричард задумчиво сказал:

– Я помню, как тебе доставили в поместье какую-то картину. Что-то совсем простое. Но милое. Я еще пообещал, что мы с тобой как-нибудь навестим мастерскую художницы.

– Это женщина?

Ричард кивнул:

– Отправляемся к художнице?

И так получилось, что я смеялась, даже выходя из кареты. Ричард, помогая мне выйти из кареты, прижал меня к себе и несколько секунд не отпускал.

– Маленькая месть... – прошептал он мне на ухо.

А еще через мгновение мы оказались в окружении людей в знакомой мне серой мышинной форме. Меня пробила нервная дрожь, как только я их увидела. Уголовная полиция! Ричард уже просто прижал меня к себе.

– Что встали? – раздался грубый голос. – Езжайте куда ехали.

– Представьтесь, милейший, – холодно и надменно протянул мой спутник.

– Старший следователь Уголовной полиции господин Олсоп. С кем имею честь?

– Ричард Фредерик Рэ, принц Тигверд. Что тут происходит?

– Задержание преступницы, ваше высочество, – поклонился следователь. Без особого подобострастия, надо отметить.

– А мне докладывали, что в этом доме живет художница, которую мы и хотели навестить, – протянул сын императора.

– Так она и есть преступница.

– И в чем ее обвиняют? – В голосе Ричарда было разлитое одно издевательское недоверие. – Надеюсь, не в покушении на мою особу?

– Нет, ваша милость, – спокойно продолжил отвечать следователь. – В оскорблении его императорского величества и августейшей семьи.

– Даже так... Тем более интересно. Это ведь относится и ко мне лично. Следователь поклонился, не споря.

– Миледи, – обратился ко мне Ричард. – Мы проявим любопытство, раз уж мы сюда явились? Или поедем домой?

– Проявим, – ответила я, завидуя его внешней невозмутимости.

– Ника, – прошептал он мне на ухо, не выпуская из объятий. – Да что с

тобой? Ты же в безопасности, со мной... Если тебе все это тяжело – давай просто уедем.

– А если эта женщина невиновна?

– Не все женщины, которых задерживают сотрудники Уголовной полиции, невиновны, как ты.

– Пойдем, – решила я. – В любом случае мы не можем просто так уехать, не разобравшись.

И мы вошли в дом.

Это был дом, подобный тем, какие в дореволюционной России назывались «доходными». Чем выше мы поднимались по лестнице, тем проще одетыми становились постояльцы. На верхнем этаже толклись люди в серой форме – в большем, чем необходимо, количестве, на мой взгляд. Все-таки не преступную группировку прибыли задерживать, а женщину.

– ...Немедленно заберите свое барахло и покиньте мой дом! – истерично визжала какая-то дама. – У меня – приличное место!

– Прошу вас, – поклонился следователь, пропуская нас вперед.

– Я не потерплю! – не унимался все тот же визгливый голос. Было понятно, что кричала женщина немолодая и... противная. Надо же – голос может так много сказать о его обладательнице. Или это ошибочное впечатление? Ведь бывает же обманчивая внешность...

– Мы хотим поговорить с художницей, – заметил принц Тигверд, прервав мои мысли. – Уберите отсюда всех.

– Но, милорд, это может быть опасно...

– Продемонстрируйте нам, пожалуйста, что мы с миледи в безопасности, – пожал плечами сын императора.

Откуда-то появились еще четыре человека, в черных комбинезонах.

– Ваше высочество! – укоризненно протянул один из них. – Вы же сами понимаете, что это не по протоколу. Мы не имеем права появляться на людях. С другой стороны, мы не имеем права не выполнить прямой приказ члена августейшей фамилии.

Ричард как-то не выражал особого раскаяния.

Тут во мне проснулось любопытство:

– А если я прикажу меня не охранять? – не могла не спросить я.

– Простите, миледи, – в голосе начальника охраны прорезалась явная насмешка, – но приказ его величества имеет приоритетное значение.

– То есть вы выполните прямой приказ, если он не противоречит приказу императора?

– Так точно, – чуть поклонился охранник.

– А если это будет родственник императора, которого никто не знает?

Чисто теоретически?

– Не переживайте, миледи. Членами августейшей фамилии являются только те, кого признает император Фредерик лично. То есть вы – как и ваши дети – это члены фамилии. А кто-то теоретический – нет.

– Спасибо. Извините нас за неудобства.

– Это наша работа, миледи, – поклонился охранник.

– Довольно, – прервал нашу беседу принц Тигверд, – вы и так в процессе вашей беседы выдали несколько государственных тайн.

– Ваше высочество, – начальник смены явно рассердился, – вы же чувствуете, что нас никто, кроме вас и миледи не слышал. Зачем вы так?

– Не хотел никого обидеть, – высокомерно отозвался сын императора.

– Прекрати, – шикнула я на него. – А если бы с твоими людьми так разговаривали?

Ричард как-то счастливо улыбнулся, надменность, как маска, слетела с его лица, – и поцеловал мне руку.

– Как же я тебя люблю... – прошептал он, не обращая ни на кого внимания.

– Мы пойдем уже беседовать с художницей? – проворчала я, смутившись.

Когда мы вошли в комнату – большую, но скудно обставленную гостиную, – люди в серых мундирах резко вскочили.

– Ваше высочество, – доложил старший следователь – тот самый, что встретился нам внизу. – Разрешите доложить. Проводится первичный допрос подозреваемой, госпожи Блер.

Мы перевели взгляд на кресло, в котором сидела подозреваемая. На девушке было много одежды в несколько слоев. Коричневое платье из грубой, но прочной ткани, сверху – пальто, которое когда-то, возможно, имело какой-то цвет, но сейчас это определить было уже невозможно. Теплый шерстяной платок накинут на плечи, перчатки без пальцев – потрепанные, но сидевшие по руке.

Даже укутанная в одежду, как капуста, девушка выглядела очень худенькой и хрупкой. Из-под юбок торчали ботинки – было видно, что они ей велики на два размера. Пальцы измазаны краской. Я невольно залюбовалась ее руками. Они были, с одной стороны, тонкими, изящными, женственными, с другой – какими-то детскими. Может, из-за краски? Я вдруг представила, как она работает... Сосредоточенное личико, кисть порхает над холстом.

Ее лицо было очень бледным. Синие тени под глазами оттеняли необычный цвет глаз – темно-зеленый. Никогда таких не видела...

Вьющиеся волосы. Брюнетка. Из-за темных волос бледность сильнее бросалась в глаза.

Закутанная в обноски, голодная, холодная и бледная, в огромных ботинках и маленьких перчатках без пальцев, измазанная краской, она сидела с осанкой императрицы и праведным гневом в глазах. Только зрачки расширившихся глаз да тонкие пальцы, судорожно вцепившиеся в подлокотники кресла, выдавали ее состояние.

– Так объясните нам, – потребовал принц Тигверд, усадив меня и усевшись сам, – чем это дитя могло так оскорбить его величество, что подключилась Уголовная полиция, практически в полном составе?

– Это она автор статей в газете «Имперская хроника», в которой содержатся сведения явно клеветнического содержания, порочащие имя императора Фредерика и членов его семьи, – торжественно произнес старший следователь.

– Что? – уставилась я на девчонку. – А можно узнать, откуда вы узнавали подробности?

– Придумывала, конечно, – отрезал следователь.

– Вы же не могли с такой точностью и такой внимательностью к деталям просто придумывать, правда? – обратилась я к художнице.

Она злобно блеснула глазами и еще плотнее сжала губы.

– Вот это-то мы и выясним в процессе дознания, миледи. Не извольте беспокоиться, – раздался голос следователя.

Я представила процесс дознания – и вздрогнула.

– Принц Тигверд, – умоляюще посмотрела я на Ричарда.

– Мы желаем поговорить с задержанной, – распорядился он. – Покиньте помещение.

С сыном императора никто на этот раз не посмел спорить – и фигуры в серых мундирах покинули помещение.

– Вас как зовут? – задал вопрос принц Тигверд.

– А вам-то что? – огрызнулась девчонка.

– Просто нам придется разговаривать, и надо же к вам как-то обращаться, – пояснила я.

– Да зачем вам ко мне как-то обращаться? Оставьте меня в покое. Все равно моя жизнь кончена... Как вы вообще здесь оказались? Миледи Вероника и бастард императора. Позлорадствовать приехали?

– Вы, милейшая, слишком высокого о себе мнения, – издевательски рассмеялся принц Тигверд.

– Мне понравилась ваша картина. Та, где окно и ветер, – доброжелательно сказала я. – Милорд ее купил для меня. А сегодня мы

решили приехать, присмотреть что-нибудь еще. А попали...

– Так вы можете забрать все картины, – злобно прошипела девчонка. – Все равно они мне больше не понадобятся. В любом случае хозяйка выбросит все на помойку, как только меня увезут.

– Только не надо строить из себя жертву. Если, конечно, на вас не возвели напраслину и не обвинили ложно, – заметила я.

– Нет, – опустила девчонка голову. – Статьи мои.

– И как вам – писать всякую гадость? – возник у меня вопрос. – Вы никогда не задумывались, что, допустим, у меня... есть дети, которые тоже это читают. И им, мягко говоря, неприятно.

– А что лживого я написала? – пошла в наступление девчонка. – На милорда Верда покушалась не баронесса Кромер? Так ее приговорили. Вопросы к судопроизводству – не ко мне.

– Допустим... А то, что я провела ночь с императором, начальником охраны и милордом Милфордом? Я так думаю, именно эта статья взбесила его величество...

– Так вести себя надо скромнее. Записи на кристалле достаточно прозрачные...

– Какая ночь? Как это провела?! – закрипел принц Тигверд.

– Ну да, – рассмеялась я, не обращая на него внимания. – Я еще хохотала в коридоре, что они в пижамах, а я в летней одежде и с распущенными волосами. Вывод будет однозначный.

– И чем можно заниматься в таком виде в комнате, полной мужчин? – возмутилась девчонка.

– Вы не поверите... Ужинать и разговаривать.

– И можете не сомневаться, миледи говорит правду, – заметил Ричард, взгляд которого опять стал нормальным, без алых всполохов.

– Что? Но мне сказали... А принц Брэндон? Я своими глазами видела...

– Тоже подстроено, – теперь уже солгала я.

– Я видела своими глазами... Я была уверена, что это правда. Иначе я бы никогда не решилась...

– У кого вы видели? – быстро спросил Ричард.

– У господина Керка, второго редактора. Он пригласил меня и заказал статью. Он гарантировал, что сведения правдивые. И показывал кристаллы с записями... Я только описала то, что увидела... Что же со мной будет?

– Зависит от настроения его величества, – пожал плечами принц Тигверд.

И замер, очевидно, с кем-то связываясь и раздавая приказания.

– Мне очень нравятся ваши картины, – сказала я. – И хочется помочь. Только я должна быть уверена, что вы – всего лишь жертва чьих-то интриг. А не пользуетесь случаем, чтобы уйти от заслуженного наказания.

– Как мне это доказать?

– Отвечайте честно на вопросы принца Тигверда – он чувствует ложь. И... – мне пришла в голову одна мысль, – возможно, мне удастся убедить его величество, что вы можете быть полезны империи.

– Это еще каким образом? – удивился Ричард. – Думаете, и ему понравятся картины милой барышни?

– Потом. Ричард... Можно сделать так, чтобы девушку не увезли в Уголовную полицию на допрос? Пожалуйста...

– Вероника!

– Да. Пользуюсь знакомствами. А что прикажешь делать? Они же ее забьют до утра! Я знаю...

В результате моих энергичных переговоров с Ричардом художница отправилась не в Уголовную полицию, а в поместье принца Тигверда. Сам хозяин отнесся к этому с благожелательной насмешкой, а вот госпожа Блер была этим фактом шокирована. Я же... чувствовала, что это правильно.

Ричард вызвал Милфорда, и они отправились допрашивать народ в редакции. Мы же с девушкой сидели в библиотеке поместья принца Тигверда.

– Как вас занесло в свободную журналистику, госпожа Блер? Вы же художница?

– Из-за денег.

Я приказала подать бутербродики и чай. Без Ричарда обедать не хотелось, а девушка явно была голодная. Щенок, выцыганивший четыре таких бутербродика, устало растянулся у моих ног.

– Картины не приносят заработка? – спросила я.

– Приносят, – нахмурилась девушка. – Но... Это же столица. Снимать жилье очень дорого, а надо еще, чтобы все выглядело прилично – иначе заказчики не поймут. К тому же...

– Что, госпожа Блер?

– Можно просто Джулиана... Меня лишили имени и родительской поддержки.

– Как так получилось?

– Я – художник. А в традициях дворянства, как мы знаем, для женщины предназначен один путь. И это не творчество.

– Сочувствую.

– Особенно отличается в этом плане мелкопоместное дворянство. –

Девочка, похоже, не заметила моего сочувствия. Или не обратила на него внимания. – Я не смирилась – меня выставили.

– Погодите... Ну ладно, отец. У мужчин вообще интересные представления о жизни... Но мама?

– О... Вы не знакомы с моей матушкой, – горько усмехнулась девочка. – Папе далеко до ее ожесточения, до ее непримиримости.

– Удивительно... Непонятно, – призналась я.

– Ничего... Я как-то устроилась. Не попала на панель, как все предсказывали. Правда, у меня были небольшие деньги на первое время – бабушка оставила мне наследство. Сотню монет и пару украшений. Я продержалась на них, потом у меня взяли несколько пейзажей в книжные магазины. В промежутках я перебивалась тем, что писала статьи. За это давали пирожок и монетку. Предлагали еще стакан вина, я отказывалась. Просила второй пирожок.

– И как?

– Не вышло... Сказали, что всем авторам по счету. По количеству статей.

– Гады, – буркнула я.

– Через год вроде все наладилось... Предложили писать в «Имперский вестник». И знаете, что самое печальное? – Она подняла на меня измученный взгляд.

– Что, Джулиана?

– Я ведь ни на минуту не задумывалась, что меня используют. Выдают мне заведомо ложную информацию, а чтобы не подставлять под преследование своего журналиста, нанимают меня. Дурочку со стороны. Я сама виновата...

– У вас легкий слог.

– И желание рассказать правду. Было...

У двери, ведущей в комнату, раздался смехок.

Мы резко развернулись, а щенок зарычал, вскакивая и загораживая меня собой.

– Ваше величество! – Мы поднялись и присели в реверансах.

Щенок понесся извиняться – дескать, простите, со сна не разобрал, кто нас, храбрых, пугает. Получилось не очень галантно – лапы наступали на уши, но императору понравилось. Он улыбнулся щенку, а потом уже посмотрел на нас и произнес:

– Какая трогательная история, и почему мы должны в нее верить?

– Может быть, потому, что это – правда, – дрожащим голосом откликнулась художница, а я посмотрела на Фредерика укоризненно. Он же

знает, что девушка не лжет.

– А с вами, миледи Вероника, разговор будет особый. Вы вмешались в расследование Уголовной полиции. И препятствовали правосудию. В который раз, напомните?

– Правосудие заключается в том, чтобы выбить из хрупкой девушки признание? Отчитаться о выполненной работе и получить награду за верную службу?

Джулиана, услышав, что и как я говорю, уставилась на меня в ужасе. Император же зарычал:

– Сбавьте тон, миледи.

– Прошу прощения, ваше величество.

– Где Ричард?

– Отправился допрашивать некоего господина... – Я забыла имя.

– Керка, второго редактора, – выдохнула девушка.

– Это еще кто?

– Человек, который демонстрировал автору статей, – я кивнула на девушку, – записи на кристаллах. И убеждал, что они подлинные.

– Он туда один отправился?

– Что вы, ваше величество, – удивленно посмотрела я на него. – И милорд Милфорд с ним. На задержание принц Тигверд вызвал своих людей. Они еще друг с другом препирались, кто лучше: военные или контрразведчики.

– Хотя у кого-то мозги работают, – расслабился император. – Но это вас не извиняет. Я, конечно, понимаю, вы недолюбливаете сотрудников Уголовной полиции, и вам понравилась картинка этой... художницы...

Последнее было сказано с высокомерным презрением, от которого девчонка сжалась...

– Ваше величество! Вы позволите поговорить с вами наедине?

– Конечно, миледи, – насмешливо улыбнулся император. – Только подождите минутку. Джон.

– Да, ваше величество, – тут же появился на зов камердинер Ричарда.

– Я оставляю вас присмотреть за девушкой.

– Слушаюсь, – поклонился слуга.

– Может, проводить госпожу Блер в ее комнаты? Их должны были подготовить, – обратилась я к девушке. – Вы желаете отдохнуть перед ужином?

– Да, – едва слышно выдохнула Джулиана.

– Ваше величество? – посмотрел на императора слуга.

– Хорошо, – скривился Фредерик, – проводите... госпожу.

Девушка поклонилась нам и вышла вслед за слугой.

– Куда прикажете, миледи? – с иронией в голосе обратился император ко мне.

– В кабинет, ваше величество.

– Слушаюсь, – продолжал издеваться император.

Мы зашли в кабинет Ричарда, я прикрыла дверь. Император прошел вперед и уселся в кресло возле камина. Я застыла, не зная, как себя вести.

– Что вы там стоите, – недовольно протянул повелитель империи Тигвердов. – Садитесь, давайте поговорим.

Я послушалась. Аккуратно присела на краешек кресла. Он с раздражением посматривал на меня.

– Ваше величество, – начала я.

– Вероника, вы забываете наши договоренности? Не ко времени... Вам еще помилование для этой молодой дурочки просить.

– Фредерик, я помню о том, что обещала называть вас по имени. И с Ричардом я разговариваю, как и обещала. Просто вы гневались – мне стало не по себе.

– Я вас испугал, – огорчился император. – Не хотел.

Я пожала плечами.

– Поймите, мне необходимо было прочесть вашу художницу. Испуг – хороший способ получить четкую картинку.

– И что же вы прочитали?

– Говорит она правду. Вы ее раздражаете тем, что покровительствуете. Разумом она понимает, что это – спасение. Но легкая неприязнь присутствует, – хмыкнул Фредерик.

– А к вам она как относится? – быстро спросила я, постаравшись скрыть свое огорчение.

– Ну, скажем... Если бы я был таким деспотом, как меня принято изображать, за ее мысли можно было бы отправить на рудники.

– Что? – изумилась я.

– Никакого почтения. Мысли о том, что она понимает бунтовщиков. И даже после этого общения с «этим старым, неприятным, на редкость противным типом», – явно процитировал он, – она примкнула бы к кому-нибудь, кто ратует за свержение императорской власти.

Я хихикнула.

– Что? – оскорбился император.

– Простите, – подавила я смехок... Так, мне надо не бесить его, а договариваться с ним.

– Вот-вот, – согласился со мной Фредерик. – Думайте лучше об этом.

И добавьте лестии. Я, как и все власть имущие, на нее падох.

– Фредерик, – не выдержала я и рассмеялась.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся он. – Лучше забавляйтесь, чем страшитесь...

– Спасибо вам.

– Итак, на чем мы остановились?

– На судьбе госпожи Джулианы Блер.

– Вот почему вы все, когда берете псевдонимы, называетесь так странно? Блер, Лизард – фыркнул он. – Или – как там у моего нынешнего придворного мага. Шба... Шга...

– Швангау, Фредерик, – подсказала я. И смущенно добавила. – А Лизард – это ящерица. На другом языке.

Он расхохотался.

– Ничего другого в голову не пришло, – развела я руками. – Уж простите, если зацепила ваше утонченное чувство прекрасного.

– Ладно. Оставим мое чувство прекрасного в покое. Я помилую вашу художницу. И, по нашей с вами старой доброй традиции, у меня будет три условия.

Приблизительно так я все это себе и представляла. И даже догадывалась, какие будут эти самые три условия. Фредерик был похож на объевшегося жирной сметаны кота. Если император в принципе мог походить на кота, объевшегося сметаной...

– Слушаю вас, – сцепила я руки в замок и положила на коленки.

– Во-первых, вы перестаете противиться моему решению купить вам новую квартиру. К тому же ее уже приобрели и даже обставили. Во-вторых, вы принимаете титул графини – и сегодня же подписываете документы. И в-третьих... Вы в ближайшее время поговорите с моим сыном Брэндон.

– Что? – У меня даже руки похолодели.

– Вероника, простите, но это – необходимость.

– Честно говоря, я предполагала другое. – Я взяла себя в руки и продолжила разговор.

– Что именно? – улыбнулся император, явно одобряя мои опасения.

– Выйти замуж за Ричарда.

– Э-э-э, нет. Мой старший сын допустил, чтобы с вами произошло то, что произошло... Он не уберег того чуда, что ему досталось. Вот пусть теперь сам придумывает, как все вернуть. Поэтому я решил ему не подыгрывать.

– Но почему Брэндон?

– Вам все равно придется общаться. И на балу, и впоследствии. К тому

же делать это на глазах любопытствующих придворных, жаждущих скандала. Поэтому нам надо подготовиться. И преодолеть как-то то, что произошло.

– Я понимаю, – кивнула. – Только... тяжело.

– Простите. Если бы можно было этого избежать – я бы не настаивал...

Постаралась унять дрожь в руках.

– Как я понимаю, против квартиры и титула вы не возмущаетесь – и это хорошо, – решил сменить тему беседы император.

– Отчего же не возмущаюсь? – пожала я плечами. – Как раз с этим я категорически не согласна.

– Ну, знаете ли, Вероника!

– Фредерик... У меня встречное предложение.

У него было такое лицо, что я подумала, что он скажет сейчас что-нибудь по типу: «Торг здесь неуместен!» из репертуара моего любимого Остапа Бендера. Но император «Двенадцать стульев» не читал, поэтому лишь возмущенно смотрел на меня.

– Подарю вам книгу. Только она на русском, – улыбнулась я.

– Надеюсь, что она смешная, – сердито проговорил император.

– Очень, – улыбнулась я. И добавила: – Не злитесь, пожалуйста. Я согласна и на квартиру, и на титул. Но...

– Что «но»?

– Квартиру я должна заработать, а титул – заслужить.

– Как это?

– Я не желаю, чтобы все это оказалось у меня только по вашей прихоти. Простите, Фредерик.

– Знаете... В смысле природного нахальства вам нет равных...

– Мне приятнее считать, что это – природная гордость.

– И какие же ваши условия?

– Я придумаю.

Глава 31

– Ричард с каждым днем становится все сильнее, – с довольным видом произнес император, к чему-то прислушиваясь.

– Приятно слышать, – отозвалась я. – А почему вы так считаете?

– Он же не выламывает дверь в кабинете, хотя Джон ему явно доложил, что мы тут с вами беседуем достаточно давно, – усмехнулся Фредерик.

– И сколько он уже дома?

– С полчаса.

Я вскочила, чтобы бежать к нему. Фредерик мягко перехватил меня за руку.

– Тише... Что вы всполошились? Мы разговариваем. Сыну полезно возвращать себе ту выдержку, которая всегда была ему свойственна.

– Вы думаете, что тренировать выдержку необходимо именно на мне?

– Видите ли, Вероника... В отношении вас мой сын беззащитен.

– Пойдемте ужинать, ваше величество, – нахмурилась я и поднялась с кресла.

– Злитесь... – почему-то довольно проговорил император.

– Злюсь, – не стала спорить я. – Видите ли, Фредерик. Я – человек, а не слабое место вашего сына.

– Согласен, – легко улыбнулся он. – Если бы еще и те, кто будет пытаться через вас добраться до Ричарда, были с этим согласны...

Когда мы вышли в гостиную, то выяснили, что принц Тигверд выглядел спокойным и держался довольно-таки холодно. Милорд Милфорд, напротив, был беспечен и доволен жизнью. Присутствующая тут же госпожа Блер – насторожена и испугана. А щенок... Щенок радостно побежал нам навстречу. Я взяла его на руки, чтобы не портить торжественность момента.

Император не стал томить девушку. Развернувшись к ней, он сразу озвучил свою волю. Помощь следствию, раскаяние и год работы в приюте при главном храме стихий. С маленькими детьми.

Джулиана поклонилась и прошептала:

– Спасибо.

– И в следующий раз, когда вам вздумается ратовать за правду, думайте. Хоть немного, – холодно отозвался император. – Потому что такое везение, как сегодня, бывает только раз в жизни.

– Да, ваше величество. – Ноги девушки подкосились, и если бы не поддерживавший ее милорд Милфорд, она бы упала на колени.

Император выдал им обоим недовольный взгляд и добавил:

– И еще кое-что... Госпожа Блер, пользуясь своим высоким положением, я потребую от вас... услугу. – Голос императора стал тише.

– Все, что в моих силах, – прошептала Джулиана, опустив голову.

– Вы рисуете портреты? – раздался его вопрос.

– Что? – опешила девчонка.

– Портреты, – спокойно стал объяснять император. – Это такие картины, на которых изображены люди. Вы умеете их рисовать?

– Я знаю, что такое портреты, – попыталась взять себя в руки художница и журналистка. Ей даже удалось заговорить уверенно, только руки подрагивали. – И картины не рисуют, а пишут.

Император не сводил с нее насмешливо-вопросительного взгляда.

– Да, умею, ваше величество.

– Замечательно. Вы мне напишете, – он подчеркнул это слово, – портрет. Надеюсь, у вас получится передать... сходство по моему словесному описанию.

Художница опять присела в низком реверансе.

– Вероника, поторопись, – вмешался в этот разговор Ричард. – Мы опаздываем на обед. Точнее, уже на ужин.

– Какой? – изумилась я.

– У моей будущей тещи, разумеется, – ответил Ричард, и я обратила внимание на то, что он одет в джинсы и белый пуловер.

– Погоди, мне тоже надо сменить одежду, – поднялась я.

Чтобы ускорить процесс, я попросила Оливию помочь.

– В наших платьях вы краше, – поморщилась она, оглядев меня в джинсах и свитере.

– Не будем потрясать маму длинным платьем, – рассмеялась я.

– А ее это шокирует?

– После того, как я представила ей императора Фредерика и сообщила, что есть мир, в котором существует магия? Вряд ли. К тому же когда выяснилось, что я осталась жива... По-моему, остальное ей попросту все равно.

– Я ее понимаю...

– Не забудьте покормить нашу гостью, – вспомнила я про Джулиану. – Госпожа Блер пока останется у нас. Ладно, я побежала. А то милорд гневается...

Служанка проводила меня насмешливым взглядом.

– Ну наконец-то, – поприветствовала нас мама. – А то мы с отцом поспорили, явитесь вы или нет!

– И кто за кого? – поцеловала я ее.

– Мне казалось, что вы забьете на визит. А отец заявил, что Ричард слишком ответственный. И он тебя притащит.

– Папа, привет. – Я обняла отца. – Ты прав по всем пунктам.

– Простите за опоздание. – Ричард вручил маме огромный букет цветов, похожих на золотые лилии, непонятно откуда взявшийся у него в руках.

У цветов были темно-синие листья и стебли, а запах чем-то напоминал корицу. Мама прижала цветы к себе, понюхала, прикрыв глаза. Кончик носа мгновенно покрылся искрящейся золотой пылью. Онемев от восторга, мы уставились на это чудо. Ричард, посмотрев на нас, засуетился:

– Я надеюсь, Маргарита Дмитриевна, вы любите золотистые киреи? – И следом протянул руку отцу: – Добрый день, Евгений Николаевич.

– Добрый... Как дела? – пожал ему руку отец, с хитринкой посмотрев на меня.

– Вероника спасала от имперского правосудия юную амбициозную журналистку, которая писала в газетах разного рода гадости про Императорский дом, – улыбнулся Ричард.

– Хватит о делах, – строго сказала мама, безуспешно пытаясь избавиться от золотой пыльцы. – Давайте обедать!

Мальчишки встретили нас настороженно. Феликс с надеждой смотрел на нас обоих. Паша с опаской поглядывал на меня – как будто ждал какого-то подвоха. Рэм окинул принца Тигверда вызывающим, недовольным взглядом. Я смотрела на мальчишек и тихонько, чтобы никто не заметил, любовалась каждым из них...

Феликс очень изменился после выздоровления. Он много занимался, переживал за все, что происходит вокруг. В нем было... счастье. Разлитое внутри, сильное, яркое. Вдох – счастье, выдох – радость; вдох – страх его потерять, выдох – оно все еще никуда не делось... Осознание того, что с ним случилось нечто невероятное, чудесное. Что-то такое, за что он мысленно благодарит окружающий мир каждую секунду...

Пашка возмужал – стал выше, крепче, спокойнее. Он смотрел долго и серьезно. Пашка... Как же нам с тобой разобраться со всем этим балаганом, который происходит с нами в последнее время? Держись, сынок...

Рэм стал просто невероятно красив – это ужас какой-то! Бедные девочки... На самом деле с Пашкой они были совершенно одинаковые. Рэм

уже сроднился с тем, что чуть подправил когда-то свою внешность. Но он был... совсем другой. Грустный, тихий. Печаль лилась из-под пушистых ресниц и сводила с ума... Я подумала о том, что девочек в Академии нет. Пашка еще с кем-то общается на фехтовании в нашем мире, а Рэм?

– А щенок где? – спросил Паша, прервав мои мысли.

– Дома, – ответила ему я, не задумываясь.

– Один? – возмутился Феликс.

– В поместье, – пояснил Ричард.

И тут я поняла, что именно сказала... И это не ускользнуло от милорда Верда. Хитрец с каким-то особенным удовольствием нагло подмигнул мне, отправляя в рот очередной пирожок! Вот... зараза! Я поняла, что краснею... Захотелось выйти на улицу. И тут стихия услышала меня! Какая именно, не знаю, но в ворота позвонили!

– Кого это принесло? – спросил явно у Вселенной отец, потому что никто из присутствующих на этот вопрос ответить не мог.

Я пожала плечами и отправилась открывать. Загнать Грея в вольер я не смогла – он скулил, вырывался и в конечном итоге удрал от меня. С щенком было проще – взял на руки, и все дела.

– Да что ж ты за пес такой, – укоризненно посмотрела я на него и пошла смотреть – кто там. Подошла к калитке и открыла ее на маленькую щелочку – чтобы овчар не выскочил.

– Добрый вечер! – обратилась ко мне какая-то незнакомая женщина. – Простите за беспокойство. Вы не подскажете, как идет нумерация улиц Зеленых в поселке? Мы совсем заплутали.

И она кивнула на заведенную машину напротив наших ворот. На заднем сиденье в детских креслах сидели девочки-близняшки и с любопытством на нас посматривали. Два курносых носика, золотые кудряшки из-под одинаковых розовых шапочек, ярко-синие глазенки... Я невольно залюбовалась.

– Конечно, – улыбнулась я женщине в короткой яркой курточке. – Вам какая улица нужна?

– Третья Зеленая.

– Смотрите, – начала я, делая шаг вперед и выходя за калитку. – Вы...

Женщина взмахнула руками. Грей все-таки выскочил. Попал под удар, взвыл от боли, пронзительно заскулил и обмяк на снегу.

Странно... Со мной было что-то не то – но боли я не чувствовала. Только пустоту. И ее вокруг становилось все больше и больше.

Я с отстраненным любопытством отметила, что женщина уже открыла портал, ее дети выскочили из машины – она торопила их. За спиной

раздались крики.

– Мама! – три вопля сливаются в один.

– Вероника! – крик Ричарда.

– Мальчики, осторожнее, – хочу сказать я, но у меня получился только жалобный всхлип. Я успеваю заметить, что женщину и ее детей отбрасывает от портала. Ей не удастся сделать всего шаг и уйти. Мареву гаснет.

Ноги подгибаются – я падаю на землю, на меня обрушивается небо, а через мгновение тяжесть и круговерть затихают, оставляя звенящую легкость внутри и снаружи...

– Мама! Не надо... Не уходи...

Кто-то склонился надо мной. Феликс... Я чувствую покалывающее тепло его рук на животе, справа.

– Нам же без тебя никак, – продолжает уговаривать меня приемный сын. – Мы тебя любим. Останься... Мамочка.

Его голос и плач пробиваются сквозь пустоту, в которую я могу и хочу погрузиться, разрушая легкость, которая окутала с ног до головы. Внезапно понимаю, что действительно не имею права уходить. Как же родители будут опекунство оформлять на всех троих?.. И Рэм – я же обещала его матери присмотреть. Пытаюсь сказать это Феликсу, но захлебываюсь криком – приходит боль.

– Тихо... – Это Ирвин – его руки порхают надо мной, и боль уходит. – Лежите, не шевелитесь, мы сращиваем сосуды и ткани. Никаких резких движений... Вообще никаких движений. – И, обращаясь к кому-то: – Все – пять шагов назад! Мешаете! Милорд Верд, вас это касается в первую очередь!

Я и не знала, что милейший, все время смущающийся Ирвин может разговаривать таким тоном.

– Ваше величество, отойдите! Феликс – останьтесь. У вас хорошо получается удерживать матушку здесь. Продолжайте. Миледи Вероника, ваша задача – не спать, не закрывать глаза.

И я честно делаю то, что сказал целитель.

Только чуть поворачиваю голову набок, чтобы видеть происходящее, а не только слышать.

– Кто приказал убрать охрану? Как это граф Крайом? – рычит на кого-то император. – Я вас спрашиваю – почему миледи Вероника осталась без защиты? Почему задержание преступницы производили члены моей семьи? Кто вообще эта женщина?

Какой-то незнакомый мне гвардеец пытается объяснить Фредерику,

что на женщине сильный блок. Император только фыркает.

– Милфорд, главу гильдии убийц сюда.

– Слушаюсь, – раздается знакомый голос.

Оказывается, и начальник имперской контрразведки тоже здесь. У нас на даче.

Император между тем подходит к фигуре, что лежит на дороге сломанной куклой.

– Посадите ее, – негромко командует. Гвардейцы слаженно выполняют приказ.

– Что же вы, милая? – негромко, даже как-то ласково говорит император Фредерик. – С чего вы изображаете из себя страдальцу? Вы уже минуты две как пришли в себя. Рекомендую открывать глаза и начинать сотрудничать. Ваши воспитанницы тоже у нас. И казнь я начну даже не с вас – с них. И убивать буду лично и долго. Если я не ошибаюсь, девочки ваши, родные? К тому же блок я ваш проломлю, даже не замечу. Так что говорите. Принесите кристалл, чтобы записать показания! – крикнул император.

– Но я не имею права сдавать заказчика, – спокойно и даже как-то удивленно отвечает женщина. – Вас ведь он интересует? К тому же, по законам гильдии, я не несу ответственности за убийство. Я только инструмент. И щенки – их не положено трогать.

– Милая, – склоняется над ней император, – не положено трогать членов моей семьи. Никогда. Никому. Ни при каких обстоятельствах. И если с Вероникой что-то случится, я вырежу всю гильдию. До последнего воспитанника. Или, как вы их там называете, – щенка?.. А сейчас очень постараюсь, чтобы я был настолько доволен твоими показаниями, что даровал тебе быструю и легкую смерть.

– Щенки? – В голосе женщины звучит деловитость, словно они не об условиях ее казни договариваются, а профессиональный найм подписывают.

– Тебе придется очень постараться, чтобы я даровал твоим детям жизнь, – пожал плечами император.

– Что происходит, Фредерик? – Хлопок портала, и оттуда выходит низенькая фигура, облаченная в темный плащ с капюшоном, в сопровождении милорда Милфорда. – Вообще, где мы? В другом мире, что ли?

– Как ты понимаешь, – звучит насмешливый голос императора, – если уж я пригласил тебя так внезапно, то это я буду задавать вопросы.

– Задавай, – кивает фигура.

- Как вы осмелились? – скрежещет император.
- Брэндон приказал.
- Слушай, тебе самому не смешно? Сначала Ричард приказал убить барона Кромера. Явный бред, но тебя провели. Ты огорчился. И раскаялся. А теперь, не прошло и трех месяцев, мой младший сын опять обращается к вам – только теперь нанимает наемного убийцу уже для Вероники?!!
- Приказы членов правящего дома имеют приоритет, – уточнил глава гильдии.
- Вы выдадите каждого десятого члена гильдии. И среди них не будет ни одного ребенка.
- Ваше величество... Так нельзя. У нас договор. Наемные убийцы не отвечают за свои действия. Они лишь инструмент. Ищите заказчика!
- Договор, говоришь? Так перечитай его, – в голосе императора послышалась издевка. – Там нигде не сказано, что вы подыгрываете при попытке мятежа моим противникам. Там нигде не сказано, что твои люди покушаются на женщину, которая является моей невесткой.
- Я не отправлю на казнь своих людей, – тихо и четко проговорил Глава гильдии убийц.
- Еще как отправишь. По-моему, в прошлый раз я проявил излишнюю мягкость. Я просто предупредил. Ни ты, ни твои люди меня не услышали.
- Фредерик.
- Каждого десятого. Каждого. И захваченная нами охотница не в счет.
- Как прикажет мой повелитель, – склонил голову глава гильдии. – Их будут допрашивать?
- Мне не нужны тайны наемных убийц, – фыркнул Фредерик. – Мне нужно объяснить всем, что трогать мою семью нельзя. И если вы не понимаете слов – значит, будут показательные казни.
- Как прикажет ваше величество.
- Еще мне нужен преступник, который замыслил меня свергнуть. Все, что у вас есть на него – включая подозрения, совпадения, – к Милфорду на стол.
- Каждого двадцатого, – начал торговаться коротышка.
- И вы дублируете охрану миледи Вероники.
- Ваше величество! Мы убийцы, а не охранники! Мы не умеем обеспечивать прикрытие объекта.
- Значит, вы наймете тех, кто умеет. Будете сами за ней ходить. По очереди или все вместе. Но с ней ничего не должно случиться.
- Да, ваше величество.
- Каждого пятнадцатого – и мне нужен тот, кто убил барона Кромера.

Его я буду допрашивать сам.

– Помилуйте, ваше величество!

– Сын? – усмехнулся император.

– Дочь, – прошептал глава гильдии.

– Что ты сделаешь, чтобы она осталась в живых?

– Все, – выдохнул его собеседник.

– Тогда подойди сюда... – Император подвел его ко мне. – Видишь ее?

Пока она жива и здорова – жива и здорова твоя дочь. Это же относится и к членам всей твоей семьи. И помни – вы не имеете права брать заказы на граждан моей страны. Я уже не говорю о тех, кто мне дорог. Свободен.

Фигура в темном капюшоне низко поклонилась – и исчезла.

– Ирвин? – обратился Фредерик к целителю. – Что?!

– Если вы не будете мешать, – ворчливо отозвался молодой человек, – то все будет хорошо. Кстати, можете продолжать ваши показательные выступления. Миледи отвлекается – ей интересно. Это просто прекрасно!

– Она не простудится на холодной земле? – раздается мамин голос. – Мороз все-таки.

Я чуть скосила глаза – отец с белым напряженным лицом обнимает заплаканную маму. Возле них стоят бледные, как сама смерть, Паша и Рэм.

– Ирвин? – спрашивает император.

– Вероника, – рычит целитель, – я же сказал – не шевелиться. Ваше величество! Займитесь чем-нибудь полезным! А то я ни за что не ручаюсь. Феликс, не отвлекайся!

– Вытащи ее, – шепчет Ричард. – Я дам тебе все, что пожелаешь, только спаси...

– Ваше величество. Вы еще с Крайомом не разговаривали, – вдруг доносится у него из-за спины голос Рэма.

– Точно. – Глаза императора Фредерика загораются алым. – Спасибо, мой мальчик... Где мой начальник охраны?! Где Крайом?! И – Милфорд – это ведь вы предложили не арестовывать пока магов во главе с Либревером! Вы испросили моего позволения следить за ними, чтобы они вывели нас на главу заговора!!! И что – вывели? Вместо того, чтобы арестовать всех причастных и отправить вашего брата наводить порядок в университете на кафедрах магии, мы что делали? Выжидали?! Допрыгались... Где Крайом, я спрашиваю?!

Глава 32

...Мне снилось, что я не могу заснуть. Ворочаюсь, злюсь. Хочу повернуться, принять более удобную позу, но не могу. Стоит закрыть глаза – как меня захватывает ярко-синий вихрь, расплываясь мутными картинками. Допрос в Уголовной полиции. Ричард у камина с пылающими от гнева глазами. Брэндон с перекошенным от злобы и ненависти лицом. Страх. Убивающее ощущение собственной беспомощности. Пытаюсь встать – выпить успокаивающую микстуру Ирвина. Не получается, и я куда-то проваливаюсь, куда-то бегу. Бегу, крича и задыхаясь, к portalу ярко-синего цвета. Почти добежала – еще бы чуть-чуть! Но портал все время удаляется...

Липкой от пота спиной я чувствую погоню. Знаю, что с каждым ударом сердца она все ближе и ближе. Я почти падаю, стремительно теряя силы...

Влетев, наконец, в портал, вдруг оказываюсь в теплых руках Ричарда.

– Ну что ты... – шепчет он мне на ухо. – Все хорошо. Ты в безопасности. Спи.

Проснувшись с мыслью – ну и гадость же мне снится. Хотела повернуться – поняла, что все внутри живота ноет. И страшно хочется пить. Голоса нет – в горле все пересохло.

– Ника, – склонился надо мной Ричард. – Очнулась...

– Пить, – складываю я губы.

– Нельзя, – промакивает их влажной салфеткой Ричард. – Ирвин запретил...

– Что?.. – На «случилось» – у меня уже не хватает сил.

– Покушение. Ранение. Ты в поместье. Дети и родители здесь же.

– Грей? – вспомнила я.

– Погиб.

В дверь смущенно постучали.

– Прочь! – рычит принц Тигверд. Будь я на месте кого бы то ни было за дверью – не просто удрала бы из дома, но и сменила бы страну проживания. Во избежание, так сказать.

– Милорд, – голос у Джона был очень-очень несчастный, – к вам... пришли.

– Гони всех, – продолжил гневаться хозяин поместья.

Если бы у меня были силы, я бы согласно кивнула.

– Простите, но к вам делегация военных.

– И что им понадобилось?

– Старшие офицеры прибыли по поручению армейских частей. Узнать, живы вы или им поднимать восстание, чтобы отомстить за вашу кончину.

– Они там что – совсем озверели? – вскочил Ричард.

Посмотрел на меня.

– Иди, – проговорила я одними губами.

– Ирвина сейчас нет в поместье. Покушение на тебя было не единственным. Маги не стали дожидаться арестов – устроили охоту на тех, кто поддерживает моего отца. Милфорд и Швангау занимаются поимкой мятежников. Удо Либревер сбежал, или его убили – выясняем. Я пришлю к тебе Феликса. У него открылся талант – мальчик будет целителем.

Я вспомнила. Мой сын умудрился в одиночку, чисто на интуиции, остановить мне кровотечение и поддерживать во мне жизнь до тех пор, пока не пришла помощь. Мне хотелось спросить Ричарда, что он об этом думает, – но говорить было еще слишком тяжело.

Ричард коснулся моего лба губами – и стремительно вышел.

Мое семейство пробралось в полном составе. Отец окинул меня внимательным взглядом, поцеловал и, пробормотав: «Надо парню помочь, а то у них тут один сплошной бардак», – отправился догонять Ричарда.

Мама взяла меня за руку и попыталась улыбнуться. Получилось не очень, но я оценила, растянув пересохшие растрескавшиеся губы в ответной улыбке. Рэм и Паша расположились на диванчике. А Феликс стал меня лечить, потихоньку вливая силы – я почувствовала нежное тепло.

– Прошло уже два дня, – тихо говорила мама. – Ирвин не давал тебе прийти в себя. Но ты металась. Я чувствовала, что тебе очень страшно. И только рядом с Ричардом, когда он обнимал тебя и говорил, что все хорошо, ты успокаивалась.

Феликс смочил мне губы и приказал:

– Мама, спи.

На этот раз сон был без сновидений. Еще одно пробуждение – рядом Ирвин.

– Как вы, миледи?

– Хорошо, – шелестю я.

– Замечательно. Тогда давайте попробуем выпить глоток водички.

Я делаю этот самый вожденный глоток – пытаюсь набрать воды в рот как можно больше. Ирвин смеется:

– Не жадничайте!

Вода придает силы, и я спрашиваю:

– Ричард... военные?

– Все в порядке, – кивает Ирвин. – Только в столице волнения.

Я вздрогнула.

– Нет-нет. Это не бунт против императора, – поспешил успокоить меня целитель. – Просто редакцию «Имперского вестника» и типографию, что принадлежала этому печатному... органу... все-таки спалили.

– Они? – спросила я.

– Да. Это они напечатали статью о том, что по приказу императора Фредерика был казнен его старший сын, командующий Тигверд. По счастью, военные сначала явились сюда – поговорить с Джоном. Они убедились, что принц Тигверд жив, это их успокоило. Но, к сожалению, узнали также и то, что на вас было покушение. Так что... Спалили все. – Ирвин беспечно махнул рукой.

– Однополчане?

– Они как раз не успели. Ветераны присоединились к военным чуть позже, когда все уже пылало.

– И что теперь будет? – поинтересовалась я.

– Император пожурит военных, – пожал плечами целитель. – Но не больше.

– А маги?

– Арестованы. Идут допросы.

– А Либревер?

– Не знаю, миледи. По одной версии, главный маг императорского двора, наследник рода самих Либреверов – сбежал. Если это так – скандал будет неслыханный. Не одно поколение этой уважаемой фамилии было предано императору и его семье... Позор. Но также говорят, что, возможно, Удо Либревера убили мятежники. Не знаю, не знаю... Но одно могу сказать – очень много пострадавших. А у меня, сами понимаете, – много работы.

Он разрешил выпить мне еще глоточек воды. Распорядился, чтобы возле больной не сидели все кучей, велел выдавать мне чайную ложечку воды каждые полчаса и ушел.

Со мной остался Паша. Потом его сменил Рэм. Мама. Феликс.

А когда я открыла глаза в очередной раз – рядом был Ричард.

– Ника, – прошептал он.

– Привет, – тихо ответила я – надо же, голос появился...

– Прости меня...

Я смогла кивнуть – и тут поняла, что... прощаю. Не было изматывающего гнева. Не было тянущей боли в сердце. Не было мерзкой,

вкрадчивой злобы в душе. Глупая гордость больше не прорастала по всему моему существу жгучей обидой – разрывая и сжигая остатки здравого смысла... Только радость от того, что мы живы, только счастье от того, что он рядом... А все остальное, оказывается, просто несущественно.

Я с улыбкой посмотрела на Ричарда – и поразилась тому, каким бледным стало его лицо...

– Что с тобой?

– Ничего, – помертвевшими губами ответил он.

– Плохо? Ирвина?

Он лишь отрицательно покачал головой, дождался, пока ко мне пришел Феликс, поклонился и ушел.

– Что с ним? – спросила я у сына.

– Не знаю, – проводил он настороженным взглядом принца Тигверда. – Может, что-то с расследованием не так.

Пока лежала и приходила в себя, было время подумать. Я поняла, что жизнь моя и моих близких изменилась – и своим упрямством я просто-напросто подвергаю всех нас опасности. Поняла, что единственный мужчина, с которым хочу состариться, находится рядом со мной. Нравится мне это или нет... Подумала еще немного и поняла – нравится.

В конце концов, в империи тоже есть чем заняться. С публикациями в газетах, что выходили изо дня в день, надо было что-то делать. Метаться от типографии к типографии и палить все – не лучший выход. В результате энтузиасты могут перейти на подпольную печать – и развлекайся потом с листовками. Да если еще на подобную «романтику» подсадить молодежь... Беды не оберешься! Все-таки полезная штука – история... Пора действовать! Вероника, вперед!

– Да, – кивнула я своим мыслям и только потом поняла, что ко мне пожаловал сам император. И не просто так, а с гневной речью, к которой явно подготовился:

– Миледи – вы будете жить в империи! На этом все. Никакой работы, никаких путешествий, никаких машин. Никакой своей квартиры! Никакой дачи у родителей. Особенно дачи!!! И никаких возражений! Ни при каких условиях, слышите меня? Если ради вашей же безопасности мне понадобится вас арестовать и препроводить в замок Олден – я так и сделаю! И я больше не желаю ничего слушать!!!

Я попыталась сказать, что пришла к тому же выводу – но его величество не дал мне и рта раскрыть. Набрав в легкие воздуха побольше, он продолжил:

– Вероника, вы всегда представлялись мне женщиной разумной. Более того, мудрой. Вот откуда в вас сейчас это... ослиное упрямство? Придумайте, чем вы хотите заниматься, но живите! Слышите меня? Я не желаю видеть вас в луже крови со вспоротым животом. И не смейте мне возражать, это приказ! Приказ императора!

Что мне оставалось? Только покачать головой и дожидаться, пока Фредерик выговорится. А его понесло...

– Я долго терпел ваше самоуправство. И глупое стремление к самостоятельности! А вы подумайте вот над чем... Все уже случилось. Ваша жизнь изменилась. Как только ненаследный принц Тигверд объявил о помолвке и представил вас мне как будущую жену. А уж тем более когда вас представили ко двору. Вы можете бесконечно цепляться за то, что было раньше. Но чем быстрее вы поймете, что возврата к той жизни уже не будет, тем больше у вас шансов выжить. А у нас – защитить вас.

Он на секунду остановился перевести дух. Понимая, что спич его величества далеко не закончен, я, пользуясь случаем, поспешила вставить пару слов:

– Мне бы хотелось навести порядок в имперской прессе.

– И постарайтесь на этот раз... Что? – Оратор замер, и я заговорила быстрее:

– Я говорю, что согласна с вашими доводами. И уже придумала, чем хочу заниматься.

– А просто печь блины?

– Любимого сына не жалко, ваше величество? Я же выну бедному Ричарду мозг чайной ложечкой... И съем. Если буду сидеть без дела. Блины – это скорее... смена деятельности, чтоб отвлечься, расслабиться, одновременно сохранить семейные отношения. Они довольно сильно зависят от блинов. По крайней мере, в нашем союзе.

– Вы... простили Ричарда? – расплылся в улыбке император.

Я кивнула и печально добавила:

– Только он, когда почувствовал это, почему-то не обрадовался.

– Теперь ему осталось простить себя самого...

– Не понимаю.

– Заклятие... Вы так и не догадались, при каком условии оно спадет и мой сын вспомнит все?

– Поцелуй? – предположила я, вспомнив сказку, которую любила в детстве.

Фредерик расхохотался:

– Что за вздор! Это-то здесь при чем?

Я лишь пожала плечами.

– Мне показалось, что вы догадались, Вероника.

– Нет... Не догадалась.

– Прощение. Вы прощаете его – он вспоминает все.

– И с чего его тогда так... Он же и так все знал, ему обо всем доложили.

– Одно дело – кто-то что-то рассказал. Другое – осознать все, что натворил. Это тяжело. Это страшно...

Мы замолчали. Я хотела сказать какую-то колкость, но не смогла. Император вздохнул и продолжил:

– Вернемся к делам. Мне показалось или вы что-то говорили об имперской прессе?

Вот об этом – хоть сто порций!

– Я хочу издавать журнал. С новостями. И рассказами о самых значимых и популярных персонах империи.

– Лучше бы вы затеяли прогосударственную газету, – с насмешкой посмотрел на меня Фредерик. – После известия о том, что я якобы приказал расстрелять Ричарда, даже мне стало ясно, что надо что-то делать... Вы были тысячу раз правы, Вероника! Ваше знание истории... Впредь я буду внимательнее к вашим советам и идеям, какими бы вбалмошными они мне ни показались на первый взгляд!

– Надо подумать, – растерялась я. – Над изданием газеты я не задумывалась...

– А в чем разница?

– Мне бы хотелось заняться развлекательным журналом. Практически сплетнями. Их ведь так любят в империи.

– Есть такое.

– Имперцы, и они в истории не исключение, особенно любят сплетничать о людях, которые стоят выше по социальной лестнице. Почему бы этим не воспользоваться? Информация о высшем свете и персонах у нас будет из первых рук. Я рассчитываю на вашу помощь. Думаю, у меня получится найти необходимых людей, привлечь их к сотрудничеству и наладить работу.

– Понимаете... Как-то не принято, чтобы император или члены его семьи занимались издательским делом.

– Вы сами сказали, что ситуация с газетами и журналами вышла из-под контроля. Можно поиграть в свободу слова, порадоваться, что правительство не контролирует все сферы жизни... Но то, что происходит у вас... Это просто-напросто безобразие.

– Потому что печатают ложь?

– Потому что печатают то, что вредит империи. Смотрите, какая картинка вырисовывается. Император – неблагодарный сластолюбец, настолько подлый, что приказал казнить старшего сына только потому, что ему приглянулась его невеста. Августейшая особа изображается отвратительным типом! Куда это годится?! Ваш сын, Ричард, похож на такую психованную размазню. И невесту у него отняли, и сына бывшей любовницы он обижал, за что та его пыталась убить. И казнить себя позволил. Тоже получается портрет, не вызывающей симпатии. Теперь – наследник... Принц Брэндон. Все ничего – и в народе его любят, как я понимаю. Но он выставляется насильником. Что, согласитесь, убивает любую репутацию.

– Что ж теперь – жечь издательства и типографии? – удивленно поднял брови император.

– Зачем жечь? Ни в коем случае! Надо сотрудничать. И выпускать журнал.

– И газету!

– Хорошо, и газету, – смирилась я.

– И какой у вас план? – Император жестом остановил мою попытку сесть поудобнее и был прав... В голове помутилось, волна боли обдала все тело. Я сделала несколько вдохов и все-таки продолжила – разговор мне был интересен.

– Государство процветает, пока народ верит, что их страна – самая лучшая. А монархии – еще и на уважении и любви к правящему дому. Следовательно, наша с вами задача – организовать подачу информации и – особенно – сплетен таким образом, чтобы люди читали и радовались – как хорошо жить в империи! Император – просто чудо, наследник – просто лапушка!

– И как мы это будем делать?

– С помощью формата гламурного журнала, – гордо заявила я. И взвизгнула – в углу моей комнаты что-то заклубилось. Серый дым превратился в человеческую фигуру.

– Это должно быть что-то исключительно важное, – нахмурился Фредерик.

– Ты же сам приказал сразу сообщать информацию по заговорщикам, – спокойно ответили ему.

– Говори, – сказал император, глядя на невысокую коренастую фигуру, закутанную в серый, оттенка осенних сумерек плащ. Капюшоном человек тщательно прикрывал лицо. Мне показалось, что вместе с ним в покои

прокрался туман – стало холодно и сыро...

– Новости, ваше величество, – поклонился глава гильдии убийц.

– Отрадно видеть такую рьяную исполнительность в подданных, – издевательски протянул император Фредерик.

– Я счастлив, ваше величество, что вы не утратили чувство юмора, – ядовито отозвался мужчина.

– Массовые казни всегда стимулируют это чувство, – широко улыбнулся правитель.

– Я рад, что гильдия убийц внесла свою долю в хорошее настроение моего повелителя.

– Мне вот что показалось... – В улыбке императора мелькнуло что-то хищное. – Выданные вами убийцы. Они были настолько старые, настолько почтенные. Все сплошь убеленные сединами. Вы собрали всех, кто собирался на покой, и выдали мне?

– Разве я нарушил приказ?

– Нет. Просто ваша трактовка выполнения моих приказов приводит в восторг.

– Надеюсь, вы позволите гильдии искупить свою вину, – поклонился глава.

– Новости?

– Именно, ваше величество.

– Говори.

– Мы нашли Либревера. Он жив и просто жаждет сотрудничать.

Глава 33

Длинноухое недоразумение запрыгнуло на кровать и рухнуло рядом, подсунув мокрый нос к моей щеке. Повозилось, устраиваясь поудобнее, и шумно вздохнуло, сочувствуя переживаниям и горестям хозяйки всем сердцем. Честным, чистым, преданным собачьим сердцем.

Я прониклась. Стало как-то... теплее... Немного грустные, блестящие глаза цвета темного янтаря, лоснящийся золотисто-шоколадный бархат шерсти, толстые лапы... Щенок заметно подрос за последнее время.

– Как-то тебя надо назвать, – пробормотала я, погладив длинные, потешные уши.

Дверь аккуратно отворилась, и Каталина лично вкатила тележку с едой. Мне уже сутки как разрешалось есть бульон. С разного рода перетертыми субстанциями. И действо это обставлялось с такой торжественностью, что организаторы императорских приемов могли просто загнуться от зависти. Если бы, конечно, догадывались о том, что происходит в поместье принца Тигверда.

Ричард так дома больше и не появлялся. Он все вспомнил. Понял, что я его простила. Но не приходил. Мне было больно, грустно и даже немного страшно... Поэтому мы со щенком тяжело вздохнули и покрепче прижались друг к другу. Все – изменяю! Другой мужчина мне не нужен – этот, между прочим, моложе! И не предаст... А еще красивый – шоколадно-золотистый...

– Миледи Вероника! – Каталина не могла выносить моих страданий, потому что искренне меня любила. Наклонившись поближе, прошипела:

– А давайте овсянку подадим? Милорду. Недельку-другую! – Получилось кровожадно.

Я рассмеялась. Угроза была страшная, и, честно говоря, хозяин поместья это заслужил...

– Не стоит, – ответила я. – Иначе он вообще пропадет в армейских частях, и мы его не увидим. Давайте сменим гнев на милость – и обойдемся сырниками или оладьями. Их принц Тиверд любит меньше, чем блины.

Повариха недовольно и выразительно зафыркала, показывая мне, что она думает о моей мягкотелости.

Все еще безымянный щенок отвернулся от моей еды. Видимо, показывал, как он относится к диетическому питанию.

– Каталина, надо думать и о других тоже. Всем надо питаться, –

попросила я. – У нас ведь поместье, полное людей.

– Да, миледи, – с недовольным видом откликнулась Каталина. – Ладно еще гости – ваши и милорда. Так тут еще целый полк разместили. Народа толчется – целая армия!

– Так не в самом же особняке! – возразила я.

– В деревне, – уточнила наша непримиримая повариха. И добавила: – Но все равно непорядок.

– Пригласите ко мне дам, – попросила я.

– А вы будете с ними вести светские беседы? – мне достался в высшей степени подозрительный взгляд.

– Именно так. О судьбах империи Тигвердов.

– Миледи, – покачала она головой. – Это дело мужское, вам не положено. И вообще пока еще рано чем-либо заниматься. Вы слабы – вам надо кушать!

Я рассмеялась:

– Мы-то с вами знаем, что женщины умнее мужчин, правда? – Я подмигнула круглолицей кухарке.

– Конечно, миледи! – Женщина просто расцвела от подобного замечания, мне стало смешно, и я продолжила:

– А то они, допустим, статьи в прессе полагают за несущественную мелочь. Никто не обращает внимания, а потом выясняется, что газеты – орудие в руках заговорщиков!

– Это все очень важно, миледи. – Каталина нахмурилась, наливая суп. – А теперь вы должны покушать, а то у вас не хватит сил на все задуманное!

Я поела и решила, что пора действовать. Осторожно, стараясь не делать резких движений, перебралась в комнату, примыкающую к спальне. На диванчик. Сидеть я долго не могла, а полулежать – очень даже.

Странно было то, что Ирвин, обычно настаивающий на том, что надо подниматься и двигаться, в этот раз себе изменил. Целитель категорически запретил выходить дальше покоев. Смущался он при этом страшно, поэтому я сделала вывод, что вряд ли того требовало мое состояние здоровья. Уверена, он выполнял высочайшее поручение.

– Привет, – первая заглянула мама.

– Заходите, – приветственно помахала я рукой. – Разговор есть.

Второй зашла Луиза. Как всегда – элегантная, с безукоризненной прической. Она выглядела так, будто над ее внешним видом порхали с раннего утра стилисты, визажисты, косметологи, массажисты и прочая, и

прочая, и прочая...

Надо как-нибудь все-таки спросить, как ей это удастся? А заодно попросить быть моим личным консультантом. Не мешает заняться собой...

– Добрый день, – улыбнулась она. – И меня сюда отправили, Вероника! Под усиленную охрану личного полка принца Тигверда. Посчитали, что на меня, Алана и Дениса тоже могут устроить покушение.

– Денис все-таки стал начальником Уголовной полиции?

– Да, он принял предложение императора.

– А сын?

– В Академии.

Вот перед Наташей, которая появилась следом, мне было неловко. Но, приглядевшись, я поняла, что выглядит она вполне довольной. Ее положение стало чуть более заметным. Одета она была... по-домашнему. И не по-имперски.

– Не переживайте, – сразу сказала мне писательница, запахнув мохнатый розовый халат. – За медицинское обслуживание имени милорда Лидса я могу на многое пойти. Во всяком случае, на переезд в империю – точно. К тому же здесь такие типажи для книг – закачаешься!

Я выдохнула с облегчением и поинтересовалась:

– А милорд Лидс – это кто?

Раздался смех.

– Ника, – возмутилась мама. – Как можно не знать, как зовут человека, который тебя лечит?

– Ирвин.

– Правильно, Ирвин, – пояснила Наташа. – Но, кроме того, он еще и милорд Лидс. И, кажется, барон.

– Понятно.

В углу сидела Джулиана. Было видно, что ей неловко в этом богатом доме. Девушка упорно ходила в своей одежде – залатанные старые вещи в несколько слоев... Конечно, мы с Ричардом заказали ей новую одежду. Она ее приняла, поблагодарила, но не носила. Видимо, нужно время. Я понимала и не возмущалась.

– Итак, – обратилась я к дамам, когда они расселись. – Я пригласила вас, чтобы сообщить замечательное известие! У меня есть для вас работа!

Я оглядела нашу компанию. Луиза – икона имперского стиля. Мама – в брюках, водолазке и кардигане. Сильно беременная Наташа в домашнем костюме с кошечками и ярко-розовом пушистом халате. Фарфоровое личико Джулианы, одетой в стиле а-ля «имперский бомж»... Завершала стилистическую группу моя собственная персона – в пижаме и пледе на

римский манер.

Ну что ж... Пора вести свое войско к победе! Уж какое есть...

– Мы готовы, дочь, – с одобрением проговорила мама. – Ты явно залежалась.

– А милорд Верд не будет против? – осторожно спросила Луиза.

Мама – и почему-то Наташа – посмотрели на нее с насмешкой. Джулиана делала вид, что сливается с мебелью. В этом ей очень мешал щенок, который крутился вокруг нее и всячески намекал, что художнице выпадает высокая честь его погладить.

Девушка вздохнула, сдалась и улыбнулась. Я залюбовалась теплой, искренней улыбкой, честной и открытой. Даже от сердца отлегло. Коллючая враждебность Джулианы была просто психологической защитой. У меня было достаточно педагогического опыта, чтобы понять – мы сработаемся точно и, скорее всего, подружиться со временем. А щенок... Щенок был в восторге – его гладили, чесали за ухом и ласкали взглядом ярко-зеленых глаз. Тот еще дамский угодник! Как же тебя все-таки назвать?

– В империи просто необходим прогосударственный журнал сплетен, формирующий необходимое правительству отношение к государству, императору и членам его семьи. Кроме того, мы с вами должны будем издавать газету – это уже просьба самого императора.

– Газету и журнал – с какой периодичностью? – тут же спросила мама.

– Думаю, раз в неделю – и то и другое.

– Так делать не принято, – не смогла удержаться Джулиана. Луиза согласно кивнула. – Газеты выходят каждый день – со свежими новостями. А журналы... Раз в месяц. Либо на научную тематику – их выпускают при университетах. Либо какие-то военные – по подписке.

– Отлично! – обрадовалась я. – То есть никто так не делает, верно? Значит, мы будем впереди империи всей!

– Как именно? – не разделила мой энтузиазм журналистка.

– Мам, у тебя в сумке случайно не завалялось чего-нибудь полистать? Из нашего?

– Поняла, – поднялась мама и ушла.

– Его величество, думаю, не откажет нам в любезности лоббировать наши проекты, – продолжила я. – И не даст, кстати говоря, развернуться конкурентам. Еще надо подумать о стоимости издания. Чтобы была не велика... Тогда можно развернуться очень широко.

– А еще можно будет печатать в конце журнала роман с продолжением, – словно бы и ненароком проговорила писательница. – Как во времена Александра Дюма-отца.

– Чудесно! Вы читаете мои мысли, Наташа! – улыбнулась я.

А писательница стала пояснять нашим имперским дамам:

– Была такая практика в издательстве журналов. Это период девятнадцатого – начала двадцатого века истории нашего мира. Тогда нанимали молодых и голодных певцов художественного слова. Например, Дюма-отец так публиковал «Трех мушкетеров», а Куприн – свои ранние рассказы. Так почему бы не воспользоваться чужим опытом?

– Думаю, надо что-то про магию. Что-нибудь из того, что в нашем мире называется «фэнтези», только очень аккуратно, Наташа. Не забывайте – мы с вами находимся и пытаемся участвовать в общественной жизни мира, в котором эта самая магия действительно существует. Вы меня понимаете?

– Конечно... Но мне нужен консультант.

– Хорошо, подумаем...

– Вот, – стремительно вошла мама. – Держите.

И она передала толстый глянцевый журнал Джулиане, который та стала изучать просто с жадностью.

– А чему мы посвятим первый номер журнала? – не отрываясь от своей «добычи», спросила девушка.

– Принцу Брэндону, – сразу ответила я. Время подумать у меня было. – У него как раз скоро день рождения.

– Пятнадцатого апреля. Через месяц с небольшим. В его честь будут давать бал, – подтвердила Луиза.

– Фотографий бы красивых побольше, – мечтательно проговорила мама. И Наташа энергично закивала. – Имперские мужчины – такие колоритные!

– Но они не согласятся, – пробурчала Джулиана, не отрываясь от фотографий девушек, демонстрирующих бикини.

– Не думаю, что принц или Ричард будут в восторге, – хищно сказала я. – Но с ними я точно договорюсь. А остальным прикажет его величество. Мы же будем писать о том, какие они все замечательные.

– А что взамен? – с подозрением проговорила журналистка.

– Мы издаем прогосударственную газету.

– Будем печатать ложь для имперского режима?! – возмутилась девчонка.

– Зачем же сразу ложь? – с удивлением посмотрела на нее я. – В империи достаточно всего, что можно покритиковать, – например, имперские аристократы. У меня был опыт общения – жуть просто.

У Луизы глаза сверкнули ненавистью.

– Уголовная полиция, – продолжила я. – Мне бы хотелось повлиять на текущее положение дел в этой области.

– Это правда, что вас там забили почти насмерть? – Джулиана оторвалась от журнала и смотрела мне прямо в глаза.

Мама побелела, я скривилась.

– Простите, – тихо проговорила девушка, явно жалея, что так бестактно проявила любопытство.

– Ничего, – ответила я. – Просто вы – не обижайтесь – иногда забываете, что рассказываете о живых людях. А у них есть чувства. Гордость, достоинство, семьи. И они могут быть невиновны!

– Но правду...

– Джулиана... Как мы знаем, правда – она где-то посередине. Император, Ричард и Брэндон Тигверды, они... люди. Вы согласны? Со своими достоинствами, недостатками, со своим прошлым. У них так же, как и у остальных, живущих в империи, есть чувства, сомнения, мечты... Их власть и избранность – это не только преимущества, но и тяжелейшее бремя огромной ответственности. Нам нужен взгляд, не дающий категоричных оценок. Вы сможете так работать?

– Можно подумать, у меня есть выбор, – проворчала девчонка.

– Есть, – кивнула я. – Вы подписываете бумаги о неразглашении. И можете быть свободны. Отработаете повинность в приюте. Чему-то научитесь. Надеюсь, больше не попадете в такую ситуацию с работодателем... А что касается меня... Как вы понимаете – мне нужны не столько сотрудники, сколько соратники. Потому что женщина, издающая периодику, – это нонсенс. А для империи – почти революция! Подумайте. Издательство будет поддерживать императора – и за это нас тоже будут клевать. Так что что-то доказывать еще и своему окружению у меня просто не будет ни сил, ни желания!

– Я могу подумать?

– На здоровье. Только в своей комнате.

Джулиана с сожалением положила номер. Дошла до двери. И обернулась.

– Это шанс для меня, – тихо проговорила она.

– Бесспорно.

– И меня никто не заставит писать материалы, которые противоречат моим убеждениям?

– Нет. Однако могу я попросить вас уточнить, в чем именно вы убеждены?

– Аристократы – бездельники! Злые, бессердечные люди!

Я рассмеялась:

– Вон – Луиза, бывшая баронесса Кромер, с вами согласна.

– А вы?

– Частично. Аристократы – они разные. И у вас будет возможность в этом убедиться. Что еще?

– Жизнь простого человека должна год от года становиться лучше!

– С этим согласны все присутствующие. И император Тигверд с сыновьями, я уверена, тоже так считает. И наши читатели. Только один нюанс – в результате чего эта жизнь должна становиться лучше? Если в результате кропотливой тяжелой работы – я только «за»! Если в результате мятежа, что сейчас пытаются протащить бунтовщики, так я им не верю.

– А могу я задать вам вопрос? – спросила журналистка. – Вам-то все это зачем надо?

– Заработать денег и заслужить титул.

– Зачем? – изумилась девчонка. – Титул, как понимаю, у вас уже есть. Да и с деньгами проблем быть не должно.

– Понимаете, мне все это нужно заслужить. Иначе никак.

– Понимаю, – улыбнулась Джулиана. – Я согласна. Я буду с вами работать!

Глава 34

Прошло три дня после решения о том, что журналу быть и у нас все получится. Все было запланировано. Написаны все статьи. Словом, сделано все, что можно было сделать, не выходя из поместья.

Наташа адаптировала свой текст под имперские реалии – ей, похоже, нравилось все, что с ней происходит. Мама и Джулиана взяли на себя газету – и за три дня споров решили, какие развороты чему будут посвящены. Луиза готовила разворот по рукоделию. Мы все очень обрадовались – никто, кроме нее, такими полезными навыками, как вышивание крестиком, или вязание крючком, или чем там еще положено заниматься уважаемой даме, не владел. А подобное времяпрепровождение для женщин в империи было, по большому счету, основным... Поэтому мы торжественно назначили Луизу заведовать этой рубрикой. И теперь она страдала, что в империи нет Интернета. А она у нас недостаточно нахомячила схемок и идей.

Я выступала в роли Наполеона и координировала. Одновременно пытаюсь сообразить, как все наши задумки воплотить в жизнь.

Но сегодня я пообщалась с Ирвином. И у меня закралось нехорошее, но с каждым часом все крепнущее подозрение... Похоже, Фредерик наш женский коллектив просто-напросто отвлек от тех событий, что происходили за стенами поместья. Запер.

– Вам лучше оставаться в комнате, – уже откровенно пряча от меня глаза, проговорил целитель.

– Но хоть на кухню мне можно спуститься?

– Разве прислуга недостаточно хорошо исполняет свои обязанности?

– Ладно, в библиотеку...

– Может, миледи стоит заняться вышиванием... В спальне.

– Допустим, – не стала я объясняться с подневольным человеком. – А что насчет журнала? Время-то идет. Да и его величество говорил, что надо выпускать газету...

– Может, позже...

При этом вид целитель имел очень несчастный.

– Дети уехали в Академию? – сжалась я над ним и поменяла тему разговора.

– Да, – радостно ответил Ирвин. – Его величество принял решение, что его внуки пока побудут в Военной академии. Там исполняющий

обязанности ректора полковник Гилмор – друг принца Тигверда. Мы уверены, что юным господам ничего там грозить не будет. Жаль, конечно, что пока не удастся забрать мастера Феликса Рэ в университет, ко мне на факультет, там беспокойно. Но я уверен – это временно.

– А баронет Кромер?

– Тоже в Академии. Мне кажется, миледи, что из него, маркиза Борнмута и внуков его величества выйдет совершенно замечательная боевая пятерка.

На этом Ирвин меня покинул – ему еще надо было осмотреть Наташу. И отправляться по своим многочисленным делам дальше. Я же села, задумалась и поняла, что Тигверды разозлили меня. Очень-очень сильно. Заразы! Что отец-император, что его сыновья. Договорилась я с ними. Займусь я чем-то полезным... В результате мне из комнаты выходить не рекомендуется...

– Миледи Вероника, – заглянула ко мне растерянная Джулиана. – Посмотрите... Это же разврат!

Лицо ее при этом было пунцовым.

Я посмотрела, что ж такого она высмотрела в журнале «Женщина и Мужчина», который ей подсунула моя мама. Хмыкнула. Статья называлась «Как свести его с ума». Ну да – разврат... О как... Вот это надо с Ричардом попробовать. А вот это...

Потом я посмотрела на девчонку. Она сидела, насупившись, как воробушек на морозе.

– Простите, – сказала я. – У нас настолько не принято уже делать из интима секрет, что это уже никого не шокирует. В большинстве случаев. И подобные статьи – это, скорее, норма.

– И вы думаете, что это – хорошо?

– Все, как мы понимаем, имеет свои плюсы и свои минусы.

– Какие же?

– Плюсы... Наши женщины – более раскованы. Для них гораздо меньше запретов. Они стремятся получать удовольствие, а не только покоряться мужчине. Минусы... Подобная просвещенность приводит к тому, что любовь – это больше не таинство. Принято разделять секс и любовь... А мне кажется, что...

– Что такое секс? – Уши у девушки приобрели оттенок переспелой черешни.

– Это некие телодвижения в постели, приносящие обоюдное удовольствие.

– А любовь? – едва слышно прошептала Джулиана.

– Любовь – это когда ко всему вышеперечисленному, – я пренебрежительно кивнула на журналы, – прибавляются чувства. Беда наших мужчин и женщин в том, что они сейчас не стремятся к чувствам. Искреннее чувство может принести невыносимую боль душе... Гораздо проще просто не пускать его в свое сердце. То есть свести все к сексу. Или вообще не рисковать и остаться в одиночестве.

– Вы говорите сейчас о себе?

– Во многом... Впрочем, мы отвлеклись. Революцию в отношениях между мужчиной и женщиной мы устраивать не намерены, поэтому... Так откровенно мы писать не будем. Кстати, надо сказать Наташе, чтобы аккуратнее изображала отношения между влюбленными в своем романе!

Успокоенная Джулиана ушла, я же продолжила себя накручивать.

– И вот что с этим безобразием делать?! – спросила я... у перстня. Артефакт был рядом, а щенок куда-то убежал. Так что больше не с кем было поделиться.

С самого момента покушения перстень был... в какой-то жуткой депрессии. Конечно, отдавало сумасшествием то, что я так думала о неодушевленном предмете. Но, по-моему, так оно и было. Я чувствовала, как что-то живое в нем злилось... Похоже, что на себя. Потому что не уберегло. Не защитило. Я даже пыталась говорить и утешать – но огненные искорки если и проскакивали, то как-то раздраженно.

Вот как сейчас.

– Нас просто здесь заперли и не собираются позволять заниматься прессой.

Перстень подумал и мигнул один раз.

– Ага... – злобно сказала я. – И мне так показалось.

Подумала и спросила:

– А ведь ты можешь перенести меня в приемную императора, чтобы я поговорила с Фредериком – он мне, в конце концов, обещал!

Яркий камень прикинулся простой синей стекляшкой.

– Отлично, – рассердилась я. – Тогда я буду устраивать побег самостоятельно!

Два раза мигнул.

– Что? Не надо? Тогда – помогай.

Перстень явно задумался.

– Мне всего-то надо попасть во дворец и переговорить с императором. Поможешь?

Сначала камень мигнул один раз – потом – два.

– И что бы это значило?

Сапфир погас. Я поняла – мне выдвинули какие-то условия.

– Пойти потом к Ричарду?

Два раза...

– Нет? Он и тебя достал? Правильно.

– Предупредить охрану?

Еще раз – нет...

– Может быть, сменить платье? – раздался голос Оливии.

– Оливия! Я тебя обожаю, помогай!

И вот когда я переоделась в приличное платье – мой выбор синего, как всегда, пришлось отстаивать, – надела перчатки и завязала ленты на шляпке... Немедленно загорелось приветливое марево портала.

– Ох, опять достанется мне, – раздался у меня за спиной довольный голос Оливии. – Задайте им жару, миледи!

Карл, секретарь его величества, вздрогнул, когда я с ним приветливо поздоровалась.

– Сочувствую вам, – проговорила я. – Работа у вас очень нервная. В следующий раз, как увижу Ирвина, попрошу у него успокаивающую настойку. Специально для вас.

– Спасибо, миледи, – иронично ответил мне молодой человек. – Я тронут вашей заботой. Что вам угодно?

– Я бы хотела записаться на аудиенцию к его величеству, – у меня получилось даже смиренно.

– Карл, – донеслось из кабинета. – Зайдите ко мне.

Секретарь одарил меня недовольным взглядом и прошел к императору.

– Как миледи Вероника? – донеслось из-за не до конца прикрытой двери. – Просите.

– Его величество примет вас немедленно, – поклонился секретарь.

У Фредерика в кабинете было много народу – и сплошь знакомые. Приветливо улыбнувшийся мне папенька, разозленный Милфорд. Доброжелательно взглянувший на меня милорд Швангау. Император, устало потирающий глаза. И... ненаследный принц Тигверд. Вот он был разгневан. Все мужчины разом поднялись, когда я вошла. Отец – на мгновение замешкался, но потом встал. Как все.

– Миледи Вероника... – чуть склонил голову Фредерик. – Я рад вас видеть, но, честно говоря...

– Могу я поговорить с вами наедине, ваше величество?

– Прошу, – насмешливо откликнулся император, и мы прошли в соседнюю приемную.

– Вы заверили меня в том, что я буду издавать газету и журнал. Что это дело важное не только для меня, но и для всей страны. И даже – я себе льстила, я понимаю – для вас... Однако...

– Вероника, – мягко перебил меня Фредерик. – А вы не допускаете мысли, что я просто-напросто... забыл?

Вот тут мне стало стыдно. Кровь бросилась в лицо.

– Простите, – тихо сказала я. – Просто мы в поместье – как на осадном положении. И неясно ничего...

– Как вам девчонка-журналистка?

– Она... Пишет хорошо, связана с журналистами. Толковая, дерзкая. Я довольна.

– Я предупредил ее, что если она вызовет мое неудовольствие – год рудников или огромный штраф с публичной поркой помогут ей лояльнее относиться к империи и членам императорской фамилии.

– Зачем же было вызывать стойкое отвращение к тому предмету, который она будет изображать в статьях?

– Это будет ее наказание.

– Нет, – скривилась я. – Наказание – отдельно, работа на правительство – отдельно.

– Вам виднее. Но личную присягу мне она уже принесла. То есть навредить вам она не сможет.

– Это жестоко.

– Нет. Жестоко было бы отправить ее на рудники. Куда это милое дитя после допроса в Уголовной полиции должно было попасть, – отрезал Фредерик. – А это все... Не очень приятно. Но не больше.

– И как мне теперь с ней сотрудничать? – растерялась я.

– Пусть лучше она думает о том, чем может быть полезной вам, – пожал плечами император. – Кстати, у нее прекрасные способности по чтению разума. И Милфорд хотел привлечь ее к сотрудничеству с контрразведкой.

– Пожалуйста, – посмотрела я в глаза императора. – Оставьте девочку в покое! Не надо втягивать ее в игры спецслужб. Я вас прошу.

– Договорились.

– Спасибо, Фредерик.

– Теперь, что касается важных вещей...

Я посмотрела на него с вопросом.

– Газета, – терпеливо пояснил император.

– Аааа! – глубокомысленно ответила я.

– Мне известен еще один человек, который страдает. И мучается

оттого, что не при деле.

– И кто это?

– Принц Брэндон, разумеется. Я думаю, будет хорошо, если он возьмет на себя организационные процессы.

Я взяла себя в руки и кивнула.

– Отлично. Тогда берите его и возвращайтесь в поместье. С завтрашнего дня я разрешаю вам его покидать. По делам. Только в сопровождении охраны. И наследника.

– Хорошо. Только один вопрос: вы же понимаете, что газета должна быть посвящена героически раскрытому заговору?

Император поморщился:

– Героически... Мы героически проворонили заговор магов. Понимаете? Героически не замечали недовольства аристократов – на самом деле они меня традиционно не любят. И за то, что я не мой отец, император Максимилиан. И за то, что я больше думаю о деньгах и бюджете, чем о войнах... Виданное ли дело – с Османским ханством торгуем! И не было ни одного похода против южных соседей с того момента, как я стал императором. Однако нескольких имперских аристократов я публично казнил за то, что они отправлялись на другой берег пограничной реки грабить и разбойничать. Правда, Османский хан – вы видели молодого человека у меня во дворце на приеме – ответил мне любезностью. И проделал ту же самую процедуру с горячими головами на своем берегу реки.

– Зато вас поддерживает армия, – сказала я в утешение.

– И армия, и купцы, и торговый люд, – согласился со мной Тигверд. – Но аристократы... Которые все один к одному – сильные маги.

– И если их хорошо завести, то дел они могут натворить...

– Именно так... Плюс, среди них считается хорошим тоном быть в оппозиции к Тигвердам.

– И вы должны...

– Казнить.

– Потому что за одного арестованного аристократа поднимется его род?

– Если вина не доказана явно. Тогда они предпочитают отречься.

– И вы вынуждены лавировать?

– Лавировать, стравливать. А есть еще традиции, которые я, как император, обязан соблюдать...

– Как в случае с Либреверами?

– И с ними, и с губернаторами провинций... Назначение на такие

должности ведется, к сожалению, по роду. Не по заслугам.

– То есть, – стало доходить до меня, – вы с Милфордом знали, кто участвует в заговоре – и следили за магами и их сообщниками, чтобы предоставить аристократам доказательную базу?

– Кроме того, нам нужен был глава заговора. А он, – император явно проговорил ругательное слово, – мастерски использует личину. И большая часть заговорщиков просто уверена в том, что это Брэндон.

– А вы считаете, что он не виновен?

– Да, – просто ответил Фредерик. – Я верю своему сыну. И не только потому, что я – как более сильный маг – пришел к нему и задал вопрос. На который он ответил правду. Я еще уверен в том, что если мой сын захочет власти и решит меня свергнуть... То, во-первых, это будет тогда, когда он будет сильнее и меня, и Ричарда. А во-вторых... Он обойдется без убийств и без покушений.

На этой оптимистической ноте мы и отправились к наследнику. Когда мы подошли к покоям Брэндона, я попросила Фредерика не сопровождать меня. Постояла около двери. Решительно постучала. И, дождавшись разрешительного возгласа, вошла.

– Добрый день, миледи, – удивленно поприветствовал меня принц, поднимаясь при моем появлении.

– Добрый день, ваше высочество, – склонилась я в придворном реверансе.

– Чем обязан?

– Мне сказали, что вы мне можете помочь...

– Чем же самый бесполезный имперец – к тому же подозреваемый в измене – может помочь вам?

– Вы позволите присесть? – пропустила я мимо ушей его сарказм.

– Прошу вас, миледи. – Молодой человек указал мне на кресло у камина.

Уселись мы синхронно. Посмотрели друг на друга. И замолчали. Надолго. А ведь действительно, что тут скажешь...

Принц Брэндон был молод. Сколько это ему? Двадцать четыре. Вот-вот исполнится двадцать пять... Изумительно хорош собой, черты лица нежней, чем у отца или брата. Не такой мощный, как они. Более изящный. Хотя семейная умопомрачительная фигура присутствует. Пока еще черные волосы – только седые виски. И черные глаза.

В нем еще не было такой мощи, как в отце или даже в Ричарде. Но и мягкости не было тоже. Истинный сын императора Фредерика. Только молодой очень.

– Давайте сделаем так... – обратилась я к принцу Брэндону спустя очень и очень длительное время. – Вы совершенно не похожи на того незнакомца, что напугал меня в моих покоях. Я буду очень стараться в это поверить. И я смогу. Тем более это действительно были не вы...

– А во что тогда верить мне? – горько усмехнулся принц.

– В то, что это был кошмарный сон. Тяжелый, позорный – но только сон. Вы вовремя проснулись... И обязательно отдадите долги тому, кто этот сон наслал.

– Вы действительно этого хотите?

– Да, – кивнула я. – Мы с вами – жертвы кукловода. Как ваш отец. Как Ричард. Поэтому нам надо успокоиться и сообща противостоять этому деятелю.

– Каким образом?

– Начните с малого. Помогите мне, Брэндон!

Глава 35

– И какие вопросы вам надо решить? – лениво и насмешливо протянул наследник, когда оказался в нашей дружной компании, принял положенные реверансы и заверения во всеобщем почтении.

– Пожалуйста. – Моя мама подала ему листок бумаги.

А дальше и я, и мама, и Луиза, и Джулиана, и Наташа любовались лицом наследника, вытягивающимся по мере прочтения списка в сорок восемь пунктов. Я уже упоминала, что наследник империи Тигвердов был потрясающе хорош собой? Вот на эту самую потрясенность мы и любовались.

– И кто вам это составил? – раздраженно проговорил его высочество. Мы обиженно переглянулись.

– Наш женский коллективный разум, – вежливо ответила мама.

– Помещение для редакции, типографии, наем сотрудников, консультации с юристами. Закупка бумаги, рекламная кампания по продвижению журнала «Имперская сплетница». Сведения о том, как распространяется печатная продукция по империи. Стихии – сколько всего... Так... Найти фотографа и понять, как верстать журнал с фотографиями... Подготовить предложение о сотрудничестве для господина Миррова... А директор книжного магазина вам зачем? – И наследник бросил на меня недовольный взгляд. Справедливо полагая, что за идеями, так потрясшими его неокрепшее имперское сознание, стояла именно я.

– Он успешен. Обладает необходимыми знаниями, не говоря уже о том, что мы с ним из одного мира. Нам будет проще сработаться.

– И что вы от него хотите?

– Чтобы он продвигал нашу печатную продукцию.

Наследник вздохнул. И продолжил:

– Организовать интервью для газеты и съемки для журнала следующих лиц: наследника Брэндона...

Только покачал головой. Продолжил читать про себя. Потом обратился к нам:

– Ну ладно я – как мне кажется, если вы решили издать первый номер журнала про меня, имеет смысл капитулировать сразу. Отмучиться – и забыть... Но с чего вы взяли, что, – он посмотрел в список, – например, граф Крайом на это согласится?

– Ваше высочество, – плотоядно улыбнулась я. – Ну подумайте сами... Почему же вы должны страдать один. Всяко приятнее в компании. А ее мы вам подобрали вполне приличную. Милфорд, ненаследный принц Тигверд.

– Да, но вы решили, что...

– Ваше высочество... Вы на нашей стороне?

Брэндон как-то с опаской посмотрел на нас. И осторожно кивнул.

– Вот и пройдете университет по управлению будущими подданными. Вы же не думаете, что все ваши решения в дальнейшем будут прямо-таки с диким восторгом восприниматься имперцами.

Молодой Тигверд подумал. Еще подумал. И спросил:

– Хорошо. А сроки?

– Журнал – к вашему дню рождения.

– Подарок, – процедил он. – А газета?

– К следующей пятнице.

– Но сейчас уже понедельник!

Мы синхронно кивнули – зачем же спорить с очевидным?

Все-таки в Военной академии манеры вбивали качественно – ругательство наследник проглотил.

– Вы же можете привлечь в помощь членов своей боевой пятерки, – утешила я его.

Брэндон вздохнул и откланялся.

– Как-то я сомневаюсь, что с него будет толк, – проворчала Джулиана.

– Вы зря предвзято относитесь к молодому человеку, – не согласилась с ней моя мама. – Думаю, что его хорошо обучали.

– Да и генофонд соответствующий, – добавила я...

Ночь я провела беспокойно. Решила: если Ричард никак не проявит себя в течение этих суток, отправлюсь к нему за разъяснениями. Интересно, в поместье есть топор? Или взять с кухни молоток для отбивания мяса? Или обойтись более мирным и традиционным подходом – взять скалку?

Проснувшись еще затемно. Вспомнила, что Ирвин отменил особый режим питания. Оделась. И пошла на кухню.

Достала апельсины и любимую соковыжималку. Надела фартук. Стала делать сок.

– Стихии! – раздалось от двери в кухню. – Значит, это правда...

– Что именно? – спросила я у художницы, которая смотрела на меня в изумлении.

– То, что вы сами готовите. Надо же, это, пожалуй, единственные

слова правды, которые о вас говорили, – а я не поверила... А я могу спросить – почему меня расположили на половине слуг?

Я удивленно посмотрела на нее.

– Сначала я решила, что вы хотите указать мне мое место. Потом я поняла, что вы сами располагаетесь здесь же...

– По-моему, у нас на половине уютнее. Меньше позолоты и пафоса. Даже не задумалась, как это будет воспринято вами.

– Поняла.

– Джулиана, вы не сочтете меня невежей, если я предложу вам позавтракать на кухне? Просто поднимать слуг или носиться туда-сюда с едой...

– Вам помочь накрыть на стол?

– Если вас не затруднит.

Какое-то время мы молча возились на кухне. Потом Джулиана вздохнула и сказала:

– Я, должно быть, кажусь вам дерзкой, неблагодарной и завистливой...

– Мне вы представляетесь бесконечно талантливой, – улыбнувшись, сказала я.

– И на основании этого мне позволено... больше, чем остальным?

– Конечно, нет. Просто мне хочется вам помочь, а уж как вы этим воспользуетесь – это ваше дело.

– Никогда не думала, что завистлива. Груба – бывает... Столица выбила из меня излишнюю мягкотелость. Дерзка... О... Это было всегда. За что и страдаю. Но вот чтобы завидовать...

– Чему именно?

– Тому, как мужчины хотели вас обезопасить... Просто за меня так... никогда никто...

– Все это еще в вашей жизни случится, – улыбнулась я ей.

– Спасибо вам, – искренне проговорила девочка.

– Все будет хорошо.

– Я поняла, зачем вам понадобилась, и выполню все ваши поручения. Я не глупа и прекрасно понимаю, чем вам обязана. Единственный человек, что за меня вступился, – это вы...

После раннего завтрака мы перебрались в гостиную.

– Значит, вы из другого мира, – сказала журналистка, и по тому, как блеснули ее глаза, я поняла, что мне сейчас устроят интервью. Вздохнула и ответила честно:

– Да, Джулиана.

– А как вы оказались в империи?

– Совершенно случайно.

– И что происходит между вами и ненаследным принцем Тигвердом?

Только вздохнула – еще бы я понимала, что происходит... Девушка расценила мой вздох неправильно. И стала оправдываться:

– Простите за назойливость, но вы же теперь не просто миледи Вероника, которая может сказать, что ее личная жизнь никого не касается. Вы теперь хозяйка и главный редактор журнала об имперских сплетнях... Да к тому же персонаж самой главной сплетни года... Материал, что-то объясняющий, давать придется.

– Об этом я как-то не подумала, – опечалилась я.

– К тому же, как я понимаю, в центре внимания будет как раз семья императора. А вы – член этой семьи. Пусть даже и не очень понятно, на каких основаниях.

– И что мы будем придумывать?

– А правду там рассказать никак нельзя?

Я опять тяжело вздохнула. И ответила:

– Этого не было в моих планах... Совсем!

– Придумаем, как выкрутиться, – утешила меня журналистка.

– Что у нас получается по журналу? Сначала – колонка редактора – про то, что обрадовало или возмутило за неделю. Какой-то язвительно-насмешливый обзор новостей. Это пишу я.

– Можно издеваться над тем, что писали в других газетах, – сказала добрая девочка. – Или устраивать конкурс на самую глупую сплетню...

– Наш человек! – пробормотала я.

– Что? – удивилась художница, она же журналистка.

– Радуюсь, что мы с вами встретились...

Джулиана улыбнулась:

– Мне трудно поверить в подобную доброжелательность. Я почему-то все время жду подвоха.

– Конечно, подвох есть! – рассмеялась я. – Нам нужно воспользоваться ситуацией и создать самый популярный журнал в истории империи. Следовательно, эксплуатировать вас я буду безжалостно!

– Это всегда пожалуйста, – улыбнулась Джулиана. – А третьей рубрикой надо ставить что-то про моду, чувство стиля. Какие-то советы и картинки.

– Точно! Это всегда идет хорошо.

– Только у нас две проблемы. Первая – кто будет это писать?

– Да... Это проблема. Нам нужен профессионал в мире моды империи...

- Тогда это маркиза Вустер, – заявила Джулиана.
- Знакомая фамилия... Ах да. Именно ее называл его величество, когда консультировался, где мне шить платье на свадьбу.
- Сок?
- С удовольствием.

Таким измученным я наследника престола Тигвердов еще не видела. Даже когда он в замке Олден изображал из себя маляра.

– Разрешите доложить, миледи Вероника, – вытянулся он передо мной и отвесил насмешливый поклон. – Все ваши поручения выполнены!

- Все-все-все?!
- Именно! И если ближайшее окружение моего отца не поднимет бунт, то мы выпустимся в срок.

- И где будет редакция и типография?
- Там же, где размещались помещения «Имперского вестника».
- Вот спасибо, – расстроилась я. – Его же жгли военные. За статью о расстреле Ричарда. Там же еще несколько лет по округе трава расти не будет!

– Вы преувеличиваете, – спокойно проговорил Брэндон. – Военные, причастные к этому вопиющему факту самоуправства, уже привлечены к восстановительным работам. Младший Крайом за ними присматривает. Думаю, через три-четыре дня все будет готово. Типография пострадала меньше. Меня заверили, что в четверг ночью можно будет печатать тираж. Кстати, миледи Вероника, какую вывеску расположить над редакцией?

- «Имперская правда», – вырвалось у меня.
 - Замечательно, – понравилось наследнику. – Я распоряжусь.
- Выглядел он довольным и умиротворенным, что еще раз подтверждало всем известную истину: все дурные мысли от безделья. Вот нашли, чем озадачить молодого человека, – пожалуйста! Трудится, носится.

Оливия уже хлопотала, накрывая на стол. К нам подтягивались мама, Луиза и Наташа. Мы с Джулианой, как особы неголодные, остались в гостинной. В руках у художницы уже был альбом большого формата и карандаш, который просто летал над бумагой.

Она так увлеклась процессом, что пропустила момент, когда в гостинной появились остальные. Дамы просто расселись. А Брэндон бесцеремонно заглянул через плечо художницы. И тут же отпрянул, горько произнеся:

- Думаю, ваш набросок не соответствует действительности.
- Отчего же, ваше высочество? – поджала губы Джулиана.

– Я там – явно лишний.

Джулиана протянула мне альбом.

– Таким я увидела семейство Тигвердов.

Это был замечательный набросок. Фредерик – мощный, нерушимый как скала – в окружении сыновей. Спокойный, какой-то умиротворенный Ричард. Брэндон – с мечтательной полуулыбкой... Действительно, семья.

– Это прекрасно, – проговорила я растроганно.

– Но совершенно неправдоподобно, – продолжал упорствовать Брэндон.

– Фредерик не отказался от вас, когда даже заговорщики верили, что вы возглавляете мятеж, – тихо сказала я ему.

– Он просто знает, что это не я. Как маг я слабее – и он имеет возможность меня прочесть.

– Нет. Ваш отец просто верит вам. Безо всяких доказательств. И он сказал, что вы ни при чем, когда вас рядом не было. Когда я была ранена. А наемная убийца утверждала, что заказчик – вы. И, кстати, не лгала. И Ричард верит.

– А вот это вы с чего взяли?

– Как вы думаете, он смог бы просто общаться с вами, будучи уверенным, что вы виновны в покушении?

Брэндон задумался. Похоже, такие вопросы ему в голову не приходили.

– Если учесть, что просто за дерзость по отношению к вам мы всей пятеркой отправились на неделю в рабство к нагам... Нет.

Глава 36

Время до обеда прошло замечательно и плодотворно. Брэндон оказался хорошим управленцем, отлично разбирающимся в реалиях империи Тигвердов.

– И не надо делать журнал дешевым, – убеждал он меня. – Не приучайте народ к тому, что хорошее достается просто так. Это неправильно! Ваш труд должен быть оплачен. Лучше сделайте хорошие зарплаты журналистам и отчисления на пенсию по аналогии с военными.

Джулиана согласно кивнула:

– Это привлечет к вам хороших журналистов. Такого нигде нет.

– Этим вы добьетесь лояльности пишущей братии, – продолжил наследник. – Как отец в свое время привлек на свою сторону военных.

Я с сомнением посмотрела на принца Брэндона.

– И добьюсь ярой ненависти конкурентов.

– Вы можете этим пренебречь, – равнодушно откликнулся наследник.

– А как начисляется зарплата тем, кто работает в журнале? – спросила мама, переменив тему.

– Те, кто пишет репортажи по горячим следам и бегают по городу в поисках новостей, получают сущую мелочовку, – стала рассказывать Джулиана. – Этого хватит, чтобы не умереть с голода. Потом, когда журналист обрastaет связями – например, в Уголовной полиции – и получает реальную информацию, где что случилось, – тогда это уже хорошие деньги. Если совсем повезет, можно получить контракт на собственную колонку... Но выплаты разовые и все равно небольшие. Те, кто смог что-то заработать, вынуждены отдавать почти весь свой заработок, чтобы поддерживать полезные знакомства! Просто так никто информацию вовремя не выдаст.

– Да... Тяжела и неказиста жизнь простого журналиста, – фыркнула я.

Через несколько часов я поняла, что перегуляла. Извинилась – и, отвергнув предложение вызвать Ирвина, пошла подремать.

Сон не шел, и легче не становилось. Что-то внутри чувствовало беду. Перстень обжег руку – это было последней каплей. Я накрыла гладкий камень ладонью, закрыла глаза, расслабилась...

– Рэм! – крикнула неизвестно почему, но никто, слава стихиям, не услышал... О как – я уже говорю, как имперцы... Но сейчас это неважно.

Взяла в гардеробной жакет, надеясь, что на улице достаточно тепло,

шляпку, перчатки. Сосредоточилась... Где же я нужна?

Оказавшись возле серого мрачного замка, где располагалась Военная академия, я не удивилась. Странно, что не поняла сразу, где нахожусь. Я уже видела эти стены. Издали. Когда мои сыновья затеяли дуэль.

– Что-то с мальчишками... – сказала я вслух, обращаясь к этому месту. И поняла, что не с мальчишками. Только с одним. С Рэмом.

Огляделась. По широкому деревянному мостику перешла ров и подошла к центральному входу. Посмотрела вверх на мощные стены, придерживав шляпку, стараясь не упасть от их головокружительной высоты. Какой замечательный замок! Стратегически безукоризненно расположенные узкие бойницы, обрамляющий их каменный узор. Мощь чувствуется в каждом камне...

– Что вам угодно? – поприветствовал меня стражник.

– Добрый день. Мне необходимо поговорить с одним из ваших кадетов.

– Не положено, – равнодушно отвечал мужчина. – Дождитесь выходных дней. И если у кадета будет увольнительная, то... Вы решите с ним ваши проблемы...

– Что? – уставилась я на него, не поняв сначала, что он мне сказал таким похабным тоном.

– Залетела – говорю, дождись выходных. Потом и сообщишь, – ухмыльнулся стражник.

– Я – мать мастера Рэма Рэ и мастера Пауля Рэ, – холодно посмотрела я на него. С удовольствием отметив, что стражник напрягся, добавила, не желая ругаться: – Прошу вас о содействии.

– Одну минутку, миледи, – поклонился мне мужчина, сразу став и почтительным, и серьезным. – Прошу прощения, миледи, сейчас свяжусь с исполняющим обязанности ректора... Доложу о вас.

– Благодарю, – поджала губы.

– Прошу вас... – Передо мной открылась калитка в воротах.

Я покачала головой и вошла вовнутрь.

Территория была огромна. Передо мной открылся целый городок, обнесенный неприступными стенами. По четырем сторонам света возвышались башни. К одной из них, самой ближней, мы и направились.

– Миледи, – вдруг спросил у меня стражник. – У меня будут неприятности?

– Нет, – насмешливо посмотрела на него. – Только в следующий раз следите за языком.

– Не хочу вас разгневать, но... Почему вы без сопровождения? Вам же

не следует...

– Простите, но вас это никоим образом не касается.

– Прошу прощения, миледи, еще раз.

Он распахнул дверь, пропустил вперед.

Мы миновали холодную и неудобную, огромных размеров приемную и вошли, наконец, в нужный кабинет.

– Миледи, – поднялся из-за стола и пошел мне навстречу представительный черноволосый мужчина. Я сразу обратила внимание на безукоризненную военную выправку. – Вы не сочтете за дерзость, если я вам представлюсь сам?

– Нет, милорд. Почту за честь.

– Полковник Гилмор к вашим услугам, – поклонился мужчина.

– Миледи Вероника, – присела в реверансе я.

– Искренне рад, миледи. Мое почтение. Что же привело вас к нам?

– Простите... Я понимаю, что ворвалась к вам, нарушая все правила.

Но мне действительно очень надо увидеть мастера Рэма Рэ.

– Я даже представляю себе, по какому вопросу, – нахмурился милорд Гилмор. – За эти месяцы не видел его в таком состоянии. Я дам вам возможность поговорить. Хотя... вчера с ним разговаривал принц Тигверд. Стало только хуже...

– Замечательно, – рассердилась я. – А меня в известность поставить?!

Полковник просто поклонился. Ну да – что я хочу от этого патриархального общества... Тут даже Восьмого марта нет – чтобы был день, когда женщина могла бы высказаться. Ну ничего. Будет! Скоро вам... мало не покажется! Я буду жалить вас печатным словом! Может, переименовать «Имперскую сплетницу» в «Имперскую пчелу»? Или «Имперскую змею»? Нет – змей, пожалуй, и так хватает, а по поводу пчелы надо подумать. Звучит...

– Могу я справиться об остальных сыновьях? Как Пауль? – сменила я тему.

– Пауль? – Исполняющий обязанности ректора явно обрадовался тому, что я не стала скандалить. – Хорошо. «На двух стульях не усидишь» – так, кажется, сказал мальчик. Интересная фраза.

– Да, у нас так говорят. Это что-то вроде пословицы – народной мудрости, – улыбнулась я.

– Понимаю. Знаете, с учениками из других миров всегда очень интересно. Принципы совершенно другой школы фехтования скрестились с нашей и дали, на мой взгляд, прекрасный результат. К тому же он – любимый ученик милорда Верда. Пауль намерен выиграть турнир по

фехтованию. Похоже, он отложил решение всех вопросов, связанных со своей жизнью, до финала этого мероприятия. Похвально.

– А Феликс?

– О, его обучение организовал лично милорд Ирвин Лидс. Обычная практика – к нам по очереди прибывают целители из университета. Общие дисциплины мастер Феликс Рэ посещает с первым курсом в общем потоке. Физическую подготовку согласовали с целителями.

– Это замечательно, – растрогалась я.

– Как только вы поговорите с мастером Рэмом, я разрешу вам свидание с ними тоже. Только недолго. Поймите меня правильно – это и так против правил...

– Спасибо вам. Вы даже не представляете, как много для меня будет значить это послабление... Спасибо!

– Я очень давно знаю милорда Верда, – вдруг проговорил военный. – Видел его в разных ситуациях и в разных состояниях. Только не видел его счастливым. Пока не появились этой осенью вы и мальчики. Берегите себя...

В дверь постучали.

– Войдите, – отозвался полковник Гилмор.

– Кадет первого курса Рэм Рэ по вашему приказанию прибыл! – отчеканил мальчишка.

– К вам матушка пришла, – с легкой насмешкой отозвался военный. – Я решил дать вам время поговорить.

– Благодарю вас, милорд, – склонила я голову.

Исполняющий обязанности ректора Академии оставил нас одних.

– Рэм, – подошла я к юному герцогу.

– Я думал, вы не захотите меня видеть, – прошептал он.

– Рэм, что за глупости? Почему?

– Это я во всем виноват. Это из-за меня страдаете и подвергаетесь опасности вы, ваша семья, дети...

– Виноват тот, кто затеял государственный переворот. И я уверена, что он или она поплатятся за все со временем... И это просто счастье – что мы все живы! – Я с силой сжала его плечо, стараясь смотреть прямо в глаза.

– Вы злитесь?

– Конечно, нет! Я обустроиваю свою жизнь, нашла дело, которым хочу заниматься. С осени, если принц Ричард Тигверд не прекратит меня злить, организую себе несколько лекционных пар в неделю. Где-нибудь... Да хоть у вас, в Военной академии. Ты не против? Будешь ходить?

Рэм несмело, но хихикнул.

– Вот-вот, – одобрительно кивнула я. – Так-то лучше! А в целом... Рэм, поверь мне, все хорошо! Ты знаешь, я решила издавать журнал имперских сплетен. Через месяц – бал в Императорском дворце. Так что жизнь ожидается насыщенная...

– Я завидую Паше. И Феликсу.

– Но почему?

– Я очень люблю свою маму, миледи. Уважаю безмерно... но она прежде всего герцогиня. И мой сюзерен. Близких, домашних... нежных отношений у нас в семье никогда не было. И теперь уже никогда не будет. Мне жаль, что это так.

– Только не забудь этого, Рэм, когда у тебя будут свои дети, – улыбнулась я ему. – Пожалуйста, будь им сначала отцом. А потом уже повелителем... Обещай мне.

– Слушаюсь, миледи Вероника! – насмешливо склонился он передо мной.

– Я не шучу... Пожалуйста, обещай мне! Это важно...

– Обещаю, матушка. Вы моя вторая мама, и я выполню ваш наказ. – Рэм улыбался. Озорно, светло, искренне. В основном он был серьезен и даже немного печален. Тем ценнее были для меня те немногие моменты, когда он улыбался.

– То есть теперь ты отменишь побег?

Рэм посмотрел на меня изумленно.

– Даже Пауль и Феликс не знают, что я собрался уйти. А вы?..

– Почувствовала. Ты что-нибудь знаешь о маме?

– Идет война, но перевес уже на нашей стороне – осталось немного. Герцогиня просила пока оставаться в Академии, – тихо сказал Рэм. – Но я решил...

– Она против того, чтобы ты присоединился к ней?

– Ее гнетут какие-то предчувствия. Она запретила. Говорит, что нет ничего важнее моей безопасности, что это очень важно. Я – наследник.

– Рэм... Я уверена, что герцогиня Рэймская права. И как герцогиня, и как мама. Я нисколько не сомневаюсь в зрелости твоих решений. Ты не поступил бы безответственно, но...

– Вы мне льстите... – Бледные щеки юного герцога чуть-чуть порозовели.

– Ничуть. Мои слова совершенно искренни. Я очень горжусь тобой, Рэм, и часто ловлю себя на мысли, что мне есть чему у тебя поучиться. Но сейчас очень прошу – пожалуйста, послушайся герцогиню. Обещай, что как минимум сообщишь заранее о своих действиях.

– Обещаю, – нехотя, но все-таки сказал юный герцог.

Через какое-то время к нам присоединились остальные сыновья. И если Феликс был молчалив – просто подошел и сел рядом, то Паша был в ударе. Это его настроение я называла: «Цирк уехал – клоуны остались!» Он смешил нас с юным герцогом и младшим братом. И делал он это не просто так. Он хотел помочь братьям – разрядить обстановку. Он маскировал свое детское желание просто обнять меня, как раньше. Иногда я замечала, что он мне подмигивает и смотрит совсем другими глазами... Умными, серьезными... Печальными.

Мальчишки росли и превращались в молодых мужчин. А я... Я не успела! Я не успела к этому подготовиться, я не успела с собой договориться, я не успела достаточно состариться душой и не душой, чтобы быть мудрее, сильнее – настолько, чтобы они могли на меня положиться.

Я вспомнила сказку о Золушке – король возмущенно кричит, что ему не доложили о том, что его сын уже вырос... Вот и мне... не доложили. А они уже выросли, и что мне теперь делать? Мои родители были для меня всегда самыми мудрыми, самыми сильными. Неужели они тогда чувствовали то же, что я сейчас?

– Вам приказать подать экипаж? – спросил полковник Гилмор. – Или построить портал, чтобы вы могли перенестись обратно в поместье?

Я тяжело вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями.

– Принц Брэндон гневается, – слил мне информацию военный. – Его величество недоволен.

– Экипаж. Хоть из окна мир увижу. А то – как в заключении! – пожаловалась, а сама подумала о том, что Ричард продолжает меня игнорировать. Стало одиноко и холодно. Постаралась сосредоточиться на том счастье, которое жило внутри после свидания с сыновьями, стало легче, и я приказала себе до конца дня ни о чем другом не думать. Видимо, поторопилась...

– Уже тепло, поэтому я прикажу заложить открытую коляску. Вас будут сопровождать военные.

Насколько я помнила, ехать в поместье было не так и долго. Я жадно смотрела на синее-синее небо, вдыхала свежий весенний воздух.

Хлопок оглушил, и чьи-то холодные длинные пальцы вцепились в руку чуть ниже плеча...

Лежать было неудобно – нога затекла, подо мной – что-то очень твердое, похожее на камни. Стало жарко... Снять жакет? Я приподнялась на локтях. Открыла глаза. Сердце бешено колотилось, стало душно. Я стала

развязывать ленты шляпки, но пальцы не слушались. Наконец мне удалось стянуть с себя шляпу, и я застыла, запрокинув голову. Небо надо мной было оранжевым, три раскаленных добела небольших солнышка играли в догонялки. Рядом – лиловые скалы, вдалеке – густой лес. Огромная огненная птица кружит высоко-высоко. Я так залюбовалась этим миром, что на мгновение забыла о том, что меня, скорее всего, не на экскурсию пригласили...

– Ну здравствуй, – вкрадчиво прошелестело сзади.

– Кто здесь? Где я? – Я вскочила как ужаленная, обернулась и... закричала. Так орут от ужаса в кинотеатрах подростки.

На камне полулежала женщина. Чуть зеленоватая кожа с красивым узором мерцала в солнечных лучах. На шее и ладонях она была покрыта мелкими чешуйками. Выглядело это так, будто человеческая кожа превращается в змеиную шкуру – сначала проявляется узор, потом чешуя. Местами слегка зеленоватый оттенок переходил в темно-изумрудный – тогда узор на нем искрился золотым. В тени кожа была темно-серой, а тонкие линии рисунка переливались перламутровым блеском. Кисть обожгло, я посмотрела на браслет – жемчужина светилась и пульсировала. Я вновь уставилась на ту, что смертельно меня напугала.

Золотые, с узким зрачком глаза гипнотизировали. Надо было сразу посмотреть ей в глаза. Как хорошо – ни боли, ни страха... Невероятным усилием воли стряхнула морок, оторвала взгляд от жутких глаз и только сейчас увидела самое... странное. И страшное. Практически невозможное!

Меж камней, которых тут было множество, будто ручейки, струились белоснежные волосы. В них жили змеи – их силуэты дрожали в раскаленном воздухе, и я узнала их. Кентерберийские змейки. Теперь их было видно намного лучше. Они жили в волосах, они были волосами. Тысячи змей. Это было и страшно, и... прекрасно. Переливаясь, будто радуга, сверкая каждая своим неповторимым рисунком, они подчинялись воле своей хозяйки. Я чувствовала, одно ее слово шепотом – и они выполнят любой приказ.

– Ты в одном из миров. Он прекрасен по-своему, возможно, когда-нибудь я покажу его тебе. Но не сейчас. Не узнаешь меня? – Женщина посмотрела в глаза, и передо мной пронеслись картины – паника, потому что исчезли дети, жгучая, разрывающая на части ревность... Ия!!!

Это была она – некогда прекрасная русалка, ставшая чудовищем, горгоной Медузой... Я вспомнила ярко-изумрудные, невероятной красоты глаза, белоснежные волосы и... капризную, надменную, но все-таки человеческую улыбку. Мимика Ии в ее теперешней ипостаси стала другой.

Змеиной?

– И кстати, не думай, что кто-то придет тебе на помощь. Ты – здесь, а доблестные воины, приставленные охранять возлюбленную милорда Верда, уверены, что ты едешь в коляске по империи Тигвердов.

Странно, но я чувствовала, что моей жизни ничто не угрожает. Во всяком случае, пока. Страха не было, а вот вопросов было много. Чего она хотела? Это по ее приказу были покушения на меня? Она связана с гильдией убийц? Мои размышления прервал тихий шелест – будто песок струится по камню. Что это? Это... смех?

– Не о том думаешь... – Женщина встала, и тысячи змей потянулись следом. Она сделала несколько шагов в мою сторону. Да, зрелище было прекрасно, но ладони все равно похолодели, и перчатки промокли насквозь.

– Ты... меня... жалеешь? – Ия была искренне удивлена.

– Ни одна любовь не стоит того, чтобы так себя... менять.

– Ты хотела сказать – уродовать?

Я кивнула.

– А ведь ты ничем не лучше меня. Я часто думаю – почему? Почему он полюбил тебя? Какой магией ты его приворожила?

– Никакой магии, – покачала я головой.

– Он встретил меня раньше. Я подхожу ему по положению. Я маг, как и он. Я красивее, в конце концов! Я спасла ему жизнь – там, на болотах, когда ты просто развернулась и ушла! Ты! Ты поверила, что мы занимаемся любовью, и бросила его!

– Что?! – Я не могла пошевелиться. Но не потому, что змеи шипели, а от золотого взгляда Ии похолодело все внутри. Я ощутила боль – в самом сердце. Я поняла, что чувствует Ричард. Теперь мы были квиты, он не поверил мне, я – ему...

Я, которая кричала, надрываясь до хрипоты, о доверии и презумпции невиновности! Как только мне показали непристойную картинку, тут же обвинила его. Даже не попыталась проверить, а в этот самый момент человек, который дороже всего на свете, мог погибнуть. А мне было все равно – я думала только о себе! И теперь придется с этим жить, и я вдруг поняла, что Ричард не сможет простить себя. Никогда. Так же, как я не смогу. У нас нет будущего.

Я стояла посреди оранжевых песков перед женщиной-змеей и сквозь слезы смотрела, как три солнца танцуют в небе. Ни одному из них не было до меня никакого дела. И от этого почему-то стало еще больнее...

– Как будто человек, которого только что вытащили из ямы, полной кентерберийских змей, может кого-то хотеть, – вернула меня к реальности

Ия.

Змейки в ее волосах обиженно зашипели.

– Не обижайтесь, маленькие. – Длинные тонкие пальцы погладили блестящую чешую.

– Ты знала про его охотничий домик в заколдованном мире – ты слишком много про него знала... Это ты вывела заговорщиков на Ричарда, это ты помогла подготовить ловушку в том месте, которое он считал безопасным. – Я говорила тихо, не обращая внимания на слезы, которые текли, не останавливаясь.

– Да, я! Меня нашли – высланную, жалкую, лишенную магии. И предложили помощь.

– А условием возвращения магии было то, что ты сдашь Ричарда?

– Да, – выдохнула Ия. – У меня тогда разум от ненависти и несправедливости помутился. Я согласилась.

– Но ты его спасла.

– Опомнилась, когда поняла, что слышу затухающее биение его сердца. Бросилась на помощь. Попыталась подчинить себе змеек.

– И получилось то, что получилось. Спасибо тебе... Что бы ни произошло теперь... Он жив благодаря тебе. Ты можешь меня убить, но я хочу, чтоб ты знала – я благодарна тебе и считаю, что ты достойнее меня.

– Почему же он отверг мою любовь? Почему, умирая от магического истощения, раз за разом скидывал мои заклинания? Почему ушел?

– Может быть, потому, что любовь принуждением не добывают.

– А как ее добывают?

– Не знаю, – прошептала я. – Должно быть, какие-то добрые силы приводят тебя к твоему человеку. Даже в другой мир...

– Ты все-таки удивительная, – печально заметила русалка. – Тебе настолько стыдно – до боли, что даже страх исчез.

– Я больше всех попрекала его, что он поверил в мою виновность, увидев запись на кристалле, который ему подсунули. – Я перестала скрывать, что плачу. – Я столько говорила о доверии... О том, что только это есть основа любви. А сама...

Я закрыла лицо руками.

– И вот что с тобой делать? – задумчиво проговорила русалка.

– Реши лучше, что делать с собой, – раздался рядом голос Ричарда.

– Ты... пришел? – прошипела Ия.

– Как видишь.

– Ты думаешь, что сможешь меня уничтожить? – Шипение было горьким и насмешливым.

– Ия, – проговорил он, – услышь меня. Я люблю другую. И... даже если ты убьешь кого-либо из нас – этот факт не изменится.

– Может быть, мне не будет так больно...

– Убийства не заглушают боли, Ия. Боль никуда не денется, а кровь и ярость сведут тебя с ума. Я знаю, о чем говорю, – я пробовал.

– Почему ты думаешь, что я буду реагировать так же, как ты? Посмотри на меня, Ричард! Внимательно посмотри... Что ты видишь? Я – монстр!

– Ты прекрасна. Молода. Могущественна. Ты мой друг. Если понадобится, я жизнью пожертвую ради тебя. Но я не люблю тебя. Всем сердцем желая тебе счастья, я не могу его дать... Прости.

– Ты предлагаешь мне начать новую жизнь? И оставить вас в покое?

– Я не желаю причинять тебе вред.

– А ты самоуверен.

Ненаследный принц Тигверд только кивнул.

– Ты же знаешь, что она предала тебя.

– Мы отзеркалили друг друга. Оба поверили своим глазам, вместо того чтобы слушать свое сердце. И мы сами будем думать, как нам быть дальше, если останемся в живых. Я буду драться с тобой до последнего, лишь бы спасти жизнь своей любимой. Но, повторяю, я не хочу тебе зла.

– Ты ее оправдываешь, – рассердилась русалка, и змеи в волосах возмущенно зашипели.

– Я просто хочу оправдать себя. Только почему-то не получается.

– Почему себя ты судишь строже?

– Я позволил всему этому случиться. Проявил слабость, – опустил голову Ричард.

– А почему ты все эти дни не приходил? – подняла я голову.

– Пытался найти в себе силы посмотреть тебе в глаза...

– Дурак...

Через мгновение нас куда-то несло порталом. А русалка со змеями в волосах осталась где-то очень-очень далеко.

Глава 37

– Ника... – Ричард стоял и смотрел, как у меня из глаз лились слезы. Все кончено. Не было больше Вероники – образованной, сильной, восстающей из пепла, спасающей чужие судьбы. Женщина, как минимум десять раз за последнее время начинающая жизнь с нуля, куда-то исчезла. Вместо нее стояла маленькая девочка с разбитым вдребезги сердцем, у которой сил не осталось даже на то, чтобы кулачком в перчатке вытереть нос...

Смотреть в черные глаза было слишком больно, я отвела взгляд и застыла. Мы были посреди развалин какого-то замка... И тут я поняла, где мы оказались. Родовое поместье Рэ. Прекрасный замок, утопающий в снегу цветущих яблонь. Небольшой, но очень выразительный пейзаж над камином в личной приемной императора ожил, превратившись в руины.

Руины... Ричард перенес нас именно сюда – место, где однажды его жизнь уже остановилась...

– Это мое родовое поместье.

– Мне жаль, – прошептала я. Перстень стал горячим-горячим...

– Ника! – Ричард до боли сжал плечи, но они так и не перестали дрожать. – Чего ты хочешь?!

Голос милорда эхом отразился от серых глыб. Это было так громко, что я мгновенно перестала трястись. Но не рыдать. Тоже, в общем-то, хлеб...

– Ричард... – Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Но оказалось, никто не собирается вести со мной долгие беседы.

– Вероника, пожалуйста, сделай то, о чем я сейчас тебя попрошу. И поверь – это важно. Очень важно. Я все объясню тебе потом – обещаю. А сейчас, пожалуйста, сделай то, о чем я тебя попрошу. Поняла?

– Да. – Я кивнула, ничего не понимая.

– Закрой глаза, выдохни, расслабься.

– Ричард! – В этот момент хотелось его убить.

– Ника! Пожалуйста...

– Хорошо. – Я сделала над собой усилие. Выдохнула, закрыла глаза, почувствовала успокаивающее тепло перстня.

– Дай мне руки. Сними перчатки, дай помогу. – Одним движением он сорвал с меня перчатки и крепко взял за руки. – Сосредоточься. Чего ты хочешь? Одно желание. Только одно. Пожалуйста, скажи его вслух. Ника –

чего ты хочешь?

– Сейчас или вообще?

– Стихии!!! Ты... ты невозможна! Сейчас, Ника, сейчас – прямо сейчас

– ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

– Не ори на меня!

– Чего ты хочешь?

– Танцевать! Танцевать хочу! Танго – есть такой страстный аргентинский танец. Так вот я хочу его станцевать – с тобой! ДОВОЛЕН?

Впечатление было таким, будто кто-то невидимый метнул в меня крюк на веревке, зацепил им за ребра и с силой рванул к себе...

Ричард крепко держал онемевшие пальцы, и, видимо, только поэтому я нашла в себе силы не паниковать. Вокруг клубилась плотная серая тьма, свистел ветер, и только когда все стихло, я смогла сделать следующий вдох. Очень осторожно. Потом прижалась к родной теплой груди, спрятала лицо и замерла, боясь пошевелиться.

Взяв за подбородок, Ричард поднял мое лицо и счастливо улыбнулся.

– Где мы, Ричард?

– Нигде.

– Ричард...

– Я серьезно, любимая. Это – пустота. Боевые маги используют ее для того, чтобы тренироваться. Здесь можно использовать свой ресурс в полную силу, не боясь навредить окружающим.

– Окружающим людям? – спросила я почему-то шепотом.

– Окружающим мирам, – грустно улыбнулся он.

– А... а что здесь делаем мы?

– Исполняем твоё желание. Ты не передумала?

– Нет. Танго!

Мы стояли в круглом зале. Блестящий гладкий паркет. Стрельчатые окна по всему периметру. Серая тьма клубилась вокруг, то тут, то там, выхватывая горящие канделябры, лепнину на стенах, чьи-то серые тени... Пламя вспыхивало само по себе. Горели не только свечи – сноп пламени мог вспыхнуть где угодно – сзади, в углу, между нами!

– Что это, Ричард?

– Это потому, что я – маг огня. Не бойся, он не причинит тебе вреда.

– Да, но... – Его теплая ладонь осторожно зажала мне рот.

– Тише... Слышишь?

Я слышала. Музыка. Фортепьяно, скрипка, бандонеон... Хлопки и стук каблучков. Но... Как? Где музыканты?

Зал был пуст, только серая, густая тьма. Возможно, я не видела

музыкантов из-за нее. Иногда Ричард исчезал – серо-сизый плотный туман окутывал его целиком – я лишь чувствовала тепло его рук и двигалась на ощупь. Иногда он не видел меня, но вел безукоризненно.

Я ничего не успела понять – на мне были туфли для танго и платье, не сковывающее движений. Ричард был в брюках с широким поясом – это все, что удалось разглядеть. Поворот – и между нами пронесся огромный огненный конь. Ричард схватил его за алую гриву, закинул меня ему на спину, провел жеребца вокруг себя, и через секунду я уже снова была в его объятиях! Пока мы медленно двигались, стараясь не сбиться с ритма, – огненный конь проскакал вокруг и исчез в серой тьме...

– Мой Анук-Чи... Он принял тебя!

– Какое счастье! – Мы разговаривали мысленно. Оказывается, и телепатически можно говорить с сарказмом...

– Ах так! – Он рванул меня к себе с такой силой, что зазвенело в ушах.

Нас била дрожь. Страсть сменялась ненавистью, ненависть – болью, боль... Боль уходила. Медленно, капля за каплей двигаясь вдоль вен и вспыхивая пламенем между нами. Мы боролись, переплетая пальцы рук с такой силой, что слезы наворачивались от боли. Мы двигались вокруг друг друга грациозно, мягко, как коты, – никогда не была такой гибкой и легкой, никогда не получала такого животного удовольствия от танца.

Ярость накрыла меня с головой. Наверное, Ричард чувствовал то же самое, потому что всполохи пламени превратились в плотное кольцо ревающего огня. Сейчас или никогда. Перстень сверкал и переливался, вливая в сердце теплую, сияющую энергию. Музыка стала громче. Быстрее. Ричард держал меня за талию, я успела обхватить его шею, когда все вокруг завертелось, закружилось, оглушило!

Сейчас или никогда. Или мы выплеснем боль, гнев и обиды наружу, чтобы забыть навсегда, или убьем друг друга, делая сложный поворот! Убьем, сжимая в объятиях, убьем, глядя друг другу в глаза...

Тьма.

Я очнулась от нежного прикосновения ветра. Солнце ласково пригревало, пахло свежестью. Было слышно, как скрипит гранитная крошка под ногами, как переговариваются и смеются люди, где-то вдалеке играют вальс. Осторожно открыла отвыкшие от дневного света глаза.

Скамейка, опоясывающая огромное дерево. Дерево это похоже на дуб с листьями цвета коралла – их много в императорском парке. Аллея, ведущая к белоснежному замку на холме. Мои руки, затянутые в перчатки, на коленях.

В мою сторону, щурясь от солнца, шел мужчина. Он смотрел на небо и

улыбался. Улыбался легко, светло и радостно, потому что он простил себя. А еще он знал, что я тоже простила. И его, и себя. Я поняла, что тоже улыбаюсь и... плачу. От счастья. Пустота дала нам шанс начать все сначала.

– Простите, если покажусь вам назойливым, – подошел ко мне мужчина и поклонился. – Но, может быть, вы позволите вам представиться?

– С кем имею честь?

– Ричард Фредерик Рэ, принц Тигверд, бастард его Величества.

– Вероника Журавлева.

– Очень приятно.

– И мне...

– Разрешите? – кивнул он на скамейку рядом со мной.

Эпилог

Все смешалось в поместье принца Тигверда. Мы с Ричардом, дети, мои родители. Фредерик, Брэндон, Милфорд, Швангау. Наташа и Джулиана, Луиза и Денис. Полковник Гилмор с супругой – молодой симпатичной кругленькой женщиной на сносях. Ирвин.

И конечно же, гордость нашего поместья – щенок.

И это было не какое-то торжественное мероприятие – так, семейно-дружеская вечеринка. С неприлично огромным количеством пирожков. Официально мы праздновали выход первого номера «Имперской правды».

Журнал должен был выйти чуть позже. Он так и остался «Имперской сплетницей», в «Имперскую пчелу» его переименовать не удалось. Ажаны водились в основном в районе Рэймского герцогства и жала не имели. Надо будет всерьез заняться флорой, а заодно и фауной империи. Библиотека дворца к моим услугам, если, конечно, император не передумал, – там должны быть атласы и энциклопедии.

– Итак, что у нас тут... – император дочитывал газету. – Статья о мятеже... Ага... Обезумевший верховный маг Удо Либревер при поддержке своих сторонников... Понятно... Покушение на принца Тигверда, на его невесту, на его величество и его высочество наследника...

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Брэндона они тоже заколдовали, – пояснила я. – К тому же если отделять его от остальных родственников вашего величества – имперцы сразу отметят, что он не пострадал. Пойдут нехорошие слухи. Не забывайте, ваше величество, – маги и так были уверены, что свергают вас для того, чтобы Брэндон стал императором.

– Допустим, – ответил мне Фредерик – и углубился в чтение дальше.

Надо отметить, что так или иначе выпуск первого номера «Имперской правды» прошел на ура. Уже к обеду пришлось срочно допечатывать – утренний тираж просто смели. Так что я – и дамы – принимали вполне заслуженные поздравления.

Я успела искренне полюбить свой штат ценных сотрудников. Поэтому с удовольствием за ними наблюдала.

Понятие «семейное торжество» каждый понимал по-своему, что само собой отразилось в выборе гардероба. Я, мама и Наташа были одеты с точки зрения «не портить себе праздник» – чтоб нигде не жало и кушать не мешало. Я была в новом темно-синем платье, мама – в юбке и умеренно

торжественной блузке, которая ей тем не менее очень шла. Наташе сшили платье для беременных ее любимого лимонного цвета. Писательницу не только не беспокоило, что она была похожа на цитрусового бегемотика, – она к этому стремилась и явно была довольна результатом.

Совсем по-другому восприняли почти семейный ужин Луиза и Джулиана. Но если Луиза выглядела сногшибательно в нежно-персиковом платье и бриллиантах по своей воле, то Джулиана просто не смогла вырваться из цепких рук Оливии. И если честно – это того стоило!

Несмотря на то, что девушка жила в доме могущественного огненного мага, где жарко пылали камин, Джулиана все время мерзла. Поэтому нежно-зеленое платье решили дополнить жакетом. Мы с Ричардом подарили ей изящные серьги с изумрудами в качестве премии за хорошую работу. Дополняли образ черные локоны, уложенные в высокую прическу.

У меня сжалось сердце. Джулиана была настоящей красавицей, но сама она воспринимала этот дар скорее как проклятие. Все это время она прятала свою внешность за копной невымытых волос, которые от отсутствия должного ухода превратились в паклю, и мешковатой выцветшей одеждой. Сколько же пришлось пережить бедной девочке...

Зато сейчас от изящной брюнетки глаз было не оторвать! И мне показалось что один из приглашенных уж точно со мной согласен... Хотя, возможно, только показалось...

Император тем временем продолжал что-то бурчать из-за номера «Имперской правды». Его величество сжимал несчастную газету с такой силой, что я поискала взглядом еще один экземпляр на всякий случай.

– Если вы, миледи Вероника, и дальше будете проявлять подобную настойчивость в сборе материала, – услышала я строгий голос, который, правда, противоречил слишком уж довольному виду, – то мне придется отправить в замок Олден...

– Кого? – поддался на провокационную паузу мой отец.

– Себя, конечно! – провозгласил Фредерик.

И все рассмеялись.

– А что? Комендант – добрейшей души человек. Уверен, он спасет своего повелителя! – улыбнулся папа.

– И ром у него – изумительный, – добавила я и задумалась. – Кстати, персону очень колоритная. Как бы у него интервью взять?

– Стихии! – воздел руки к небу император. – Что за наказание!

– Лучше его отдать на растерзание нашим журналистам, – склонился к отцу Ричард, – чем давать это самое интервью самим.

Я с негодованием посмотрела на него.

– Мама! Отец! – подскочил Феликс. – Вы что – опять ругаетесь?

– Ни в коем случае, – потрепала я его по голове, а Ричард с гордостью окинул взглядом всех присутствующих – смотрите, дескать, какой у меня сын.

Феликс первый стал звать Ричарда отцом, и получилось у него это как-то... просто и сразу. Пашка – по моим наблюдениям – тоже был готов. И у него время от времени вырывалось. Рэм, видя, что я счастлива, успокоился.

О русалке мы больше не слышали. Только иногда мне снились золотые змеиные глаза, в которых, будто волны морские, плескались одиночество и боль... Я надеялась, что когда-нибудь Ия тоже будет счастлива.

– Вот скажите мне, госпожа Блер, как мы вам? – услышала я голос его величества. – Не как персонажи ваших статей, а как живые люди? Очень отличаемся от той картины, что нарисовало вам воображение?

Я поспешила спасти бедную журналистку, которую Фредерик до сих пор проверял. Он устраивал допрос при каждом удобном случае, пытаясь решить, безопасно оставлять ее рядом со мной или нет.

– Отличаетесь, ваше величество. – У девушки получилось улыбнуться беззащитно и искренне.

– Чем же?

– Как вы верно заметили – вы живые люди...

– И в чем это проявляется? Говорите то, что думаете, – я позволяю.

– Вы действительно подавляете своей мощью. Я читала, что когда видишь вас – испытываешь желание покориться. Но думала, что это фигура речи. Оказалось – нет.

– Что еще?

– Вы заботливы по отношению к тем, кого вы любите.

– Вы весьма наблюдательны, милая барышня, – усмехнулся император.

Госпожа Блер смутилась, я же нахмурилась и выразительно посмотрела на императора.

– А чем вас удивил принц Ричард Тигверд? – продолжил Фредерик. Но намного мягче.

– Нежностью...

– Да, вы правы... – Император о чем-то глубоко задумался и вдруг спросил: – А наследник?

– Фредерик, можно вас на минуточку? – решила я, что самое время спасти Джулиану.

– Не нравится мне ваша новая знакомая, – тихо, чтобы слышала только я, прошепел император, оставив художницу в покое.

– Она просто попала в тяжелые жизненные обстоятельства, – в

который раз отметила я. – Ради того, чтобы всего-навсего остаться собой, этой девочке пришлось пройти через ад. И это случилось во вверенной вам империи, где писать картины – неприемлемо для женщины, даже при условии явно выраженного таланта!

Фредерик недовольно покачал головой и отправился к моему отцу. И гномьего самогона можно выпить, и мое неразумное поведение обсудить. А я поспешила к любимому.

– Слушай, я вроде придумала, как можно назвать нашу собаку, – тихо проговорила я на ухо Ричарду.

– Как?

Поскольку были все свои, он обнимал меня, и покидать его уютные объятия не хотелось.

– Принцем, – едва не лопнув от собственной креативности, ответила я.

Ричард грохнул:

– Что?! Это невозможно, любимая. Подобный поступок – оскорбление короны, даже в рамках нашей семьи. Нас сошлют на рудники вдвоем – тебя, меня и... его.

– Вот видишь – ему нужно имя! И потом, ну как такое очарование может тянуть на оскорбление короны? – кивнула я на щенка, который с умильным видом выпрашивал у Наташи лакомство. Писательница из последних сил крепилась, но, судя по всему, уже готова была сдаться.

– Прости, но не положено.

– Ладно. – И тут мне в голову пришла еще одна гениальная идея. – Назовем его Флоризелем.

– И кто это?

– Это один очень известный принц, который много путешествовал.

– Из твоего мира?

– Почти.

– Как скажешь, родная, жаль только у нас никто твоей идеи не оценит.

– Ну, во-первых, это хорошо, – так нас не сошлют на рудники, а во-вторых – один мой знакомый имперец точно оценит!

– Кто?

– Господин Мирров!

Ричард сильнее прижал меня к себе и нахмурился.

Я вздохнула и погасила вспышку глупой ревности долгим поцелуем, игнорируя Флоризеля, который тут же прибежал и тоже требовал внимания к себе.

Мужчины...

notes

Примечания

В. Высоцкий.

И. Бунин.

Г. Остер.

Музыка В. Холстинина, слова М. Пушкиной.